

У Р А Л Ь С К И Й № 7, 2007
Следопыт

**Июль
2007 (№601)**

«Уральский следопыт». № 7, 2007, (№601)

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото автора

Сказка Южного Урала

Заповедные земли Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

*...Все самое замечательное происходит внепланово...
Ну кто мог ожидать, что вот так круто, решительно и
всерьез Судьба сделает мне такой подарок? Конечно, я
давно подозревала, что мой любимый Северный Урал
не единственное место на Земле. Давным-давно я
исподволь настраивалась: мир-то большой посмотреть
бы, ну хоть что-то успеть... Но ведь — работа, дом, какие-
то повседневные дела и заботы, да просто дурацкая
нерешительность: а как? а куда?*

И вдруг — меня попросили помочь: всего-то на 3 дня, совсем недалеко и работа не сложная, до боли знакомая. И вероятно, Всевышний. Ангел-Хранитель, Звезды (кто определяет Судьбу?) были довольны моим решением — 3 дня прекрасного теплого лета посреди бесконечно затяжной весны выпали именно на эти три дня!

И попала я в совершенно иной, непривычный мне мир: веселые, светлые, радостные до звона березняки, резные липняки, а чуть пониже — настоящие джунгли с настоящими) лианами:

густо переплетенные кустарники увитые княжиком и хмелем... И золотое море цветов. Вот только Венерин башмачок еще только бутон выпустил. Но самое восхитительное, просто захватывающее дух — это озеро! В чаше гор, с многочисленными мысами и островами, с крутыми берегами опустившими до воды свои ветви деревьями... Рассыпанное серебро искрящихся неугомонных волн... Все это просто невозможно передать словами, это надо почувствовать; увидеть — не только глазами, но душой...

Но Звезды. Ангел-Хранитель, Всевышний (так кто же все-таки преподносит нам сказочные подарки?) подарили мне еще и продолжение этого моего открытия. Приглашение: поедешь в те края? да непременно!!! И снова все складывается самым удачным образом: и время, и сроки, и маршрут, и даже погода, скорее напоминающая глубокую осень — какие удивительные облака она нам подарила!!! А замечательная машинка: справилась с казалось бы непролазной грязью, когда нам приходилось сворачивать с трассы, не дала замерзнуть, подарила тепло

Озеро Ишкуль

и уют. Ну, а про спутников я и не говорю...

Около пятисот километров дороги — простор, широта и дали, округлые холмы, покрытые светлыми, будто улыбающимися лиственными лесами, какая-то непривычная чистота дорог и башкирских деревень: чего стоят одни их заборы, ровненькие, из штакетника покрашенные в один цвет. Оказывается, на полях по-прежнему пасутся стада и даже кое-где поля по-прежнему пахут, что-то сеют; надо бы проверить осенью — неужели и убирают урожай?

Два дня мы провели на реке Сим — основной целью этого путешествия были пещеры Серпиевские и Игнатьевская, расположенные в скалах правого берега реки. Серпиевская 1, Серпиевский грот и Серпиевская 2 (ее еще называют Колокольня) — практически у уреза воды, Игнатьевская — на высоте 12 метров от уровня воды в нижней по течению реки части скалы Ямазеташ (скала высотой 85 метров и общей протяженностью 300 метров). На протяжении 15 км от Серпиевских пещер до Игнатьевской в настоящее время зафиксировано около 20 пещер и небольших гротов. А недалеко от Игнатьевской пещеры течение воды в русле реки в летнее время прекращается, вода уходит под гору Эссюм и появляется через километр на поверхности в виде трех грифонов. Но это — пока что лишь теоретические сведения (ну как не броситься и не прочитать про такие замечательные места по возвращении?). Я же видела скалы — стоя на этой самой же скале высотой в 85 метров!!! Подо мной расстились широколиственно-темнохвойные леса, примыкающие прямо к реке, практически скрывающие ее. Весеннее разноцветье дуба, пихты, ели и липы создавало удивительную зеленую мозаику, а за спиной, на высоком правом берегу, шумел сосновый с примесью березы и лиственницы лес. И надо же: над самой скалой — Венерин башмачок! Ну не могла же я не увидеть его: такие места — и без сказочного (ну ладно, пусть не аленького, но все же очень редкого — красно-книжного!) цветочка!?

октябрь 2007

Тамара ЛИТВИНЕНКО

Как же выглядели эти самые шумеры?...
Раскопки на Южном Урале показали, что здесь еще во 2-м тысячелетии до н.э. проживали похожие на шумеров красавцы и красавицы

Леонид КИРИН

— Я погиб в возрасте двадцати шести лет. И сейчас мне двадцать шесть. И вообще, в списки личного состава части я зачислен навечно — так что присяга обязывает поставленную командованием задачу выполнить...

Ювеналий ГЛУШКОВ

...Мужиков в ту пору не случилось... Ты, князь, с бабами биться востер! На святой монастырь покрестилась и спокойно взошла на костер.

Елена ДУРЕКО

«Уральский следопыт» начинает новый проект — серию путешествий по границе Европы и Азии, общая протяженность которой по территории России составляет 5524 км, из них по уральскому хребту — 2000 км. Пунктами назначения в каждой поездке по уральскому хребту будут знаки, поставленные на стыке двух частей света.

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Портреты</u>	
В. ЛЕНДЕНЕВ	Переводчик командора Беринга 8
Н. ГАРЕЛЫШЕВА	Целитель Замуравкин..... 19
<u>Тропой поиска</u>	
Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России.....7
<u>Юбилей</u>	
Е. МАКУШКИНА	Левиха: в поисках «утерянных» шурфов 41
<u>Мемуары</u>	
В. ФИННОВА	Да поможет мне море.....48
<u>Версия</u>	
Т. ЛИТВИНЕНКО	Родина шумеров — Урал? 76
<u>Легенды и были</u>	
К.КЛЮКАНОВ	Легенда о Коршуне-Зовуне 80

АЭЛИТА

<u>Координаты чудес</u>	
Л. КИРИН	Земля отцов 35
<u>Сумма технологий</u>	
Е. ЛОТОШ	Ошибки и штампы в фантастике 38
<u>Повод для улыбки</u>	
И. СИТНИКОВ	Коньяк, маслины, «беломор» 57
<u>Законы Вселенной</u>	
Т. ТОМАХ	Осознание Ада.....70

СВЕЧА ГОРЕЛА

<u>Наши знакомые</u>	
О. ЧУДНОВСКАЯ	Стихи..... 5
Н. СМИРНОВА	Чусовское озеро 7 4
<u>Время мастера</u>	
Е. ПИНАЕВ	Пишите письма! 22
Ю.ГЛУШКОВ	Стихи..... 60

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Экспедиция «Уральского следопыта»</u>	
А. ПАНИН	Палкинские древности..... 2 пол. обл.
<u>Заповедные земли Урала</u>	
С. ДВОРНИКОВ	
Ю. ЛАРИНА	Путешествие на Вагильский Туман..... 16
Е. ТЮНИН	Блюз над рекою, или Путешествие в сердце Пармы 64
<u>Проекты «Уральского следопыта»</u>	
Е. ДУРЕКО	Граница Европа — Азия от Курганов до 17 километра 44

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.
Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С. А.Надь. **Худ. редактор, верстка** — Ю.В. Ульянова.
Художники — А.А. Федотов, Я. Ахметшина.
Набор — В.М. Кадочникова.
Корректоры — Т.В. Сергеевко.
Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
Издатель — СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»».
Редакционный совет — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет —
• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
• Семен Спектор, заслуженный врач России.
• Дмитрий Бургов, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.
Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
E-mail: uralstalker@mail.ru
www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и знаком публикуются на правах рекламы.
По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 269-22-34.
Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России. Подписной индекс 73 413. Цена свободная.
«Уральский следопыт.uralstalker.ru», № 1 подписан к печати 15.09.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Краснотурьинск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 4276

Чтобы не забыли К 65-летию «Молодой гвардии»

«(...) И еще. Как вы знаете, в сентябре этого года (2007), исполняется 65 лет со времени создания в Краснодоне подпольной молодежной организации «Молодая гвардия». В связи с этим на Украине идут большие приготовления. А я написала письмо нашему президенту Путину с предложением наградить Виктора званием Героя Советского Союза (посмертно). Или, в крайнем случае, посодействовать перед президентом Украины о награждении его званием Герой Украины».

Это — из письма ко мне Елены Михайловны Самариной (в девичестве Третьякевич), живущей в городе Дзержинске Нижегородской области. Виктор — ее дядя, родной брат отца Виктор Третьякевич, один из действительных создателей «Молодой гвардии».

Знакомство с Еленой Михайловной началось у нас так. Прочитала она мою книгу о школьном учителе литературы Генрихе Леопольдовиче Эйхлере. И написала мне, что тоже знает этого человека, переписывалась с ним. И еще, что у нее собран большой материал о дяде Вите, который создавал «Молодую гвардию», а вовсе не Олег Кошевой, как долгое время считалось.

Хотела издать книгу о дяде, о Викторе Третьякевиче, но никто не берет. И не из-за цензуры, ее уже нет, а потому, что никому это, дескать, уже неинтересно. Не помогу ли я издать эту книгу у нас в Екатеринбурге?

Я помог. Книга вышла у нас под названием «Повесть о братьях Третьякевичах». Готовя ее к печати, я изучил массу материалов о «Молодой гвардии». Прислали мне редкий сборник документов об этой организации. И я написал статью для Интернета. Здесь даю ее в сокращении.

Правду, ничего, кроме правды!

Название у сборника длинное, суховатое: «Молодая Гвардия» (г.Краснодон) — художественный вымысел и историческая реальность. Сборник документов и материалов» (Москва, изд. «Вече», 2003).

Давно ждали мы, серьезно интересующиеся историей Великой Отечественной войны, эту книгу. Временами казалось, что она уже не появится. Что «поезд ушел», поскольку место действия знаменитой подпольной молодежной организации — теперь отдельное государство, Украина. Ну, была эта партизанская группа, ну, погибли ребята, жалко их. Мало ли других организаций было в годы той войны. И мало ли других событий.

Говорят, Александр Фадеев в своем романе об этой организации что-то напутал. Вроде бы не Олег Кошевой был комиссаром, как всегда считалось, а кто-то дру-

гой, кажется, Третьякевич. Фадеев вывел его предателем с похожей фамилией Стахович.

Предатель там был другой. А того «Третьякевича-Стаховича», говорят, реабилитировали и наградили посмертно — он ведь тоже был казнен. И еще писали, что ему даже памятник поставили.

В общем, сейчас чего только не пишут! Много в истории, оказывается, было совсем не так, как нам раньше преподносили. Не знаешь уже, чему верить и кому верить.

Вот почему читал я сборник документов о «Молодой гвардии» с особым чувством. Три с половиной сотни страниц практически одних документов. Сотни имен. И, конечно же, замечал противоречия в документах, в показаниях свидетелей.

Перевернув последнюю страницу, думаешь о том, что работа проделана составителями сборника громадная. И надо бы появиться

Молодогвардейцы В. Левашов, А. Лопухов, Р. Юркин у памятника Виктору Третьякевичу в с. Ясенки Курской области. 1965 г.

этой книге раньше. Много раньше! Когда еще живы были некоторые молодогвардейцы. И близкие к тем событиям люди. Вот и сами составители сборника Н.К.Петрова и И.А.Иоффе пишут в предисловии:

«Еще нет однозначного мнения о роли Олега Кошевого и Виктора Третьякевича в руководстве организаций, (...) нет документов об информированности Абвера о «Молодой гвардии». Неясно, кому был передан список наиболее активных молодогвардейцев, составленный Олегом Кошевым в декабре 1942 г. (...) Нет ясности в вопросе рождения легенды о партийном руководстве комсомольским подпольем».

Слова о списке, составленном Кошевым, можно понимать и так, что Олег тоже виновен в провале организации. А уж о партийном руководстве давно понятно, что оно, если и было, то вовсе не в той мере, как показано в романе Фадеева

Василий Левашов

Виктор Третьякевич

(вторая редакция) и в кинофильме Сергея Герасимова.

Еще из предисловия:

«Многое мы о них (молодогвардейцах) знаем, но каждый новый штрих к их портретам, каждая деталь, раскрывающая их подвиг — это шаг по восстановлению истории комсомольско-молодежного подполья в г.Краснодоне, попытка отделить художественный вымысел от реальных событий».

Попытку эту составители прямым образом не сделали. Напечатав все возможные документы, они как бы говорят нам, читателям: выводы делайте сами. Отделяйте!

«Повесть о братьях Третьякевичах» тоже указана в конце сборника о «Молодой гвардии» — это я с удовлетворением отметил. А начинается сборник (после предисловия) обращением к читателям последнего из живших тогда молодогвардейцев В.И.Левашова.

Подписав свое обращение 22 июня 2001 года (ровно в день 60-летия начала Великой Отечественной войны!), Василий Иванович, увы, не дождал до выхода сборника в конце 2003 года. Сильно он болел, даже писать ему было трудно. Испросив у Самаринной петергофский адрес последнего живого молодогвардейца, я написал Левашову. И он успел ответить на мой вопрос, правда, не мне, а Самаринной, с которой переписывался: «Комиссар был Виктор...»

Написал я еще раз Левашову, посплав ему свою книгу об Эйхлере.

И вновь очень коротко ответил он не мне, а Самаринной. Из-за болезни он писал только ей. «Передайте Борису Семеновичу, что книгу я получил и благодарен за нее...»

Елена Михайловна прислала мне копии этих писем. Так я еще раз прикоснулся, теперь уже очень близко, к легендарной странице войны. К одному из известнейших молодогвардейцев.

Но главное не в этом. Точка на всей истории «Молодой гвардии» далеко не поставлена. «Будущих историков ждут еще новые интересные открытия, — пишут составители сборника, — ведь до сих пор не все документы, относящиеся к истории «Молодой гвардии», доступны для изучения».

Не только историков, хочется добавить.

Так совпало, что вскоре в газете «Вечерний Екатеринбург» за 2 февраля 2005 года появился полнополосный материал, составленный Лией Гинцель, под названием «Цена, за которой не постояли».

Подзаголовок: «Документы о расправе над членами организации «Молодая гвардия» хранятся в Свердловском архиве». Приблизился День Победы, весь 2005 год был объявлен годом Победы. Печатались материалы, связанные с Великой Отечественной войной.

Материал был подготовлен журналисткой на основе сведений, десятилетия хранившихся в нашем областном партархиве, как он назывался в советское время. А попа-

ли туда эти сведения от известного в те годы лектора-международника П.Н.Ни-Ли.

Приближалось 30-летие Победы, и Павел Николаевич упоминал в своих лекциях и о знаменитой на весь мир молодежной подпольной организации. Здесь, в Свердловске, он тяжело заболел, и его бумаги сдали в партархив. Так они и пролежали треть века. На другой день после появления в «Вечерке» материала Лии Гинцель весь город говорил о «Молодой гвардии». Звонили в редакцию. Пересказывали друг другу, передавали газету. Оказалось, что история с «Молодой гвардией» не устарела, что она многих волнует.

Читая очерк Лии Гинцель, многие испытывали ужас. За кошмарными подробностями фашистской расправы — пытками, обезглавливанием героев, избиением их родителей, мало кто обратил внимание на слова автора: «Виктор Третьякевич, кстати, стоял у истоков создания «Молодой гвардии».

До их пор еще спорят историки, архивисты, журналисты, кто был настоящим создателем и руководителем этой легендарной подпольной организации: Олег Кошевой или Виктор Третьякевич? Или кто-то еще? Сборник документов медленно, но верно склоняется к Виктору Третьякевичу. Вот же и Иван Туркенич, сказано в очерке Лии Гинцель, на митинге клянется отомстить за Витю (Третьякевича).

Есть и другие спорные вопросы по этой организации. Вызваны они в основном тем, что не все архивы еще открыты.

Газета с материалом Лии Гинцель сразу же была послана нескольким компетентным в истории «Молодой гвардии» лицам. В частности, глубоко и много лет увлеченной этой организацией, лично знавшей двух из оставшихся в живых молодогвардейцев — Наталье Бухвал из города Пскова. Наталья Кимовна прислала свои подробные замечания: их в «вечеркинском» материале оказалось много.

И все-таки хорошо, что публикация Л.Гинцель была сделана. Она вновь привлекла внимание к одной из славных страниц нашей истории.

А связана ли история «Молодой гвардии» с Уралом? Есть несколько

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

В

ВАСИЧ Елена Адамовна (урожд. Кричевская; 1883—1968), авт. восп.

Врач; в 1906 — 08 гг. член ЦК эсер. офиц. орг. «Мои воспоминания» (1800-е — 1950-е гг.). (РГБ ОР. Ф.218. № 1284. 5. №1284. 6.)

ДВ. Указ рук. (ук. им.).

ВАСЮНКИНА Афимья Григорьевна, авт. воспоминаний

Крестьянка. «Жизнь колхозницы Васюнкиной, рассказанная ею самой». М.-Л., 1931, ил.

ИДРДВ. Т.4. Ч.1. № 887.

ВАСЮТИНСКАЯ Валентина Дмитриевна (в замуж. Маркадэ; ? — 1994), авт. воспоминаний, искусствовед, переводчица (?). (1912).

Оставила воспоминания о писательнице Н.А.Тэффи, о совместной жизни с ней в Париже \ \ Возрождение. 1962. № 131. С. 87-95.

РРЭВД. 4; Венгеров. Источ. (у него В.Васютинская, переводчица — 1912).

ВАТАЦИ Мария Петровна (урожд. Мертваго; 1860 —?), авт. воспоминаний.

«Быль минувшего» — «Ист. Вест.», 1913, № 1-7.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 719.

ВАТЕЛЬ Надежда, поэтесса

Ее стихи напечатаны в сборниках «День русской культуры», изданных в Харбине в 1931 и 1932 гг.

Кн. рус. зарубежья.

ВАТМАН-ОРЛОВА Евлалия Георгиевна (псевд. Тарасун; 1891 —?), журналистка, писательница, критик.

Род. в Змеиногорске на Алтае в семье инженера Ватмана. Окончила Барнаульскую гимн. и Высшие женские Бестужевские курсы. Работала педагогом в детской трудовой колонии в Томске. С 1911 сотр. в газ. «Жизнь Алтая», публикуя литературно-критич. статьи. В 1912-16 печаталась в газ. «Сибирская жизнь» (Томск), в журн. «Сибирские вопросы». В «Вестнике Европы» печатались ее рассказы: «Розовые мальвы» (1913. № 10), «Буба», «В тиши» и др. В 1918 была секретарем редакции журнала «Известия наркомпрода» (вела отдел «На местах», писала обзоры). В 1921 командирована за границу, сотрудничала в газ. «Новый мир», издававшейся в Берлине советским полпредством, была заграничным корр. газ. «Советская Сибирь». Под псевд. Тарасун опубликовала ряд статей, в т.ч. «Новое в цюрихском житье Владимира Ильича» (1926. № 163. 18 июля).

Лит. наслед. Сибири. 1 (портр.)

ВАТРЕНОВА Милка

«Небольшая картинка из большой рамы, рассказ из нынешнего восстания в южной Боснии». «Гражданин». 1877. № 1.

Слов. рус. писательниц.

ВАТсон Мария Валентиновна (урожд. Де Роберти де Кастро де ла Серда; 1848 — 1932), переводчица, поэтесса, историк литературы.

По отцовской линии была исп. происхождения. Сестра философа и публициста Е.В.Де-Роберти. Выйдя замуж за публициста и переводчика Э.К.Ватсона, сблизилась с кругами либеральной интеллигенции: Н.К.Михайловским, П.Ф.Якубовичем, В.Г.Короленко, Г.А.Лопатиным, Н.А.Морозовым. В литературу пришла со стихами. Владея рядом иностр. языков, занялась переводами (как поэтич., так и прозаич.), а затем и изучением зарубежной литературы, преим. испанской и португальской. Перев. О.Мирбо, Аларкона, Ибаньеса, Брет-Гарт. Пер. с исп. Андалузские народные сказки, собранные Фернандо Кабальеро («Труд», 1895. № 5). Авт. работ: «Испанская сатира 30-х годов», «Португалия и ее литература», «Ларра, исп. сатирик», напечатанных в журналах. Предприняла изд. «Итальянской библиотеки». Ей принадлежит 6 вып. критико-биограф. очерков: «Ада Негри», «Джозуэ Кардуччи», «Витторио Альфиери» и др. Для биогр. библиотеки Ф.Павленкова написала биогр. Данте и Шиллера. Участв. в издании соч. Лопе де Вега и написала для него биогр. очерк. Побывав в Испании, познакомилась с нек. исп. писателями и состояла с ними в переписке. В 1907-м издала единств. в то время полный пер. ром. М.Сервантеса «Дон Кихот», с прим. и биогр. очерком, положит. оцененный современниками. Сотр. в Энциклоп. словаре Брокгауза и Ефрона. Была дружна с С.Я.Надсоном. После смерти поэта, скончавшегося у нее на руках, опубл. его рукописи и изд. наиболее полное собр. его соч. с обстоятельным биографич. очерком (Т.1. Пг., 1917). В конце жизни обратилась к воспоминаниям, которые ост. незавершенными (ИРЛИ, ф.402, оп.1, д.1). Авт. «Этюд и очерков по общественным вопросам». О ней: Грузенберг О.О. Памяти М.В.Ватсон \ \ Последние новости. 1932. 7 авг.; Рыс П.Я. Портреты. — Париж, 1928.

Русские писатели (портр); Масанов; Амфитеатров; ЛЖР.

(Продолжение на стр. 19)

мелких привязок. Артист Владимир Иванов, игравший роль Олега Кошевого в кинофильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия» (1948 г.) — наш земляк, родился в Свердловской области. С ним связана красивая легенда, будто Олег Кошевой не погиб, а уцелел и долго жил в Америке. Якобы, когда умерла Елена Кошевая, мать Олега, «Олег Кошевой» приехал на похороны и кинулся на могилу с криком: «Прощайте, мама!» Иванов очень любил мать Олега, и она его полюбила как сына, говорила, что он очень похож на Олежку. Вот и родилась легенда, что Олег-то жив!..

Постановщик кинофильма «Молодая гвардия» Сергей Аполинарьевич Герасимов тоже наш земляк — уралец, родом из Челябинской области. И книга «Повесть о братьях Третьякевичах» издана в Екатеринбурге...

И даже такая любопытная деталь: бабушка Олега Кошевого после войны работала в нашем свердловском институте ВОСХИТО — восстановительной хирургии и травматологии.

Недавно показывали документальный телефильм об Александре Фадееве. Там прямо сказано, что драматическая история с романом «Молодая гвардия», кроме всего, также подкосила психику писателя и довела его до самоубийства. «Кроме всего» — в том числе и того, что Третьякевич, выведенный в книге под прозрачной фамилией Стахович, оказался не предателем, но напротив, создателем организации.

В те же дни по ТВ прошел новый телесериал «Молодая гвардия». И хотя руководителем там все еще показан Олег Кошевой, но в финале сказано, что большую роль в создании организации сыграл Виктор Третьякевич.

И снова цитата и письма Елены Самариной: «...И самое удивительное: в печати сообщалось, что в Китае начинаются съемки 50-серийного кинофильма «Молодая гвардия». Как вам это нравится? Просто набросились на эту организацию. Тоже, видимо, хотят успеть к 65-летию ее создания. И я хочу написать им, китайцам, через посольство в Москве, чтобы учли новые подходы к «М.г.», чтобы не забыли Виктора...»

Последняя страница в истории «Молодой гвардии» все еще не написана. Не поставлена точка и в одной из трагических загадок этой организации.

Сергей ТРИЩЕНКО, Белгород

То, что тебя окружает

Произошло обычное: патрулируя в своем секторе космоса — юго-западной части среднего Рукава внешней спирали основного звездного облака галактики, пилот Сэфридаик, космопланетный разведчик первого ранга, звездный специалист суперэкстракласса, кавалер ордена Серебряной звезды, встретил неорганический астероид.

Собственно, его-то и астероидом толком назвать было нельзя: уж очень был мал. Да и происходило все в пятницу, так что Сэфридаик вполне мог сделать вид, что ничего не заметил, и никто бы его за это не упрекнул. Ну, не заметил — и не заметил, мало ли чего не замечают. Экран проспал.

Экран действительно спал, вернее, дремал, работая едва ли на одну десятую обычной мощности, так что голубые и лиловые волны усиления слабо перекатывались по поверхности, лениво перетекали через края и затухали. И то бледное пятнышко, что мелькнуло слева от центра, вполне могло быть самой обычной соринкой, возникшей от слишком давнего промывания экрану внешних глаз.

Но слишком много видел Сэфридаик астероидов, чтобы забыть об истинном долге патрульного. Ведь астероид встретился точнехонько на грузовом маршруте, пусть и не очень напряженном, но все же существующем. Сэфридаик еще удивлялся: ну кому понадобилась эта небом забытая часть космоса? Здесь он бывал неоднократно, ничего не встречал и был наверняка уверен, что никогда ничего не встретит.

Патрулирование было самым обыкновенным. Рядовым, неотличимым от сотни других, когда ничего не случается и лишь разноцветные блестящие звезды расцвечивают черноту космоса. Откинувшись на спинку кресла, Сэфридаик лениво зевал, поглядывая на перекатывающийся легкой рябью экран: тот спал и потому работал лишь на малую часть мощности — только чтобы ни с кем не столкнуться. Да и что могло встретиться в этой небом забытой части космоса, кроме подобных неорганических астероидов? Частью их уничтожали, избавляясь от помехи движению на пути неповоротливых транспортных кораблей. Для другой

части определяли и закрепляли постоянные орбиты, дабы потом, организовав экскурсии, показывать падким до сенсаций обывателям чуда космической природы.

Но это обыватели, которые в дальнем космосе бывают редко и потому ахают и охают, глядя на неорганическую диковинку. Опытный же косморазведчик встречает такие штуковины чуть не каждый вылет, особенно длительный — то ли еще можно встретить во Вселенной! — поэтому Сэфридаик сначала не хотел будить экран, рассматривая залетного гостя скорее по профессиональной необходимости, чем из любопытства. Сигнал о неорганике, а все остальное...

И тут Сэфридаик поразился:

— Усики, хвостик, глазки... и эти лапки с когтями... Покатая спина... а на ней что за перепонка? Крылья? Совсем похоже на творение рук человеческих, если бы не было столь неорганическим. Вот что может учудить природа! Сама, без помощи разумного начала... Вот так Вселенная! Вот так Мироздание! Такому астероиду место в музее — он, кстати, совсем маленький. Надо сообщить центру... но сначала рассмотреть его как следует. Вдруг ошибка?

Сэфридаик легким шлепком руки разбудил экран, отчего тот недовольно заворчал, и по нему разбежались разноцветные волны. Но когда агрегат разглядел, из-за чего был разбужен, мигом сбросил пелену дремы и мгновенно увеличил размеры и яркость изображения, многократно превысив все паспортные параметры для экранов подобного класса: в космос он вышел впервые и ничего подобного пока не встречал.

Сэфридаик удовлетворенно хмыкнул: ему удалось заинтересовать экран, не прибегая к различного рода уловкам и ухищрениям, равно как и к беспочвенным обещаниям, неумным посулам и обманам, к коим неизбежно прибегали пилоты, желавшие рассмотреть что-либо в космосе. Хотя экраны этого типа и отличались особой наивностью, благодаря которой их удавалось обманывать не один раз, однако ложь заметно сокращала их ресурс: не получая, в конце концов, обещанного, они замыкались в себе и решительно

Сергей Александрович Трищенко родился 6 февраля 1958 г. в г. Суджа Курской области. Окончил Белгородский технологический институт строительных материалов. Имеет свыше 50 изобретений в области пылеулавливания, очистки воздуха и КИП. В настоящее время работает директором издательства Белгородской государственной сельскохозяйственной академии. Пишет, по некоторым сравнениям, в стиле Шекли. Ничего против такого сравнения не имеет. Хотя кое-кто сравнивал и со Стругацкими, от чего тоже не отказывается.

отказывались показывать что-либо и лишь пускали пузыри, расплывающиеся радужной пленкой по поверхности, за которой не было видно решительно ничего. И пилотам приходилось возвращаться на базу, причем с особыми трудностями: как лететь в космосе без экрана?

Поэтому с экранами, как, впрочем, и со всеми другими системами корабля, пилоты предпочитали не ссориться.

Насмотревшись на астероид всласть в мельчайших подробностях и наудивлявшись ему, Сэфридаик решил-таки связаться с базой и передать сообщение об удивительной находке. Протянув руку к микрофону и не найдя его на положенном месте, Сэфридаик ничуть не удивился: если редко обращаешь на кого-либо внимание, на тебя могут обидеться, а потом приходится завоевывать доверие вновь. Но, может, микрофону просто понадобилось куда-нибудь? Микрофон у Сэфридайка был совсем молоденький и поэтому беспокойный.

Вздыхнув, Сэфридаик отправился на поиски микрофона. Проходя мимо стенного шкафа и взглянув вниз, он подумал, что давно пора взрыхлить под ним почву... ну да ладно, это потом. Куда же мог деться микрофон?

Оглядываясь по сторонам, Сэфридаик заметил торчащий из-под Информационной Структуры тоненький хвостик.

— Вот ты куда забрался! — удивился Сэфридаик. Он цыкнул зубом, и хвостик сразу же сменился острень-

кой мордочкой. Посвистывая и подманивая кусочком сахара, Сэфридайку удалось поймать микрофон и, угостив сахарком, взять в руки. Взглянув затем на обиженно стоящее рядом кресло, Сэфридаик подошел к стенному шкафу, вытащил одной рукой охапку сена (микрофон при этом недовольно фыркнул) и, вернувшись к пульта, опустил сено креслу.

Кресло удовлетворенно моргнуло маленькими глазками и принялось неторопливо жевать. Сэфридаик осторожно сел сверху и погладил теплую спинку.

— Соедини-ка меня с центром, пожалуйста, — обратился он к пульта. Тот с готовностью замигал разноцветными глазками, настраиваясь на волну центра. Тихое мычание удостоверяло Сэфридайка, что центр на связи.

— Алло, центр, — начал Сэфридаик — неожиданная находка. Неорганический астероид. Двусторонне симметричный, с лапками и усиками. Очень похож на живое существо, возможно, результат деятельности Братьев по Разуму. Включаю трансляцию!

И он кивнул пульта, чтобы тот подключил на внешний обзор еще и линию центра, раздвоив сигнал от экрана, и сам принялся в который раз рассматривать изображение космического гостя, медленно поворачивающегося в пространстве сбоку от корабля, сопровождающего его параллельным курсом.

В центр полетела картинка — изображение «неорганика»: параболическая и штыревая антенны, призма основного корпуса, вынесенный блок фото- и телекамер, фермы крепления, закопченные сопла микродвигателей системы ориентации...

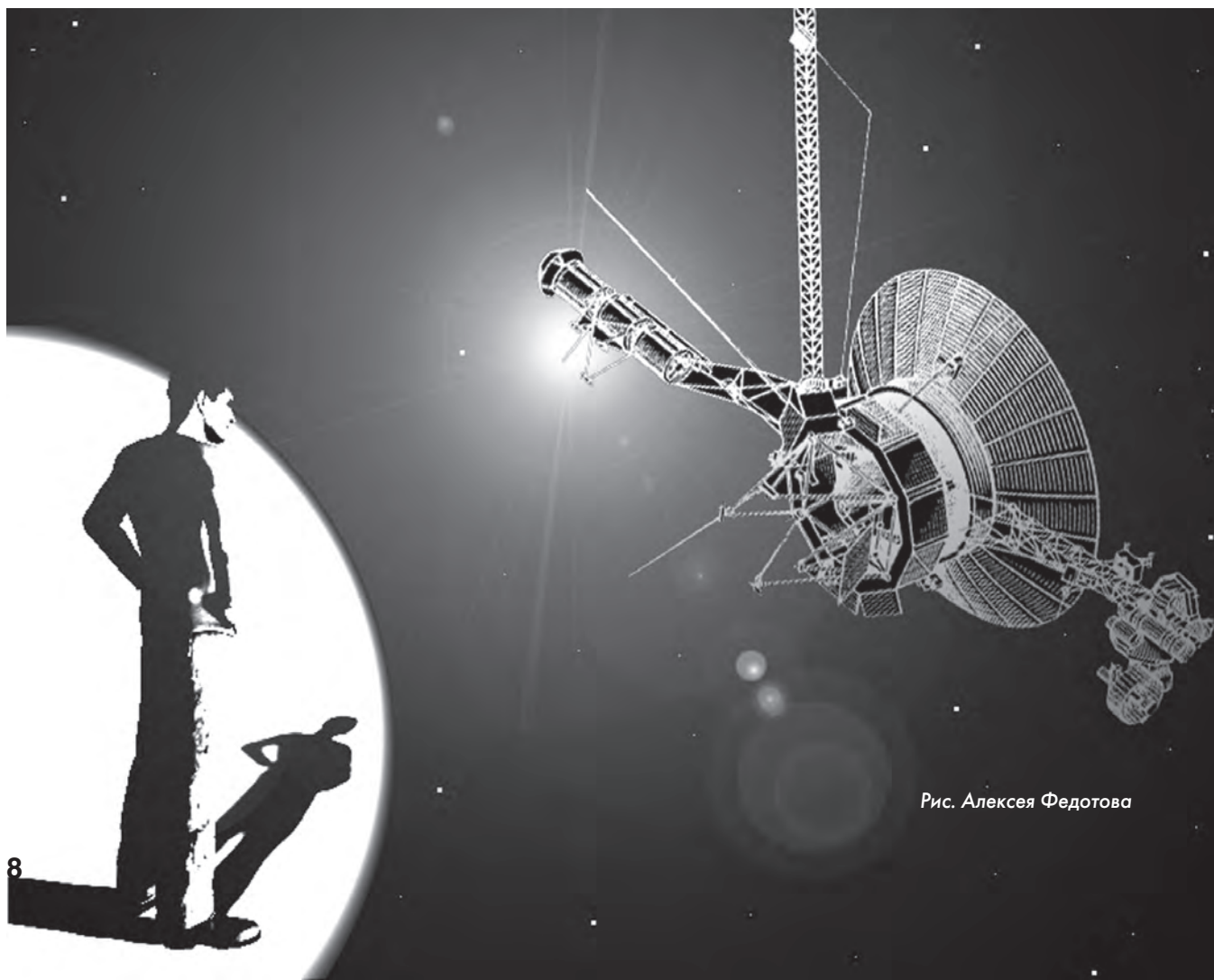

Рис. Алексея Федотова

— Ну как, центр? — не выдержав долгого молчания, спросил Сэфридаик. — Годится для музея? Я надеюсь, вы назовете его моим именем.

Микрофон все время хрустел сахарком, что-то тихонько напевая про себя, что, впрочем, нисколько не мешало разговору, воспринимаясь скорее как легкая эмиссия или же обычный фоновый шум.

— М-м-м... вынужден огорчить тебя, Сэфридаик. Выглядит-то он неплохо, но сдаётся мне, у нас есть точно такой же экземпляр. Только поймали его в другом секторе.

— А говорят, природа не повторяется, — разочарованно пробормотал Сэфридаик.

— И природа повторяется, — устало заметил голос с базы, — хотя и не так, как хотелось бы нам. Ведь разумных существ во Вселенной, несмотря на годы поиска, мы так и не встретили. А это... должно быть, есть в космосе особая область пространства, до которой мы еще не добрались, откуда и летят к нам эти осколки неорганической материи.

— А может, это все же дело рук разумных существ? — кивнул Сэфридаик на экран, где астероид повернулся боком, демонстрируя черные буквы «VOYAGER», — эти пятна очень похожи на мимикрирующую окраску.

— Скорее всего, они образовались в результате длительного воздействия космических лучей, — возразил голос с базы. — Неужели ты серьезно веришь в то, что разумное существо может долго находиться среди мертвых предметов, а тем более создавать их? На это способна только природа. Вспомни Старые Сказки!

Сэфридаик вздрогнул: Старые Сказки! Их проходят еще в школе, как он мог забыть? Вот что значит долгая работа в космосе: появляется иной взгляд на окружающее и, встречая неорганические астероиды, начинаешь предполагать, что возможность существования неорганических цивилизаций не столь уж невероятна. Пустые фантазии! Что общего у человека с камнем? Старые Сказки!.. Хорошо, что ему вовремя напомнили о них...

Человек не может жить без вещей, он создает их специально для себя. Потом среди вещей появляются любимые — например, чашка, кресло или платье... Человек передает вещам частичку души, привязывается к ним. Если вещи живые, они платят ему тем же, такой же привязанностью и все живут в мире и согласии.

Но если вещи неживые... Человек все равно привязывается, привыкает к ним и так же отдает каждой частицу души... но ничего взамен не получает. И если вещей вокруг слишком много, души у него не остается.

Неживое разрушается под действием внешних сил, и лишь жизнь способна сопротивляться разрушению, воссоздавая себя. Жизнь — это попытка вырваться из хаоса, организующее начало Вселенной. Только она способна сопротивляться разрушению, созидать порядок. Вещи чувствуют это и стараются заполучить частицу человеческой души.

Потому-то невозможны неорганические цивилизации: ведь бездушное — значит, неживое. У всего живого есть душа. Жить без души нельзя, без души можно только существовать — как мертвый предмет. Так говорили Старые Сказки.

— Ты хотел бы встретиться с цивилизацией бездушных? — строго спросил голос с базы...

— Н-нет, — пробормотал Сэфридаик. Живые камни... Неорганические люди? Люди-камни... Это... страшно!

— Что с ним сделать? — спросил Сэфридаик — Уничтожить?

— Пожалуй, да, — задумчиво произнес голос с базы, — ведь один у нас уже есть. Значит, это не такое уж редкое явление... Наверное, это какой-то сложный кристалл — ты знаешь, только они способны на подобные повторения. Когда-нибудь мы поймем, откуда они появляются в космосе.

— Хорошо, отбой, — хмуро кивнул Сэфридаик, отключаясь, но продолжая держать в руках микрофон, худенькое тельце которого слабо пульсировало в такт словам. Микрофон сладко зевал. Должно быть, его утомили скучные разговоры о наличии или отсутствии у кого-то души. Сэфридаик ласково погладил микрофон, почесал за ушком, чмокнул в холодный нос и осторожно опустил на пол. Микрофон тотчас покотился в дальний угол на маленьких лапках под Информационную Структуру, где и уснул, свернувшись калачиком.

«Как можно создавать неживое? — подумал Сэфридаик. — А любить его?»

Он отдал команду Дезинтегратору.

Дезинтеграторы были единственными живыми существами, способными питаться неорганикой, и потому предстоящее зрелище обещало быть преинтереснейшим. Такого Сэфридаик никогда не видел... и все же не смотрел на экран, который радостно светился, предвкушая развлечение, то и дело расплываясь в улыбку, отчего изображение сильно вздрагивало и плыло. Правда, он тотчас спохватывался и, мерцая и извиняясь, принимал строгий вид, но ненадолго.

«Как же неисчерпаемость космоса? — думал Сэфридаик, облокотясь на спинку кресла и рассеянно поглаживая его по теплomu короткому меху, слушал, как у того бурчит в животе, и как оно мирно жуёт сено, и слюна капает на пол, тут же поглощаемая им... — Ведь Вселенная бесконечна! В ней может встретиться и такое, о чем мы даже не подозреваем...»

Но неорганические цивилизации... может ли человек остаться человеком, если вокруг — лишь мертвые вещи? Ведь чтобы самому быть живым, важно, чтобы все то, что тебя окружает, все то, что ты любишь и бережешь, тоже было бы живым...

— Как ты думаешь, возможны неорганические цивилизации? — спросил он у корабля.

Корабль что-то буркнул в ответ. Он сочинял большую философскую поэму в трех частях с прологом и эпилогом из жизни звезд и не считал для себя возможным отвлекаться по пустякам.

Из сундука моей бабушки

«Рукопись переписана. Найдена она в старом сундуке, который когда-то служил моей маме, Анастасии Михайловне Шабалиной-Исаковой.

Рукопись нашла в 1938 году после смерти мамы. Пролежала она (рукопись) 37 лет. Была написана в 1911 году. Маме тогда было 19 лет, а замуж её выдали восемнадцати лет.

Историю эту ей рассказал один старик, ему уже было, как он сказал, 97 лет, а может и больше.

Жил он один, мама ходила мыть ему пол, постирать бельё. А он ей за это плёл лапти из девяти лык (девятилычные)».

Так начинаются записи в тетради моей бабушки Исаковой Натальи Ивановны (1925–2001), которая решила переписать рукопись своей матери, но, к сожалению, ей удалось переписать совсем немного, все остальное было уничтожено потоком в подвале дома, где и хранился сундук с рукописью, в городе Агрызе (Татарстан), где и жила моя бабушка. Предлагаю небольшой отрывок из повествования моей прабабушки Шабалиной Анастасии Михайловны (1892–1938), а также легенды и сказки, записанные ею.

Аяс и Анок (Рассказ деда Тимофея)

— Дядя Тимофей, а у тебя разве нет детей родных?

— Я тебе все расскажу, Настя, а ты запомни.

— А можно, дядя Тимофей, я буду записывать?

— Пиши, дочка, пиши.

«Живем мы здесь давно. А сколько годов, я и счет потерял. До нас здесь был лес, — я писала, а он плёл, не торопясь, лапти и расска-

зывал, — мы жили отсюда далеко. В той деревне, где мы жили, был злой барин. Мы у него были все в долгу. Мы брали у него в лавке, — писать, читать не умели, — ставили большой палец. В конце у нас уже не было ничего.

У барина был приказчик Денис, у него был сын Семён, он учился в уезде или где-то ещё, не знаю. Приехал домой и сказал отцу, что многие вотяки* бежали в глухие леса. Там живут хорошо, барина нет там. У них никто ничего не отбирает.

И вот однажды Денис собрал нас всех в лесу на поляне, тех, кому

уже нечем было платить долги. Он пообещал достать лошадей, хлеба, сказал, чтобы человек шесть поехали верхами на лошадях и поискали место. А Денис этим временем готовится всё.

И вот я и ещё пять человек поехали искать хорошее место. Отъехав верст сорок, мы стали топором ставить тамги**, чтобы не заблудить. На десятый день приехали к логу, где текла река. Стали искать ключ (родник). Нашли быстро, из-под горы бил ключ. В ключе вода была холодна, ломило зубы. Ночевали тут же, у ключа, а утром стали строить землянки. Построили и поехали обратно.

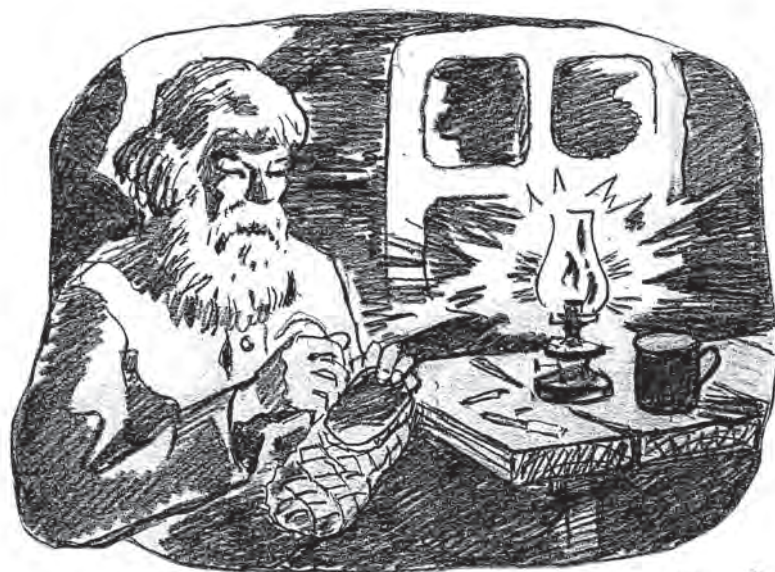
К нашему приезду Денис уже накупил скотины: лошадей, коров, овец. Всё это было спрятано в лесу. А охраняли все люди, те что поедут с нами. И вот в воскресенье оставили навсегда родное село, где родились, и где схоронены наши матери, отцы, деды, прадеды. Взяв с их могил по горсти земли, мы покинули их навсегда.

Когда приехали на место, то поняли, что попали из польмя, да в пекло! Видишь ли, Настя, Денис сам захотел стать баринком. Сначала мы не догадались, что будем работать на Дениса. Тогда у меня ещё была жива опроч*** Ефросинья и сын был, Конкой звали, Конафий значит. Мой Конка и сын Дениса, Семен, одногодки были. Семён учился, а мой Конка где там... Ведь мне нечем было его учить. Конка мой только умел играть на гусях, да свистеть. Конка мой был очень сильный, куда Семёну было до него.

С нами вместе приехал дед Мирон со своей внучкой Марфой, сироткой. У него был сын со снохой. Сына забрали в солдаты, он там за царя-батюшку сложил голову. А сноха его Анок умерла при родах Марфы. Так вот значит у деда Мирона никого не было, кроме внучки.

Мы почти всё время работали на Дениса. Рубили лес, корчевали пни, драли лыко, плели лапти, драли и мочало, рвали мох — строить

* Волтяки — так называли удмуртов.
** Тамга — метки на деревьях (удм.).
*** Опроч — старуха (удм.).

дом для Дениса. Делали всё, что мы умели, а что не умели — нас учили, правда сказать, заставляли. За то он нам давал муки, соль. Писать, читать мы никто не умели, ставили палец чем-то черным намазанный, а палец, Настя, лепили туда, где Денис что-то писал. Так все делали на Дениса, а он богател. Как-то вечером Денис зашел к деду Мирону и спросил:

— Пошто долги не платишь?

— Подожди маленько, — сказал дед Мирон.

— Ждать мне некогда или отдай долг, или веди в работницы Марфу.

Что было делать? Марфа пошла отрабатывать долги.

Надо сказать, Настя, что мой Конка сильно любил Марфу, внучку деда Мирона, она тоже любила его. Семён, сын Дениса, тоже любил Марфу.

А Марфа на Семёна даже и глядеть не хотела. Семён всё рассказал отцу, Денис и надумал Конку отдать в солдаты. Поехал Денис в Елабугу и привёз оттуда бумагу с гербом царя, как он сам сказал. Дали Конке эту бумагу. Он взял в руки свои бызлы* и пошёл по деревне играть. Марфа проводила его до половина дороги. И увезли моего сыночка навсегда.

Старуха моя с горя занемогла, даже трава моя ей не помогла. Зимой отдала Богу душу, схоронил я её здесь же. И остался я один, Настя, без рода и племени.

Как ушёл в солдаты Конка, так Семён не стал давать Марфе про-

ходу, а она, придя домой, плакала и жаловалась деду Мирону. Ну вот, настал мясоед**, и Денис с Семёном пришли к деду Мирону, сказали, что если Марфа не выйдет за Семёна, то Денис их за долги посадит в катажку. Что тут было делать бедной, красивой девушке. Дед Мирон попросил дать неделю подумать. Да что могли они придумать? И вышла Марфа за Семёна. Сыграли пышную свадьбу.

И вот через пять лет умер Денис, и Семён стал хозяином всего. А Марфа родила дочь, красивую, как сама, назвала дочь, как звали её мать — Анок. Семён сначала был недоволен, что родилась дочь, а не сын. Потом решил, что сыновья тоже будут. Но Господь больше им не дал никого.

Анок росла, мать в ней души не чаяла, ведь ей нужна помощница. Так бишь, Настя, надо сказать ещё об одной бедной семье. О Матвее Стрык. У Матвея было трое детей, две дочери-двойни и сын Аяс. Дочери вышли замуж в село Василь-

* Бызлы — гусли (удм.).

** Мясоед — По народному календарю Заговенье (мясоед) приходился на дни перед Рождественским постом, с 27 ноября, дня Святого Филиппа. В амбарах — зерно, погребах — картошка да капуста, мясо есть от осеннего убоя. Филипповки — последний срок свадьбы справлять, кто не успел повенчаться — ждали нового мясоеда, в посты свадеб не играли.

ево, Чукурча, по-нашему. А старуха Матвея велела долго жить. И Матвей тоже остался один с сыном Аясом. Аяс подрос, стал работником, теперь уже у Семёна. Летом пас скотину, а зимой её же кормил. Воду возил с ключа на лошади в бочке. А для питья носили ведрами деревянными, не как вы теперь.

А рядом с домом Семёна жил Илья Пышья, он жил лучше, чем мы. У него и дом был построен, как у русских, и печь тоже по-русски была сложена. У него были и лошади, и коровы, и всякая там живность была. У Ильи из детей была одна дочь Параска, взамуж она не вышла, но какой-то богач заезжал к ним, Параску обманул, и у неё родилась дочь, назвали её Сандра. Илья немного для вида поругал свою дочь, да потом смирился. Внучку он любил, а жена его души в ней не чаяла. Сандра была ровесница Анок, они играли вместе, бегали на речку.

Вот биш, Анок и Сандра выросли, стали девушками, невесты обе на загляденье. В праздники ходили они на луга, плели там из цветов венки, пели песни свои, пели обо всём, тут же их придумывали сами. Так видимо тому надо было случиться, Аяс и Анок полюбили друг друга. Анок знала судьбу матери. Всё пересказала Аясу. Аяс был парень умный. Он говорил Анок, что если отец её за него не отдаст, тогда он её украдёт. Анок смеялась и плакала. «Куда же ты меня увезешь?» — спрашивала она. «Подумаю», — говорил Аяс.

Отец Анок стал замечать, а, может, кто-то наябедничал. Семён сказал Марфе, что Аясу Анок — не пара. Семён хотел отдать Анок за богача в Васильево, а Марфа была рада, что её дочь полюбила батрака, только она ничего не могла сделать. Семён нашёл выход: поехал в Елабугу и привёз оттуда бумагу. Аяса должны забрать в солдаты. Аяс с Анок встретились. Аяс сказал Анок:

— Если ты меня любишь, то жди три года, а на четвертый, на Рождество, придешь сюда, к Сандре, я увезу тебя.

— Куда?

— Пока и сам не знаю. Только ты жди.

Анок сказала, что будет ждать хоть двадцать пять годов.

— Я не дурак гнуть спину двадцать пять годов на царя. Ты только, Анок, поклянись, что не выйдешь замуж три года.

Анок поклялась.

— Так жди. Я приеду за тобой.

И в ту же ночь исчез. Зимой в пургу у Семёна пропали две лошади с упряжкой, корова стельная и четыре овцы, одна собака.

Прошло года полтора. Много у Семёна исчезло всего со двора, собаки не лаяли, кто-то, видимо, помогал. Семён даже собак сменил. А летом из стада пропал бык и два телёнка, следов так и не нашли. А Анок и Марфа догадывались. Анок с матерью была в сговоре, и свои вещи потихоньку переносила к Сандре в амбар. Родители, вернее, мать Сандры, ничего не знали об этом.

Настало Рождество на четвёртый год. Мать Анок уже знала всё. Анок помылась в бане, и сказала отцу, что пойдёт с Сандрой гадать (ворожить). В те времена ворожили, да и теперь ворожат. Тогда приезжали гости на Рождество, родные. И вот Аяс ночью тоже приехал. Анок с Сандрой были уже наготове: узлы связаны с одеждой, постель тоже была тут. Они, не мешкая, всё перенесли в сани. Подруги поплакали, попрощались. Аяс и Анок уехали в ту же ночь.

Сильно подул ветер, пошел снег, и следы задуло. Так исчезла Анок, мать плакала, она не знала, куда увёз её Аяс, а Семён думал, что её украли куда-то в другую деревню.

Тогда было такое. Думал, что придут с повинной, но проходили дни, прошла зима и лето, а Анок всё нет.

Так вот теперь об Аясе. Когда он простился с Анок, тогда уже знал, куда ему идти. Он пошёл искать лошадей. У лошадей на шее висели гырлы*, Аяс знал, что где-то их найдёт, если не задрали волки или медведи. Хлеба, соли он взял с собой, чакма и трут, табак у него были.

Пошёл он вниз по реке, теперь я знаю, что эту реку зовут Лубянка, тогда не знал и Аяс. И так петлял по реке в лесу. Вышел на большую поляну, кругом река и лес. Там он и нашёл лошадей. Когда он шёл, то делал топором тамга, только ему знакомые. Он сильно устал, захотел отдохнуть, сделал балаган, сучков нарубил, и лег отдохнуть. Лошади паслись, никуда не уходили, травы им вволю, воды тоже.

И Аяс тоже никуда не торопился. Добыл силками дичи, и стал строить избу небольшую, нашёл и камней, сложил печь по-чёрному, полюбовался на своё ремесло и сказал: «Если Анок не отдадут за меня, сюда и увезу». Наготовил дров и травы на всякий случай, закрыл дверь, сел на одну лошадь и погнал остальных лошадей. А Семён уже и не думал, что его лошади найдутся, тогда, когда Аяс уходил в свою землянку-избёнку. А всё, что ему было нужно, он увёл и увёз у хозяина, собаки его знали и не лаяли, а как пройти, он тоже знал все запоры, зерно тоже у Семёна взял.

Корчевал он лес и понемногу сеял. Куда скот закрыть — у него всё уже было. Избу сделал лучше, а в

меньшой сделал баньку. Лес рядом, лето корчевал, готовил сено, это было всё под руками. Вот сюда-то и привез Аяс Анок, в глушь леса.

Здесь Анок тоже не сидела, сложа руки: она пряла, ткала — Аяс сделал стан для тканья холста. Аяс для Анок был всем, даже бабкой-повитухой, когда она рожала. У Аяса были золотые руки. Они с Анок не скучали, да и некогда было им скучать.

И вот Аяс решил изведать, куда ведёт эта река, попрощался с Анок и сынишкой Матвеем, названным в честь отца Матвея. Пробираясь по реке, Аяс дошёл до Лубян, узнал там, что на шкуры можно выменять соль, муку, ситец и ещё кое-что. Зимой он стал отвозить шкурки. Скота у них развелось много. Хлеб был, лён и конопля росли, у Аяса с Анок ещё родились две дочки.

Прошло двенадцать лет. И вот на Рождество Аяс сказал: «А не на-

вестить ли нам родную деревню?» Родных у Аяса уже там не было, они решили ехать к родным Анок. «Выгонят — поедем в Васильево к моим сёстрам». Подарков было много наготовлено. «Лошади свои, всё своё. Будь, что будет, — решили они, — поедем».

Накануне Рождества к воротам Семёна подъехали две подводы, запряженные в сани и хорошую кошеву — по паре лошадей. Первой управлял сын Аяса, Матвей, второй — Аяс. Семён поглядел в окошко, крикнул Марфу. «Кто это к нам пожаловал?» А мать сразу же узнала свою дочь Анок. Скорее одела шубу и на бегу крикнула Семёну: «Со мы-нам дыдыке бертиз»**. Семён тоже вышел. Правда, сначала для вида поругал Аяса, да как глянул на внуков, заплакал, схватил маленького Конку на руки — и домой. Открыли ворота работники, заехали во

двор, а Семён не знал от радости, чем угостить своих внуков. Когда те уснули, он стал расспрашивать, где они живут, в какой деревне. Аяс переглянулся с Марфой и Анок, засмеялся и сказал:

— У нашей деревни нет имени, и деревня наша — всего один двор.

— Как один двор? — спросил Семён

— Да так, мы жили одни на весь лес. У нас своё поле, свои луга. — Аяс рассказал тестю, как всё было.

— Да, — сказал Семён Аясу, — ты хитрее меня оказался. Ладно, прощаю тебя за всё. А что у нас есть — всё будет моим внукам.

Аяс всё перевёз в деревню. А луга те, где жили, зовут Аяскиными лугами.

* Гырлы — бубенцы (удм.).

** То моя голубушка приехала (удм.).

Италмас

Легенда удмуртов

Жила была девушка Италмас. По-русски кто как зовёт: Жёлтая шапочка, Купава. Красавица на весь округ была Италмас. И жил в той округе красивый юноша Очей. Очей и Италмас очень любили друг друга, но злой богач-колдун сам захотел жениться на девушке Италмас. Но как быть с Очеем? Колдовские чары его не берут — у него был талисман, который ему дала бабушка. Думал колдун долго, наконец, решил: если Очая отдать в солдаты, то Италмас будет его. Забрали Очая в солдаты на двадцать пять годов.

Тогда колдун послал сватов к Италмас, но она отказала. Много раз ходили сваты, всегда был отказ.

Колдун был злой, решил испытать Италмас жестокостью. Приказал своим слугам в лесу на поляне под берёзой соорудить большой костёр, привели туда Италмас. Спросил колдун:

— Пойдешь за меня замуж?
— Нет! — был ответ.
— Привяжите её к берёзе.
Привязали.
— Сожгу, — сказал колдун.
— Жги, — говорила Италмас, — всё равно не выйду за тебя, урод противный!

Зажгли, опять колдун спросил.
— Нет, — был ответ.
Огонь уже жёг ноги, она молчала. Загорело платье.

— Пойдешь? — спросил колдун.
Италмас плюнула колдуну в ответ и закричала:

— Прощай, лес, река, родные! Очей, прощай!

Костёр догорел, все ушли. Осталась только её подруга Ожми.

Прошло двадцать пять лет, из солдат пришёл Очей, узнал о гибели любимой, попросил Ожми: «Покажи, где сожгли Италмас».

Ожми привела его к опаленной берёзе. «Здесь», — сказала Ожми. Очей увидал цветок желтый-желтый, сорвал, прижал к губам, промолвил: «Италмас».

С тех пор цветок и зовут именем девушки Италмас.

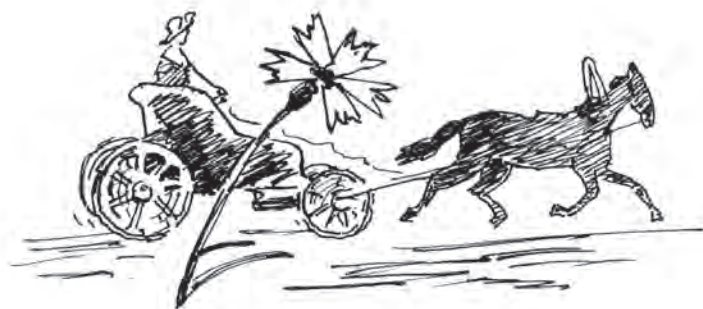

Василек

Легенда удмуртов

Василёк. Откуда пошло это название? Мне рассказала бабушка, бабушке – бабушка.

Жил на Руси красивый паренёк, звали его Василёк. Глаза у Василька были голубые-голубые, как будто в них вошло небо, синие волны рек и морей, но когда было пасмурно, то они казались синими-синими. Отец Василька был кузнецом у барина Осокина. Отца звали Емельян.

Василёк ему помогал, назывался подмастерье.

Сам барин жил в Питере, а делами занимался управляющий. У управляющего была дочь Елена, красавица. Однажды они с отцом объезжали поля, луга, и сломался у них тарантас, пришлось заехать в кузницу. Пока ремонтировали тарантас, Елена всё смотрела на Василька, думая про себя: «Как же он красив! Если бы одеть его в хорошие одежды, он был бы красивее всех. И я вышла бы за него замуж».

Так размечталась Елена, что и не заметила, что уже тарантас готов. Отец зовет дочь, она не слышит. Василёк тоже залюбовался ею, но ему долго некогда смотреть – надо работать.

Осокин завод и всё село было из тысячи домов, и все работали у барина. Возле завода, где плавил медь, был большой пруд, в нём купались, полоскали одежды. У Василька отец был в солдатах, мать болела, и ему приходилось самому убирать, стирать, дома всё делать.

Пошёл полоскать одежды на пруд, день был жарким, он решил окунуться в пруду, прыгнул, да там и остался. Нашли его уже на другой день. Хоронило всё село. Дочь управляющего Елена пошла в поле, нарвала цветов синих, а как звали цветы никто не знал. Когда с подружкой пришли на могилу, то Елена сказала: «Василёк, я для тебя нарвала васильков».

Так в нашей округе с тех пор зовут цветок – Василёк.

Сказка о бабушке медведице и Мишутке

Жили в лесу Медведица со своим сыном Мишуткой. Зимой медведи обычно спят, но эти всегда просыпались под Новый год.

Медведица Мавра, мать Мишутки, проснулась, поглядела на звёзды и сказала сама себе: «Пора будить Мишутку... Мишутка, пора вставать – скоро Новый год».

Мишутка ещё понежился в кровати и встал. Мама дала ему туесок с мёдом, сказав: «Отнеси-ка его к бабушке, да не забудь её поздравить с Новым годом». Оделся Мишутка, взял туесок и пошёл к своей бабушке Марье Ивановне, которая жила на другом конце леса. Чтобы до неё добраться, надо было пройти поляну, а там уж и бабушкина избушка недалеко. Она стояла под тремя елями.

Идёт Мишутка по лесу, и чтобы ему не так скучно было идти, стал петь песенку.

На кедре сидела кедровка, услышала песенку и узнала Мишутку:

– Куда ты идёшь?

– К бабушке, – ответил Мишутка, – мёду туесок несу.

Кедровка своим клювом сорвала кедровую шишку с орехами и положила в туесок, сказав:

– Поздравь и от меня её, а я провожу тебя до поляны.

Мишутка идёт и песенку поёт, а кедровка следом летит. Добрались они до лесной рябины, на которой сидел красногрудый снегирь, удивлённо спросивший их:

– Куда вы путь держите?

– Я к бабушке иду, туесок мёда несу да шишку кедровую кедровка дала.

Снегирь сорвал гроздь рябины положил в туесок и тоже велел поздравить бабушку.

– А я тоже полечу с вами до поляны.

Идёт медвежонок дальше, поёт, и кедровка со снегирём не отстают, за ним летят. На пути им высокий кедр попался, на нём величественно восседал и глядел во все сторо-

ны тетерева. Увидав Мишутку, слетел пониже и спросил:

– Куда ты идёшь?

– Я иду к моей бабушке, туесок мёда ей несу. Кедровка дала шишку орехов, снегирь дал гроздь рябины.

Тетерев выдернул перо из хвоста и положил его в туесок:

– Поздравь и от меня, а перо воткни над дверью, пусть у бабушки в избушке будет светло, а я жду тройку Деда Мороза, как увижу – всех лесных жителей извещу, тогда соберёмся на лесной поляне.

Мишутка идёт, за ним его спутники следуют. Добрались они до поляны, а там уже ёлка наряженная стоит. Кедровка и снегирь остались на поляне. Потихоньку сюда собирались лесные жители, не дожидаясь сигнала тетерева. Ведь под Новый год никто не спит, не спят и лесные жители.

А тем временем Дед Мороз запрягал тройку лошадей. Поглядев

на часы, сказал своему внуку Морозу: «Пора ехать!» Взяли мешки с подарками, положили в сани и поехали.

Мишутка немного отошёл от поляны и испугался: «Как я найду бабушку в темноте?», — думает он про себя и вдруг видит вдали светятся огоньки — это бабушка вышла встречать своего внука. Ей сообщил клёст, что видел медвежонка, когда сидел на ёлке и вылёвывал семечки из шишки. Он постеснялся дать еловую шишку, а полетел сообщить Марье Ивановне, что идёт к ней внук Мишутка.

— Здравствуй, бабушка! — кричал внук. — С Новым годом тебя! Мама послала тебе туесок с мёдом, кедровка — шишку с орехами, снегирь — гроздь рябины, а тетерев — перо. И все они поздравляют тебя с праздником!

— Спасибо, внучек дорогой. Зайдём ко мне в избушку, — сказала Марья Ивановна.

— А где ты столько фонариков взяла? — спросил Мишутка, когда они зашли в дом.

— Это не фонарики, а светлячки, я их собираю осенью, чтобы повесить на новогоднюю ёлку на поляне.

Весной я их отпускаю. По ночам они указывают дорогу тем, кто заблудился. Скоро полночь, — сказала бабушка, поглядев на небо, — давай собираться на ёлку. Как только известит тетерев о приближении тройки Деда Мороза, пойдём и возьмём с собой самовар. Дед Мороз очень любит чай, который я готовлю из летних трав и из сухой малины. Возьмём и мёду туесок, а шишку, гроздь рябины и перо я оставлю у себя в избушке. Она потихоньку оделась.

— Мишутка, ты носи мёд, а я понесу самовар, чай и светлячков.

Тут раздалось на весь лес буханье тетерева: «Бух-бух-бух! Едет тройка Деда Мороза! Бух-бух-бух! Едет Дед Мороз!»

— Пора! — сказала мишуткина бабушка, и они пошли на поляну.

А там уже во всю шло веселье. Веселились медвежата, лисята, зайчата и бельчата. Никто не спал в эту благодатную ночь.

Вот подъехал Дед Мороз со своими внуками Морозиком и Снегурочкой (Снегурочку они по дороге забрали, так как живёт она на опушке леса в маленькой избушке, и дед с внуком всегда заезжают за

ней под Новый год). Они всех поздравили с Новым годом и раздали подарки, а тем временем Марья Ивановна уже вскипятила самовар еловыми шишками, расстелила на большом и широком пне красивую скатерть, и все стали пить чай с мёдом, с бубликами, и чего только не было на столе, всё было.

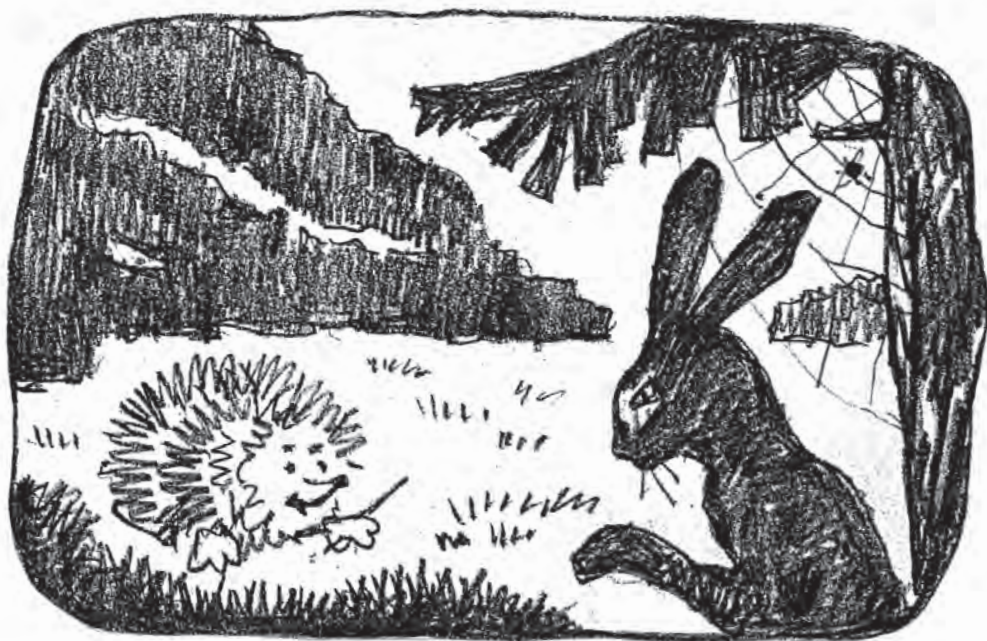
Дед Мороз подарил всем подарки, а мишуткиной бабушке перину пуховую. «Чтобы у тебя не уставали бока», — сказал ей Дед Мороз, — ведь ты самая хорошая помощница всему этому лесу. Спасибо тебе». И поклонился ей до пояса, а Снегурочка накинула красивую шаль ей на плечи.

«И вам спасибо», — сказала старая мишуткина бабушка.

Дед Мороз, Снегурочка и Морозик, попрощавшись и пожелав счастья, здоровья в новом году, уехали в другие леса, где Новый год ещё не наступил.

А в лесу всю ту новогоднюю ночь все звери и птицы веселились до самого рассвета. Так там было весело, что Месяц и тот забыл, что ему пора уходить. Кто не спал в ту ночь, то всё видел, а не видел, то слышал, а не слышал, то сосед ему рассказал.

Как заяц стал портным

Далеко-далеко, в большом лесу, на большой поляне жил серый зайчишка. И как-то раз, бегая по лесу, порвал свою шубку, сел и заплакал. Сколько он проплакал — не знал, а тем временем гулял по лесу ёж с ежихой, услышал плач зайчишки, подошел к нему и спросил, о чём он плачет.

— Шубку порвал, — сказал зайчишка ежу.

Ёж был очень смыслённый.

— Нашёл о чем плакать. На вот тебе иголку — зашей, — выдернул иголку, дал зайчишке, а сам побежал догонять ежиху. А заяц, не успев сказать спасибо, снова заплакал.

На ёлке, под которой сидел зайчишка, вил свою паутину паук.

— О чём ещё плачешь? Иголка у тебя есть, я дам ниток, зашей свою шубку.

Спустился паук к зайчишке, навил ему паутины.

— Спасибо, — сказал зайчишка и стал штопать. Закончив, стал любоваться на свою работу и крикнул от радости: «Да я же умею шить!» — и решил стать портным. Побежал к ежу домой, и ещё с порога кричит ему: «Я буду портным, я буду шить. Дай мне ёж, пожалуйста, иголок.» Поблагодарив его, побежал к паучку. «Дай мне паук, пожалуйста, ниток — я хочу стать портным.» Намотал ему паук побольше паутины. «Спасибо», — сказал заяц и побежал

к реке, у рака он попросил ножницы, рак дал ему запасные. Поблагодарил и его зайчишка. Затем он помчался к сове и попросил её написать объявление. Сова не медля написала его на бересте.

Будущий портной счастливый побежал домой в свою избушку, прибил над дверями объявление и стал ждать. Не успел он просидеть и часа, как к нему уже пришёл первый заказчик — медвежонок принёс ему свой заказ.

— Сшей, — говорит медвежонок, — мне брюки к новому году. — Отдал материал и ушёл.

Заяц сшил медвежонку брюки, стал его ждать. Вот и Новый год прошёл, а его всё нет и нет. Зайчишка сшил бельчатам юбки, ежу с ежихой сапожки, раку футляр для ножниц, пауку одеяло, чтобы зимой тепло было спать, сове футляр для очков и шапку, а медвежонок всё не идёт, и спросить не у кого: ёж спит — не разбудишь, он-то бы всё сказал, сова днём спит в своём дупле, а ночью летает и мышей ловит. Заячишка решил одну ночь не поспать, пошёл к совиному дуплу.

— Сова, а сова, ты не знаешь, почему медвежонок так долго не идёт за брюками? Просил их к новому году сделать, а сам не идет их забирать. Сова захохотала так, что филин и

тот испугался. Нахохотавшись вволю, сказала:

— Да ты что не знаешь, что все медведи зимой спят, вот весной и придёт.

Наконец пришла весна, ёж проснулся и побежал в первую очередь к зайчишке.

— Здравствуй, — закричал он, увидев портного. Тот от радости не знал, что и сказать. Ёж сразу же спросил про медвежонка, приходил ли.

— Нет, — грустно сказал заяц, глядя в окошко. — Ёж, ёж, посмотри, идёт сюда медведь.

Поглядел в окно ёж и догадался, что это тот самый медвежонок, теперь выросший в медведя.

Медведь ещё до избушки не дошел, стал кричать:

— Брюки готовы?

Ёж говорит тихонько зайчишке:

— Нужно бежать. Медведь разломает избушку, ведь брюки ему уже не налезут, даже на одну лапу. Я побегу вперёд, а ты отдай брюки и убегай.

Бросил зайчишка брюки медведю, а сам дал стрекоча.

Медведь начал надевать, всё изорвал, в результате так разозлился — сломал избушку. С тех пор он не доверяет зайцам.

Зайчишка убежал в другой лес и больше не стал шить медвежатам брюки.

Александр МАКУРИН

Служить родной земле...

(Награды курганской области)

Достаточно продолжительное время в Курганской области награждение региональными наградами регулировалось отдельно изданными нормативными правовыми актами, не сведенными в единую систему.

Так, постановлением Администрации Курганской области от 13.10.1999 года №551 определялся порядок награждения Почетной грамотой Администрации Курганской области и Благодарственным письмом Главы Администрации (Губернатора) Курганской области. Решением областного законодательного органа от 23 декабря 1997 года № 817 было утверждено Положение о Почетной грамоте Курганской областной Думы. 30 декабря 2002 года областным законом № 270 было учреждено почетное звание «Почетный гражданин Курганской области».

Кроме того, был установлен ряд областных премий, в том числе: имени Т.С.Мальцева, в сфере литературы и искусства, имени С.А.Балакшина, имени П.Ф.Безбородова.

В целях совершенствования системы областных наград, объединив положения этих разрозненных нормативных актов, был разработан и принят областной закон от 7 июня 2005 года № 55 «О наградах и почетном звании в Курганской области». Законом установлено, что наградами Курганской области являются:

- 1) Почетная грамота Курганской областной Думы;
- 2) Почетная грамота Администрации (Правительства) Курганской области;
- 3) премия в сфере литературы и искусства;
- 4) премия имени Т.С. Мальцева;
- 5) молодежные премии.

К наградам органов государственной власти Курганской области отнесены:

- 1) премия имени С.А. Балакшина;
- 2) премия имени П.Ф. Безбородова;
- 3) премия в сфере науки, техники и инновационной деятельности.

Законом также предусмотрено, что органы государственной власти Курганской области могут учреждать дополнительные награды (знаки отличия, почетные знаки, грамоты, дипломы, стипендии и т.д.).

Почетным званием Курганской области является звание «Почетный гражданин Курганской области», которое является высшим по значимости среди наград и почетных званий области (статья 4 закона). Звание

«Почетный гражданин Курганской области» присваивается за выдающиеся заслуги в развитии отраслей экономики и социальной сферы, охраны окружающей среды и экологической безопасности области, обеспечении законности и правопорядка, соблюдении прав человека, проявлении благотворительной, иной деятельности, способствующей повышению известности и авторитета Курганской области, за особые отличия в защите Отечества, жизни и здоровья людей. Присвоение этого звания является высшей степенью признания заслуг гражданина перед Курганской областью и ее населением и присваивается, как правило, гражданам Российской Федерации, проживающим или проживавшим ранее на территории области. В исключительных случаях может быть принято решение о присвоении звания «Почетный гражданин Курганской области» лицам, не проживавшим (не проживающим) на территории области, а также иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Для организации работы по предварительному рассмотрению кандидатур для присвоения почетного звания Курганской области «Почетный гражданин Курганской области» создана рабочая комиссия в количестве 10 человек, состоящая из представителей Администрации (Правительства) Курганской области и Курганской областной Думы. Комиссия оценивает представления к награждению, представляет заключения о возможном награждении, заключения об отклоненных кандидатурах. Присвоение почетного звания производится ежегодно в феврале и, как правило, приурочивается ко дню образования Курганской области. Количество ежегодно присваиваемых званий не может превышать пяти.

За истекший период звания «Почетный гражданин Курганской области» были удостоены 22 человека (в 2003, 2004, 2005 годах — по 5 человек, в 2006 году — 4, в 2007 году — 3).

С учетом сравнительно недавнего введения этого звания курганцы отдадут должное своим землякам, чьи заслуги были высоко оценены в прошлые годы не только на уровне области, но в стране в целом. Так, четверым жителям области почетное звание «Почетный гражданин Курганской области» присвоено посмертно, что предусмотрено статьей 4 областного Закона: основателю фундаментальных проблем современного земледелия, дважды Герою Социалистического Труда Т.С. Мальцеву, основателю современного лечения методом чрескостного остеосинтеза, Герою Социалис-

тического Труда академику Г.А. Илизарову, первому секретарю Курганского обкома КПСС в 1966–1985 гг. Ф.К. Князеву, начальнику Курганского отделения Южно-Уральской железной дороги в 1957–1995 гг. В.М. Слосману.

Среди награжденных: Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны Ф.В.Елисеев, бывший председатель исполкома Курганского областного Совета народных депутатов в 1973–1988 гг. А.И. Махнев, бывший первый заместитель председателя облисполкома Н.Н. Брызгин, бывший первый секретарь Шадринского райкома КПСС А.Н. Грязнов, лауреат Государственной премии СССР строитель Ю.С. Сулимов. Почетными гражданами области стали также руководители промышленных предприятий (Н.В. Парышев, В.Г. Пшеничников) и сельскохозяйственных коллективов (В.Г. Добрыдин, В.М. Иванов, А.Д. Немиров), главный врач областного онкологического диспансера Т.И. Сиротская и руководитель студии декоративно-прикладного искусства «Кудесница» Г.С. Душкина, писатель В.Ф. Потанин и художник Г.А. Травников, представители профессуры Курганского государственного университета А.А. Благонравов и Г.С. Мосталыгин, председатель Совета областной общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов В.Ф. Михайлов и исполнительный руководитель Курганского отделения Российского фонда мира А.М. Сметанин.

В соответствии с областным законом, лицу, удостоенному звания «Почетный гражданин Курганской области», не позднее, чем в месячный срок с момента вступления в силу Постановления Администрации (Правительства) Курганской области о присвоении ему почетного звания, в торжественной обстановке вручаются: Свидетельство Почетного гражданина Курганской области, нагрудный знак Почетного гражданина Курганской области, удостоверение Почетного гражданина Курганской области и денежное вознаграждение в размере ста минимальных размеров оплаты труда, установленных на день присвоения почетного звания. Лица, удостоенные почетного звания Курганской области «Почетный гражданин Курганской

области», которым назначена пенсия в соответствии с законодательством Российской Федерации, имеют право на пожизненную ежемесячную персональную денежную выплату в размере 3000 рублей.

Лицам, удостоенным почетного звания «Почетный гражданин Курганской области», также вручается соответствующий нагрудный знак. Сами знаки изготовлены из серебра на предприятии «Ювелиры Урала» (г. Екатеринбург) по проекту курганского художника-гемальдиста Дмитрия Валерьевича Иванова (ныне проживает в г. Санкт-Петербург).

Престижной наградой в этом аграрном регионе России является премия имени дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, почетного академика Российской академии сельскохозяйственных наук, почетного гражданина Курганской области Терентия Семеновича Мальцева, которая присуждается за достижение наивысших показателей в сфере производства растениеводческой продукции, разработку, внедрение в сельскохозяйственное производство передовых технологий, пропаганду идей Т.С. Мальцева. Эта премия впервые была учреждена постановлением Администрации Курганской области от 8 декабря 1994 года № 427, новое положение о премии утверждено постановлением от 19 августа 2003 г. № 233.

Всего учреждено 16 премий имени Т.С. Мальцева для ежегодного награждения:

- муниципальных образований районов и городов — одна денежная премия в размере ста тысяч рублей;

- сельскохозяйственных организаций всех форм собственности — две денежные премии по пятьдесят тысяч рублей каждая;

- крестьянских (фермерских) хозяйств — две денежные премии по десять тысяч рублей каждая;

- руководителей, специалистов и управляющих (бригадиров) сельскохозяйственного производства — три денежные премии по десять тысяч рублей каждая;

- механизаторов — шесть денежных премий по десять тысяч рублей каждая;

- руководителей, научных сотрудников и преподавателей научно-исследовательских организаций и образовательных учреждений сельскохозяйственного профиля — две денежные премии по десять тысяч рублей каждая.

Присуждение премии приурочивается ежегодно к 10 ноября — дню рождения Т.С. Мальцева. Вручение денежной части премии и диплома лауреата производится в Доме культуры села Мальцево Шадринского района в торжественной обстановке губернатором Курганской области или уполномоченным им лицом.

Среди директоров машиностроительной отрасли промышленного комплекса Курганской области проводится ежегодный областной конкурс «Директор года» на соискание премии имени Сергея Александровича Балакшина (1877–1933) — ученого и инженера, основавшего в 1904 году Курганский турбиностроительный завод (ныне — ОАО «Кургансельмаш»). В соответствии с положением о премии, целью конкурса является распространение опыта эффективного управления, содействие выходу промышленного комплекса на модель устойчивого развития и поднятие престижа директорского корпуса.

Для коллективов учреждений начального профессионального образования Курганской области в целях стимулирования их деятельности в подготовке квалифицированных рабочих кадров, отвечающих требованиям современного рынка труда, учреждена ежегодная премия имени Павла Федоровича Безбородова (1924–1995), возглавлявшего областное управление профессионально-технического образования с 1962 по 1985 годы.

В заключение автор полагает необходимым отметить, что, к сожалению, нагрудный знак звания «Почетный гражданин Курганской области» пока остается единственным в системе областных наград, хотя лауреаты областных премий, особенно — именных, наверняка с гордостью носили бы нагрудные знаки с портретными изображениями своих знаменитых земляков.

ВАТЧИЕВА Анисья Васильевна (1886—?), сказительница.

Род. в Карелии. Читать и писать научилась сама. Исполняла, а затем и сочиняла былины, сказы, причитания. Среди записанных у нее сказов: «Плач по Ленину», «Сказ о советских людях», «Плач о Кирове». Произведения В. вошли во многие сборники устного народного творчества. В годы ВОВ жила в Пермской области.

Писатели Карелии (портр).

ВАХНОВСКАЯ С.

(См. Ладыженская, Е.А.)

ВАХОВСКАЯ Варвара Ивановна (в замуж. Бонч-Осмоловская; 1850 или 1855 — 1929), авт. воспоминаний.

Революционерка. «Жизнь революционерки». М., 1928.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1128; Лебедева-Шебалина М. Мои встречи с В.И.Ваховской. — «Каторга и ссылка», 1930. Кн.2(63). С.172-173.

ВАХРАМЕЕВА Екатерина.

Авт. сб стихотв. «Цветы в клетке». Ярославль, 1915.

Розанов.

ВАХРУШЕВА Вера.

Написала «Руководство для сельских учителей и учительниц. Для 1-го уч. года», выдержавшее 4 изд. (первое — СПб., 1864); «Мама! мама! Сделай меня хорошим человеком: Летние беседы для умственного развития». Вып. 1. СПб., 1882 — рец.: Ун. Вестн.. 1864. № 20; Руководство для сельских пастырей. 1869. Т. 11. С. 352-362.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

ВАХРУШЕВА Н., переводчица с нем. (1903).

Венгеров, Источ.

ВАХТАНГОВА Надежда Михайловна (урожд. Байцурова; 1885 — 1968), авт. воспоминаний.

Жена режиссера и театр. деятеля Е.Б.Вахтангова. «Владикавказ и Москва». — В кн. «Евг. Вахтангов». М., 1959. С.331-343.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7944.

ВАХТЕРОВА Любовь, авт. воспоминаний.

Библиотекарь. «Из жизни одной детской библиотеки-читальни». — «Вест. Восп.», 1912, № 5. С.187-193.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 4800.

ВАХТЕРОВА М.

Пер. Р.Роллана, наприм., его драму «Робеспьер» (Собр. соч. в 9 тт. М., 1983). Вместе с Р.Розенталь (см) и М.Казас (см) пер. пов. «Детство» Поля Вайяна-Кутюрье. Моя ли? У Масанова это псевд. переводчицы М.В.Петровской.

Масанов.

ВАХТЕРОВА Эмилия Орестовна (урожд. Кислинская; 1861 — 1924; по др. ист.1957), авт. воспоминаний.

Деятельница народного просвещения, жена педагога и методиста В.П.Вахтерова. Сотр. в журн. «Просвещение» (1907). Авт. ст. «О всероссийском учительском союзе». — «Вестн. воспит.». 1906, № 1, с.119-147; авт. кн. «Как открыть, организовать и вести воскресную школу (классы) взрослых в деревне и в городе. Кратк. рук. для начинающих раб. школ взрослых. С прил. текста правил о курсах и классах, списка книг по вопросам обучения взрослых и краткого списка учебников». М., 1917. 59 с. Авт. кн. «Вахтеров, его жизнь и работа». М., 1961. По-видимому, авт. «Из дневника учительницы воскресной школы. (Наблюдения и заметки). — «Рус. Школа», 1894, № 5\6. с.34-58; № 7\8, с.28-54; № 9\10, с.18-50. Ост. неопубл. «В детской. (Из дневника матери)», «Из мира детской» (1910-1912), отрывки. — РГБ ОР, ф.46, 2.30. Сост. сб. «М.Ю.Лермонтов, его жизнь и избр. произ.». М., 1915; Вместе с В.П.Вахтеровым напис. «Мир в рассказах для детей. Втор. после букваря кн. для классн. чтения в нач. училищах». М., 1911 (уже 30-е изд.)

ИДРДВ. ТТ. 3. 4 (ук. имен); ДВ. Указ рук. (ук. им.)

(Продолжение на стр. 23)

Хаим ЛЕНСКИЙ,
перевод Елены БАЙДОСОВОЙ

Хаим Ленский (Штейнсон) родился в 1905 г. в местечке Слоним. С детства знал иврит, учился в хедере. С 12-летнего возраста начал писать стихи на иврите. В 1921 г. переехал в Вильно, где поступил в еврейский учительский институт. В 1923 г. нелегально перешел советско-польскую границу и в конце 1924 г. добрался в Баку, где жил его отец. С 1924 г. по 1925 г. жил в Баку, где преподавал иврит. С 1925 г. жил в Ленинграде, где работая на заводе рабочим-металлистом, продолжал писать стихи на иврите, печатая их в популярных еврейских изданиях «Ктувим», «Галим», «Давар» и других, переправлял их в Палестину, переписываясь с Хаимом Нахманом Бяликом, которого привлекало творчество молодого поэта. Классик еврейской поэзии отвечал в письме: «Отличная работа! Уже много времени мне не доводилось читать ивритские стихи, в которых бы ощущался вкус отцовского дома». В 1934 г. Хаим Ленский был арестован и приговорен к 5 годам лагерей. В 1939 г. освобожден, но в 1941 г. вновь арестован. Весной 1943 г. скончался в одном из лагерей Красноярского края. Цикл «Petropolis» посвящен Ленинграду, написан с 1925 г. по 1931 г. Ранее на русский язык было переведено только одно стихотворение из этого цикла.

Петрополис

1

Что хмурится мой лоб как Невская вода?
Разгневана река как Михаил Бакунин.
Я Питеру не сын, не прадед и Баку мне.
Здесь своему родству сегодня я воздам.

Брат беловежских птиц и сын лесов Литвы,
я, вскормленный в своем младенчестве слезою
березовых стволов и сумаха листвою
воспитанный, стою — на берегах Невы.

Напротив чуждых вод желать какого дара,
ответ какой искать? И вот свожу в тоске
я брови словно мост, как полукружья арок:

что город Ленинград мне на Неве-реке?
Как греться — у огня мятежного пожара,
как замерзать — в Сибири, в снеговой тайге.

2

Простертый к морю — но не ангельской рукой -
правительственный жезл, которому дано,
брешь для Руси пробив, из глубины морской
поднять на отмель град и с ним тюрьмы окно.

Коричневый гранит и длинноногий Петр.
В холодных водах отражение в камзоле.
Вдоль берега толпа на животе ползет
и разбивает грязь в ряды по царской воле.

О времени размах — как будто птичьих крыл!
Полет...и на костях восстала память градом.
Полет...и водный вал на берег наступил.

Октябрь умолк, и город имя изменил,
и ждет мятежников тюремная ограда.
Но, сердце, верь: Неве подняться хватит сил.

3

Наводнение

Крещендо

Ненастье. Небо в тучах тяготит,
ложится бременем на плечи. Осень.
Громады волн стесненные уносит
под мост река, одетая в гранит.

Свистит как в преисподней ветер зло,
как тысяча чертей бурлят потоки.
Пергаментом — в нем приговор потопа -
мелькает чайки белое крыло.

Робеют слабые. Я жду восстанья
стихии водной — вверен ей судьбой.
Готов я к разрушенью и страданью.

Дуй ветер яростней, гони прибой!
«К оружию!» гремит волны воззвание.
И отвечает пушка ей пальбой.

Елена Вячеславовна Байдосова родилась в г. Екатеринбурге в 1964 г. Закончила Свердловский Государственный медицинский институт. Работает врачом. Пишет стихи и занимается поэтическим переводом. Переводила с иврита Хаима Нахмана Бялика, Рахель, Лею Гольдберг, Натана Альтермана. Также переводила с английского Эмили Диккенсон, Уильяма Батлера Йейтса, Роберта Фроста, Альфреда Хаусмана, Роберта Лоуэлла.

Декрещендо

Несется звон колоколов с известьем,
взывает плач промышленных шофаров,
бьет пушка с Петропавловки, ударом
провозглашая: уровень за двести.

Река все выше, рвется на свободу:
волна к волне и рушатся преграды.
Разбиты окна обувного склада,
текут по комнатам речные воды.

Подходят к полкам, подпирают стены,
захватывают обувь постепенно —
за парой пару: здесь всего так много.

И туфли меряет нога потока.
И в русло бы реке, но вдруг — измена.
Без туфель возвратилась и безногой.

4
Нет ветра — как нет холода и зноя,
и дождь — не дождь, не солнце — солнце. Климат.
Как будто батальон проходит мимо —
невзрачный день — в потерях с поля боя.

Я чудо — явное в неявном — вижу.
Вот прорастает в небе выше башен
вооруженный кто-то, в каске, страшен.
Не Гулливер ли это влез на крышу?

Мне кажется, он болен: насморк, слезы...
Болтаются вокруг него лоскутья,
в которые, для города с угрозой

обрушиться, он кашляет всей грудью.
И вдруг Исакий... Это были грезы.
И небо с флагами ясней к полудню.

5
Спустился день по каменным ступеням
для омовения речной водою,
и под водой нашел свое забвенье,
и волны траурно сомкнулись чередою.

Как водолазный колокол на тросах
в потоки круглый купол опрокинут
Исакия. В безмолвии застынут
двух берегов гранитные откосы.

И пузыри... Под сумрачной водою
дно пробует наощупь осторожно
Адмиралтейство острую иглою.

И поднят умерший — вот он: утопший
с бледно-лиловым берегом — губою.
Он назовется белой ночью позже.

6
Бушует плавка и огонь клокочет,
течет рекой в мартеновской печи.
Тяжелая промышленность. Рабочий
не восстает, накормленный — молчит.

Не маковое — поле с сорняками.
Не кумачом охваченные дни,
а воткнутый на крыше флаг один.
Так пугало мне машет рукавами.

Огонь восстаний. Он погас в печах.
Постой над ними, чей мятеж задушен.
Хоть высаятся их трубы, но молчат:

внутри черны, побелены снаружи.
Как известь — на лице моем печаль,
как сажа — горечь сердца скрыта глубже.

Елена БАЙДОСОВА

* * *

И море и Гомер, все движется любовью,
и потому-то март бушует в городах,
в бессонницах своих подходит к изголовью
затем, чтобы шепнуть на чье-то ухо... Ах...

Ах, оттого весна, и городская слякоть,
и бледный небосвод, и прожитого жаль.
И хочется опять набрать чернил и плакать
о том, что все пройдет — и радость и печаль,

что среди всех один — удачлив словно карта —
любовник городской по-прежнему спешит,
гуляка и должник бушующего марта,
свое превознося умение служить —

служить одной любви бесцельной, оголтелой,
как будто без нее не распахать пальто...
И многоточие... Как будто в ней все дело,
как будто без любви не умирал никто.

* * *

Стареющих листов осеннее пространство.
Беспомощная плоть — всего-то ничего —
летающая листва — признание того
закона, где повторы служат постоянству.

Чернее тополя и брошенные гнезда,
небесное тепло все дальше от земли —
задержится в ветвях, как лодка на мели,
не в силах обновить их разоренный воздух.

Всего-то ничего: материи немного
и больше пустоты — все ищет свой предел
как этот мокрый лист, который уцелел
и под ноги летит — к земле... И слава богу.

Легки, почти пусты осенние корзины:
последнее тепло, увядшая листва
вдоль улиц городских и черная — едва
весомая в своем сиротстве — древесина.

* * *

Каблуки и трамваи стучат между мной и тобой,
проговаривая торопливо маршруты в окно.
Словно створки оконные книга: открылась главой,
где за стуком трамвай, и каблук, и столы с домино.

Кто оделся? Кто вышел во двор? Кто стучится в киоск?
Поправляю очки: среди множества дел различить
то забытое — где ты и с кем ты, мой бывший Свердловск?
И трамвайную сеть потяну за трамвайную нить.

Что трамвайная нить, что сюжетная: очень просты.
Хорошо на ходу эти повести сопоставлять,
и на плиты ронять, у метро разбирая, листы.
Голубиная стая у ног моих станет клевать.

С кем теперь эти птицы кочуют бумажной гурьбой,
и кому они утром за окнами глухо ворчат,
и прощаются с кем, возвращаясь в эфир голубой?
И так хочется, чтоб в домино, но — трамваи стучат.

* * *

Дни торопились: прожит понедельник,
исчерпан вторник, подошла среда..
В окне напротив женские колени,
рука...Из-под руки текла вода,
туманя блеск и стекло, и мгновений.

Вода текла — весенняя забота.
Окно открыли, запуская в дом
всю городом стесненную погоду
с машинами, трамваем, пешеходом,
их размещая в комнатах с трудом.

Обычно сны теснятся так в постели
или в кармане глубоко на дне
содружество монет: как в женском теле -
любовь к стихам, а истина — в вине.
Как дни, спешащие к концу недели.

* * *

В. О.

Где же, как не в огне,
быть нам наедине.
Над болтовней округ -
только огня недуг.

Словно души недуг
легкий дымок разлук
переполняет грудь.
Что же? Когда-нибудь...

Рядом со мной побудь
и навсегда забудь,
как уходящий день
в тяготах деревень.

Возгласы деревень,
загородная лень,
вздрагиванье огня:
царская ноша дня.

* * *

Ю. Ж..

В обе стороны — полотно.
Обернись, возведи район —
целый город — как дробь — в одно:
будто кто-то в тебя влюблен.

Электрички короткий хвост
простучит, огрызнется зло.
Труб ряды, завершая мост,
загудят от избытка слов.

И сомкнется обочин ряд —
словно молнию застегнуть.
Перспективой как мост паря,
уловивший чужую суть,

кто-то юный, глядящий вдаль
от конспектов и между строк,
так небрежно твою печаль
бросит вниз полотном дорог.

И кристаллами тишина
концентрирует весь район.
Зачерпни эту соль до дна:
будто кто-то в тебя влюблен.

Рис. Яны Ахметшиной

* * *

Как хорошо у прошлого займы
брать по чуть-чуть, не думая о долге,
оправдываясь множеством причин,
сумы не понимая и тюрьмы,
отодвигая смерть в конец иголки,
как многие из женщин и мужчин.

Так хорошо и тяжело «пе-пе-пе»
и «па-па-па» любить не понарошку
и чувствовать спиной — словно тыл —
до одного, кто это все пропел —
весь перечень украсивших обложки
среди миров в мерцании светил.

Но лучший из миров — что делать с ним?
Устанет память собирать созвучья
и постепенно станет тишиной.
Иное время по кругам иным
покатится по-новому певуче,
и не отправят никого за мной.

Пусть хорошо на свете одному,
но все вокруг как будто чье-то имя —
разноименный двадцать первый век,
где с каждым днем возможно потому
среди всего — мне — «па-па-па» любимей,
что умирают словно человек.

* * *

Из радиоточек огромное небо -
одно на двоих -
качаясь плывет — то ли быль, то ли небыль -
огромный мотив.

А стрелки на башне то сделкой, то кражей —
всей правдой монет.
И вечер пришел — электрический страшен
за окнами свет.

Нащупает ночь и во мне человека —
отпущенный страх,
который в забеге от века до века
сжимала в зубах.

Шипит колесо тормозящей маршрутки
и дверца стучит.
Водитель сегодня особенно чуткий
к преступной ночи:

разделит со мною пространство — как бремя -
в заторах людских,
где нас накрывает огромное время —
одно на двоих.

* * *

Так просто, трамвай догоня двадцатый,
искать среди звуков к молчанью ответы,
по улице Блюхера ехать куда-то
на жестком сиденье с билетом,

любить, озираясь, укор переносов
расшатанных строк в бесконечном двоенье,
внезапно сойти, возвращая колесам
всеобщую страсть к повтореньям,

и встать, повинувшись картине печальной,
где надвое рельсы поделают округу,
припав к горизонту, смыкаясь плечами,
уже обретая друг друга.

ВАХТИНА Мария Леонтьевна, авт. воспоминаний.

Вице-предс. правл. о-ва охраны прав женщин (1913).
Авт. «Роль женщины в историч. эволюции и другие доклады». СПб., 1911; авт. «Реферата по женскому вопросу». Авт. ст. «Лев Николаевич Толстой». — «Женский вест.», 1910, № 12, с.250.

Венгеров, Источ.; ИДРДВ. Т. 5. Ч.1. № 392.

ВВЕДЕНСКАЯ Елена Васильевна (урожд. Розенберг; 1850 — 1911), беллетристка.

Жена Арс. Ив. Введенского. Авт. кн. «Ради детей, Рассказы». СПб., 1897. — Рец. в «Рус. Мысли», 1897, № 5. С. 196.

ВВЕДЕНСКАЯ Елена Михайловна (псевд. Каралина, Е.), писательница.

Авт. кн. «Искатели. Рассказы о Севере». Л., 1940; «В добрый путь», пов. М., 1951; «Встречи с любовью: Рассказы» Масанов.

ВВЕДЕНСКАЯ З.А., переводчица.

Пер. с франц. кн. Марселя Эбера «Прагматизм» под ред. М.А.Лихарева, с предисл. проф. Ал. Ив. Введенского. СПб., 1911.

Венгеров, Источ.

ВВЕДЕНСКАЯ О.А.(Л).

Пер. кн. Скартачини «Данте». СПб., 1905. — рец. в журн. «Образование», 1905, № 8. С. 103.

Венгеров. Источ.

ВДОВЕНКОВА Анастасия.

Авт. биогр. воронез. протоиерея Сабинина (Воронез, 1910).

Венгеров. Источ.

ВЕБЕР-ХИРЬЯКОВА Евгения С.

(См. Хирьякова-Вебер Е.С.).

ВЕБСТЕР Инна Н., авт. воспоминаний.

В годы Второй мировой войны арестована нацистами, содерж. в нем концлагерях (Равенсбрюк и др.). После войны жила в Париже. Авт. воспоминаний об историке и литераторе Е.Ю.Кузьминой-Караваевой. (См. Мать Мария: Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюке. — Paris, 1947).

Струве, Г.; РРЭВД. 4.

ВЕГА Мария (Мария Николаевна Ланг [Нижеградзе]; 1898 — 1980), поэтесса, прозаик.

Жила в эмиграции, в 1960-е гг. Вернулась в СССР. Авт. сб. стихов «Мажор в миноре». Париж, 1938; рец.: Осокин С. \ \ Рус. запад. 1939. № 20-21; «Полынь: Стихи 1928-1929. Париж, Е.Сияльская, 1933; рец.: Ходасевич В. \ \ Возрождение. 1934. № 3403, 27 сент. С. 4. Оставила воспоминания об актрисе М.Г.Савиной «Тетя Маруся» \ \ Возрождение. 1957. № 67. С. 131-138.

Алексеев А.Д.; РРЭВД. 3.

ВЕДРЕБИСЕЛИ Дарья Константиновна (псевд., наст. фам. Малиева; 1869 — 1917), переводчица.

Сотр. «Рус. Бог.» 1890-х гг.; авт. «Грузинских рассказов». Венгеров. Источ. Личн. арх. фонды. 3.

ВЕДРИНСКАЯ Мария Андреевна (?— 1948), авт. воспоминаний.

Драматич. актриса. Арт. Александринского театра. Ее воспоминания в кн. «Памяти его имп. высочества вел. кн. Константина Константиновича». Пг., 1915, С.25-26.

ИДРДВ. Т.4. Ч.1, № 978; Личн. арх. фонды. 3.

ВЕЗЕНКОВА Вера Георгиевна.

Сотр. газ. «Моск. Вед.» (1914-16 гг.) — Вез., В.Г. Масанов.

(Продолжение на стр. 37)

Ирина КУЗНЕЦОВА,
фото автора

Этно-природный парк «Ивдельский»

В России создание особо охраняемых природных территорий является давней традицией. Система российских заповедников сформировалась уже свыше 80 лет назад. Один из старейших заповедников на Урале — Печеро-Ильчский — недавно отметил свое 75летие. На территории Свердловской области в настоящее время существует 2 — заповедника: Висимский и Денежкин Камень. Непростая судьба у них, организованные в 1946 году в 1951 они оба были

закрыты, и вновь организованы (Соответственно в 71 и 90 годах) с изменением территории.

Однако система заповедников в мировой практике природоохранной деятельности не является единственной формой: В Южной Америке, Африке, других, более развитых странах, издавна приняты для выполнения природоохранных целей иная структура — национальные парки, не исключающие доступа посетителей на их территорию, а

Ирина Анатольевна Кузнецова старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО АН, кандидат биологических наук.

Озеро Лундхусаптур

наоборот, призванные обеспечить потребности населения в туризме и отдыхе. В России подобные структуры впервые появились в 70-х годах, в Уральском федеральном округе на настоящий момент их существует три, в том числе один в Свердловской области — это организованный в 1993 году национальный парк «Припышминские боры». В перечень особо охраняемых природных территорий входят также и природные парки, выполняющие ту же функцию, что и национальные парки, однако являющимися объектами областного подчинения. Сегодня их в области четыре: «Оленьи Ручьи», «Река Чу-

совая», «Малый Исток», «Бажовские места».

Идея организации на Урале природных и национальных парков возникла в конце 50-х начале 60-х годов. Это было связано с предложениями ученых, объединившихся вокруг Комиссии по охране природы Уральского филиала (ныне Уральского отделения) Российской Академии наук. Одними из первых инициаторов были Б.П. Колесников, В.И. Прокаев, ратовавшие за создание на территории Нижне-Сергинского района Свердловской области Средне-Уральского национального парка. В 70-80 годы главными инициаторами природоохранной де-

ятельности стали С.А. Мамаев, В.В. Ипполитов, продолжив работу по выявлению и описанию различных природных резерватов. Одним из перспективных и интересных было предложение об организации на севере нашей области (МО г. Ивдель) Северо-уральского (Ивдельского) парка. Впервые эта идея прозвучала на заседании Географического общества в 1980 году, позднее письма с подобными предложениями неоднократно представлялись в Областной и Государственный Комитеты по охране окружающей среды. В 1995 году проект был представлен на межведомственном Координационном Совете по экономическому развитию Уральского региона, а так же доложен на Выездной сессии Координационного Совета на совещании в Оренбурге. Проект создания парка включен в Схему развития сети ООПТ Свердловской области на 2001—2010 гг., в Перспективную Схему развития ООПТ Уральского региона до 2005 года, рассмотренные на Комиссиях Ур ОРАН по охране окружающей среды. В последние годы вновь самым активным образом обсуждается. Прорабатывается и муссируется вопрос об организации парка в Ивдельском районе. Вот уже четверть века!!! Так что же это за территория, которая не дает покоя и не дается в административно-официальные сети?

На сегодняшний день территория предполагаемого парка ограничена реками Сульпа. Лозьва, Ушма, включает часть Поясового Камня с самой значимой вершиной Отортен с восточной стороны открывается чудесное высокогорное озеро Лундхусаптур, г. Холатчахль и конечно — река Ауспия, сбегаящая к Лозьве от печально знаменитого Перевала Дятлова.

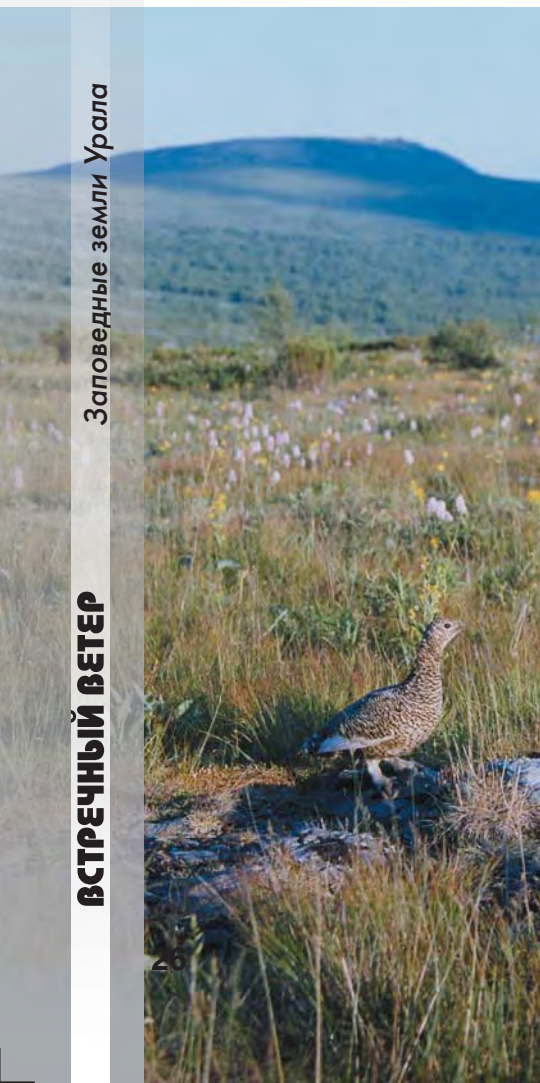
Следует отметить, что в связи с труднодоступностью и до недавнего времени значительной изолированностью (в связи с ведомственной принадлежностью), территория Северного Урала в настоящее время сравнительно слабо изучена и по той же причине — очень мало подвержена воздействию человека,

Взгляд с г. Отортен на юг. Слева г. Холат-Чажль, в центре (начало реки) урочище Пари-Тайт-Сори

Тундряная куропатка

за исключением рубок леса в разные годы. В настоящее время промышленные рубки завершены, и по всей нарушенной территории идет восстановление древостоя. В целом же леса типичны для северной тайги: подавляющая часть территории покрыта смешанными лесами с преобладанием хвойных пород. В горной части, с высотой, древесная растительность разреживается и на высоте 700–750 м сменяется вначале горной лесотундрой, затем субальпийскими лугами и, наконец, на высоте около 800 м и выше — горной каменистой тундрой.

Горно-таежные леса данной территории представлены в значительной степени уникальными кедровниками, которые имеют здесь свои специфические черты и во многом отличаются как от кедровников западного склона Урала, так и от кедровников других ботанико-географических областей, например, Алтая, Саян. Кедровники распространены на высоте примерно 550 – 850 м. над уровнем моря, т.е. в средней и верхней полосе горно-лесного пояса, и прак-

тически не тронуты до последнего времени человеком.¹

Животный мир района проектируемого парка характерен для северной тайги. Ничуть не удивительно встретить здесь бурого медведя, лося, северного оленя, куницу и даже такого редкого зверька, как белка-летяга. Более 130 видов птиц отмечено на сегодняшний день на этой территории, среди них очень редкие: беркут, дербник, филин, воробьиный сычик, ястребиная сова, бородатая неясыть, орлан-белохвост, скопа. Однако самый

Ветреница пермская

большой интерес, несомненно, вызывает население рек: таймень, хариус, налим и голец присутствуют в реках и горных притоках постоянно, при этом отдельные группировки тайменя и хариуса могут совершать значительные сезонные перемещения вверх или вниз по течению.

Прекрасный край, так мало тронутый человеком. Лишь одна тропа никогда не замирает — давний, когда-то всесоюзный маршрут Ауспия—Отортен и далее на север, к столбам хребта Маньпупынер. Неорганизованный туризм, полная самостоятельность и независимость — это ли не прекрасная возможность познать себя, проверить свои силы? Но вот же неприятность: проверяя себя, почему-то все чаще и чаще, не желая того, ставишь эксперимент: а насколько же хватит этой самой нетронутой природы? Как долго она выдержит проверку, сохраняя свою первозданность и самобытность? Переход вдоль Ауспии всего-то преодолевается за одни сутки, но на пути оказалось более 50 (!!!) костровищ... А чего стоит проверка возможностей современной техники: а не слабо ли в гору, ну или хотя бы на перевал на колесах?

Но... Прекрасная цель — сохранить природу. А вот часто ли ставится цель — сохранить человека? А целый народ?

На территории Ивдельского района проживают Ивдельские манси — маленькая, но совершенно самостоятельная народность. Вообще манси, или вогулы, представляют собой небольшой народ, который входит в этническую общность приобских угров. В настоящее время численность всего этого народа очень низка, 6—7 тысяч человек.

Ивдельские манси по разным подсчётам насчитывают от 150 до 190 человек, а по некоторым самым последним сведениям — всего 130 человек.

Об этой крохотной группке, находящейся на грани вымирания, все просто забыли.

Между тем, культура Ивдельских манси очень интересна. Само слово «манси» означает на их языке «человек», а название региона, где мы обитаем — «Урал» — произошло от мансийского слова «ур», что значит «гора»².

В настоящее время на территории МО Ивдель действует общественная организация «Общество по выживанию и социально-экономическому развитию народа манси»; Администрацией Ивдельского района предпринимается попытка оказать помощь представителям манси: на территории пос. Ушма строятся специальные дома

для переселения их, что обеспечит приемлемые социально-бытовые условия, а также транспортное сообщение, связь, и т.д.. Однако насколько бы эффективнее была помощь, если бы лесным манси была предоставлена возможность заниматься традиционными промыслами, перешедшим к жизни в городах и поселках — гарантированы приемлимые постоянные рабочие места.

Что касается зарубежных стран, то там проблема решается следующим образом: собственность на территории обитания малочисленных коренных этнических общностей принадлежит именно поселенческим обществам как основным субъектам права. Этот зарубежный опыт разумно было бы учесть. Все более популярной становится идея местного самоуправления народов Севера, хотя даже в Ханты-Мансийском округе, при всех имеющихся место предпосылках, такое самоуправление так и не осуществилось, а общность Ивдельских манси так мала, что в отношении них осуществление этой идеи весьма сомнительно. Таким образом, вероятно, наиболее реально помочь выжить малочисленному этносу возможно именно с помощью организации этно-природного парка, одной из основных целей которого станет сохранение и поддержание их традиционного жизненного уклада.

¹ Сторожева М.М. Геоботаническая характеристика кедровых лесов Ивдельского района. // Природа и лесная растительность северной части Свердловской области. Труды комиссии по охране природы. УФАН СССР. — 1984. — вып. 1. — С. 107 — 116.

Вячеслав МИХАЙЛОВ,
фото автора

ПАМЯТНИКИ СВЕРДЛОВСКА-ЕКАТЕРИНБУРГА

Памятник В.В. Вахрушеву, министру угольной промышленности СССР, установлен в 70-х годах XX века, а в 80-х годах установлен памятник студентам и преподавателям Горного института, погибшим в Великой Отечественной войне. Памятники установлены на ул. Куйбышева, 30, у главного учебного корпуса Уральской горно-геологической академии.

До переименования города Свердловска в Екатеринбург установлен памятник конькобежцу на стадионе «Юность» (ул. Куйбышева, 32).

Памятник Н.И. Кузнецову (1911–1944), советскому разведчику, Герою Советского Союза, установлен в 1985 году, слева от входа в Дворец культуры «Уралмашзавода» на пересечении ул. Фестивальной и бульвара Культуры.

На здании заводоуправления «Уралмашзавода» установлена мемориальная доска: «В этом здании в конструкторском отделе работал с 1935 по 1936 год Герой Советского Союза, легендарный партизан-разведчик Кузнецов Николай Иванович».

Особое место занимает памятник С.М. Кирову. Он был установлен на площади им. Кирова в 1934 году. Он был выполнен в единственном экземпляре по проекту московского скульптора Н.В. Томского. При реконструкции площади в 1982 году установлен новый

памятник С.М. Кирову, подарок московских художественных мастерских.

Памятник-бюст Д.Н. Мамину-Сибиряку (1852–1912) установлен на проспекте Ленина на плотинке городского пруда в 1987 году. Авторы памятника – скульптор А. Антонов, архитектор Б. Демидов.

Памятник А.С. Пушкину (1799–1837), великому русскому писателю, установлен в Литературном квартале города, на пересечении ул. Первомайской и Пролетарской 5 ноября 1990 года. Автор памятника – скульптор Г.А. Геворкян.

Мемориальный комплекс жертвам политических репрессий 30–50-х годов, сооружен на 12 километре Новомосковского тракта, на месте массового захоронения безвинно погибших. Комплекс установлен в 1996 году. Авторы: архитектор А. Бусыгин, при участии А. Кривоногова.

Памятник Императору Петру I (1672–1725) установлен в Историческом сквере на левом берегу реки Исети в 1993 году. Бюстр Петра I является копией памятника Петру I, установленному в дореволюционном Екатеринбурге. Надпись на основании памятника «Императору Петру I – основателю горнозаводского дела на Урале».

Памятник Маршалу Г.К. Жукову (1896–1974), четырежды Герою Советского Союза, выдающемуся военачальнику, командующему Уральским военным округом в 1948–1953 годах, установлен на проспекте Ленина 8 мая 1995 года, напротив здания штаба Приволжско-Уральского военного округа. Авторы: скульптор К.Г. Грюнберг, архитекторы Г.И. Белянкин и С. Гладких. На постаменте надпись: «Жукову Г.К. солдату и Маршалу от уральцев 1995».

Памятник разведчикам-мотоциклистам Уральского добровольческого танкового корпуса установлен на Площади мотоциклистов в парке культуры и отдыха им. Маяковского в 1995 году. Автор памятника – архитектор Г.Голубев.

Памятник «Черный тюльпан» – военнослужащим, погибшим во время боевых действий в Афганистане и Чечне, установлен на площади Советской Армии, напротив окружного дома офицеров, в 1995 году. Авторы: скульптор К.Г. Грюнберг, архитектор А. Серов.

Монумент-памятник основателям города Екатеринбург – В.Н. Татищеву и В.И. Геннину установлен на пересечении ул. Горького и проспекта Ленина, на левом берегу реки Исети, рядом с Историческим сквером в 1998 году. На постаменте надпись: Славным сынам России В.Н. Татищеву и В.И. де Геннину. Екатеринбург благодарный. 1998 год». Автор памятника – скульптор Чусовитин.

Памятник воинам-спортсменам Урала участникам Великой Отечественной войны (лыжный батальон) открыт в мае 1996 года. Памятник установлен на ул. Большакова, напротив Дворца спорта. Авторы: скульпторы К.В. Грюнберг и В.А. Говорухин, архитектор А.Ю. Истратов.

Памятник П.И. Чайковскому (1840–1893), русскому композитору, установлен на ул. Карла Либкнехта, 34, на пересечении ее с ул. Первомайской, рядом с Музыкальным училищем им. Чайковского в октябре 1998 года. Автор — скульптор И. Бирюков.

Памятник сантехнику «(скульптура «Афоня»)» установлен в 2000 году и находится на ул. Сибирский тракт, 2. Подобный памятник есть в столице Швеции.

Памятник Человеку-невидимке ул. Белинского, 15 у центрального входа в библиотеку им. Белинского установлен в 2000 году. Авторы: А. Шабуров и Е. Касимов.

Памятник декабристам (на ул. Декабристов, 56, рядом с Уральской академией Государственной службы) открыт 14 декабря 2000 года, к 175-летию восстания на Сенатской площади. «Посвящается Сынам России, чей вклад в экономическое и культурное развитие Урала помнят благодарные потомки».

Продолжение следует.

Время, деньги

Так... Сперва — самый короткий участок пути. По тропинке под каштанами. До ближайшей пятиэтажки. Здесь меньше шансов на кого-нибудь нарваться. Затем перебежка до трансформаторной будки. От будки до беседки. От беседки до соседней пятиэтажки. Чуть отдышаться. И снова короткими перебежками: старый вяз в центре двора. Помойка. Девятиэтажный блок. Там опаснее всего. Много растительности. Есть где затаиться противнику. Впрочем, имеется другой путь. Но он длиннее. Вся хитрость в том, чтобы появиться у дверей подъезда в самый неожиданный момент. И желательно с дальней, плохо просматриваемой стороны. А можно воспользоваться соседней парадной! И — через чердак на свою лестницу. Хотя... Нет. Заколотили жильцы верхнего этажа чердак. Надоела им вечная беготня по крыше.

Проклинаемая самыми скверными словами родную школу, старшеклассник Валентин Исаев тщательно просчитывал кружной маршрут до собственного дома. Нет, сами по себе школьные занятия вполне устраивали Валу. Подумаешь, математика! В то время как свора балбесов-одноклассников собирает бананы за простейшие производные, он уже свободно решает нелинейные дифференциальные уравнения. А электролиз на физике? Ну, это же полная ерунда! То ли дело Общая Теория Относительности. Кривизна пространства-времени. Возможность дальних, космических путешествий... Валеку обожал фантастику. Но не абы какую, про чертей с упырями. А в самом ее классическом виде. И мог часами воображать себя капитаном межзвездного корабля, прорывающегося сквозь штормящее гиперпространство к переживающим очередную катастрофу братьям по разуму. И не имеет абсолютно никакого значения, что из-за этих мечтаний у него совершенно не остается времени даже на пробежку вокруг дома. А «отлично» по физкультуре, только чтобы не портить аттестат предполагаемого золотого медалиста.

Вячеслав Борисович Рогожин родился в 1973 году. Аспирант физического факультета СПбГУ. Увлекается литературным творчеством с пяти лет. Печатался в ряде изданий как с научно-фантастическими текстами и стихами, так и с научно-популярными статьями. Профессии: инженер в НИИФ СПбГУ, водопроводчик, дизайнер-оформитель и т. д. Участник Санкт-Петербургской студии фантастики А.Д. Балабухи.

Ну да. Чего уж тут скрывать. Вся школа знает! Слушались с ним на «физ-ре» печальные истории. И что с того? Подумаешь, планку погнул. При прыжках в высоту. Один раз. И рухнул с каната. С той, полутора-метровой высоты, на которую сумел-таки забраться. Два раза... Но разве заслуживает будущий спаситель цивилизации погонялова «Чухлый Ботан», коим наградили его глумливые «коллеги» за подвиги на ниве познания? Именно эти тупые сверстники, которые вечно издеваются над ним на переменах, норовят подловить по дороге домой, и стали той единственной причиной, по которой Валя ненавидит школу. Зато когда он вырастет, все им припомнит. И плевки в спину. И пендали. И подзатыльники. Лишь только придется спасти Землю от... Ладно, вариантов много, там разберемся. А Ирочка Коновалова еще пожалеет, что вовремя не обратила на него внимания!

Ира... Ирочка... Иришка... Дух захватывает, когда она прыгает через спортивного козла. Просто преломляется в пространстве. Подобно солнечному лучу в стеклянной призме! Единственное приятное воспоминание с урока физкультуры. Впрочем, есть еще одно. Когда физрук заставляет всех нарезать круги под окнами школы. Какие легкие у нее шаги! Бегущая По Волнам. Электромагнитным... И что ей приглянулся Тоха Газаров? Подумаешь, подтягивается сорок три раза. Эка невидаль! Тайским боксом занимается. Танцует лучше всех в школе... Гнида. Но ведь туп как пробка! Из школы его не выперли только «за особые спортивные достижения, проявленные на областных соревнованиях».

А вот, кстати, и он. Легок на помине! Маячит в сером бадлоне у старого вяза. Не заметил. И то хорошо! Пойдем в обход. Эх, Иришка, Иришка... А у него, у Валентина Исаева, такие большие перспективы.

Эта мысль почти примирила Вальку с суровой реальностью. Он скрючился за низко стриженными кустами. Проклятый дворник! Вечно обкорнает чуть не под корень. Едва скрытый ими, почти по-пластунски подобрался к дверям своего подъезда. И снова было погрузился в красочные фантазии на тему «Я — Вели-

кий Физик». Однако не успел паренек захлопнуть за собой дверь и углубиться во тьму грязного лестничного пролета, как из самого мрачного угла у батареи донесся тихий, вкрадчивый голос:

— Ча-а-ахлый Бо-о-отан...

Будут бить, сразу догадался школьник. И покорно втянул в плечи голову.

— Так меня звали в школе... — столь же вкрадчиво и спокойно продолжил Голос.

— Это меня так называют! — с неожиданной обидой, словно его лишают последнего, воскликнул Валя.

— Дух захватывает, когда она прыгает через спортивного козла. Будто преломляется в пространстве. Подобно солнечному лучу в стеклянной призме! — продолжил Голос все так же мягко и тихо.

— Ты... Читаешь мои мысли! — оторопел Валек.

— Нет... Я их помню, — донеслось из мрака.

— Так значит, вы... Мы... Я... Будущее... — до преданного поклонника научной фантастики и Теории Относительности вдруг дошла предельная очевидность ситуации. — Пошли домой! Я сделаю бутерброды!!!

— Некогда! — отверг угощение Голос. На мгновение раздался тонкий писк. И поток зеленоватого сияния от экрана небольшого прибора ярко озарил небритый подбородок человека, до этого момента скрывавшегося во мраке.

— Да! Я все-таки сделал это! — с гордостью воскликнул гость. Азартно потряс ярко сияющим прибором над головой. И серые тени от ржавых перил заматались по облупившейся краске стен подобно лапищам гигантской сороконожки. — Хотя никто мне не верил! Хотя все принимали меня за психа! И выперли-таки из института. Впрочем, фиг с ними! На эту жалкую зарплату могут работать только идиоты. Пришло время кое-что исправить.

— Но если сейчас... Кто-нибудь... — попытался напомнить Валек, оглядываясь на дверь.

— В течение ближайших десяти минут сюда никто не проникнет. Уже посмотрел! А потом останешься только ты, — уверенно ответил небритый субъект, в котором старшеклассник с трудом мог признать собственный образ из грядущих десятилетий. Мятая рубашка, коротковатые брюки, старые башмаки как-то не очень вязались с романтическим образом преуспевающего светила науки, который наш мечтатель давно уже очертил в своем воображении.

— А... Вы? Переместитесь в ответившуюся параллельную реальность?

— Ха-ха-ха-ха! — заржал гость. — Есть только одна реальность. Движущаяся в едином временном потоке. Любое ответвление, как пустой шланг, брошенный в воду. Почти мгновенно наполняется. Когда я вырвался из собственного мира, то оставил за собой длинный вневременной канал. Позади с бешеной скоростью несется поток обратного времени. Я опережаю его на считанные минуты.

— И что будет, когда шланг... Когда канал наполнится?

— Окончательная временная аннигиляция моей реальности. Только и всего.

— Чудовищный взрыв?!

— Нет. Просто мой мир полностью обнулится. Без каких бы то ни было последствий для этого.

— А вы?

— Так я же это ты и есть. Хронологический двойник. Никуда не денусь. Однако в том виде хронического... Хе... Неудачника, которым ты сейчас себя наблюдаешь, разумеется, бесследно исчезну. Но сперва передам тебе несколько важных фраз. Ведь информация, в отличие от массы, не аннигилирует. Вселенной по барабану, как расположатся буквы на листе бумаги! — это сравнение почему-то особенно понравилось путешественнику. И гулкий смех его вновь загредел эхом по лестничным пролетам. — Слушай и запоминай...

Валек попытался предельно сосредоточиться.

— Мост через ручей. Там еще старое пригородное шоссе поворот делает. Этой дорогой после строительства кольцевой почти никто не пользуется. Помнишь?

— Конечно, помню. Еще кустарник густой у дороги...

— Именно. Так вот. Завтра в 23.30 фура контрабандистов на повороте в кювет слетит. Я это дело хорошо потом изучил. Водила, не приходя в сознание, скончается в больнице. Сильно поломается, а машину только утром обнаружат. Грузу, компьютерам, комплектующим, тоже не повезет. Почти весь всмятку. Но контейнер с микросхемами выдержит все... Навороченные микросхемы! Не «пеньки» какие-нибудь. Он сзади. Килограмм десять весит. Дверь при ударе переклинит. Но через пролом в корпусе забраться можно... Телефон запомни: три, три, три, девяносто два, девятьсот шестьдесят три. Сергей Васильевич! Повтори.

— Три, три, три. Девяносто два. Девятьсот шестьдесят три. Сергей Васильевич...

— Отлично. Скажешь, от Тегерана. Хмырь такой был... Есть. Пока есть. Мало кто его видел, но все знают. А главное, боятся. И еще, мочканут его завтра. Так что все тип-топ... Не всплывет. И бабла мне... Тебе, в смысле, за товар отвалят. По полной. Соображаешь?

— Да! А как она работает?

— Кто?!

— Машинка временная!

— Да пустяк. Можно трубу водосточную взять. Проводом обмотать. Выставить под углом... Но что это я? Сам не дурак, разберешься! Про бабки, про бабки думай. Тут ведь вот еще какая проблема. Через три дня...

...Словно изображение на экране накрывающегося телевизора, фигура небритого мужика исказилась и замерцала. При этом он лихорадочно пытался что-то подстроить на мониторе, прерывисто матерясь в краткие мгновения материализации. Еще секунда... И ни единый шорох не тревожит более тишину подъезда. «Временная аннигиляция...» — осознал Валек. Вгляделся ошалело во мрак лестничного пролета. Вдруг реальность подбросит еще какой сюрприз? И на ощупь двинулся к дверям своей квартиры.

В тревожном предвкушении грядущих событий Валя провел вечер за отстрелом виртуальных монстров на экране компьютера. И только к полуночи утомил мозги в той мере, чтобы заснуть.

Утром фантастические события минувшего дня казались не более чем глупым сном. Но чем черт не шутит?

Валя подошел к телефону и принялся набирать номер. «Три, три, три. Девяносто два. Девятьсот шестьдесят три» — бормотал он себе под нос. В трубке раздалось несколько длинных гудков. После чего хмурый мужской голос произнес: «Слушаю. Говорите!» «Сергея Васильевича... Можно?» — попытался выговорить Валек предельно низким, хриплым голосом. «Слушаю. Говорите!» — повторил мужчина столь же хмуро. Валя медленно положил трубку на рычаг... В ближайшие десять-двенадцать часов предстояло последовательно продумать план грядущей операции.

...Ровно в 23.00 учащийся средней школы Валентин Исаев со здоровенным рюкзаком за плечами выбирался из зарослей прибрежного камыша к заветному мосту, освещая путь приобретенным в этот же день фонариком. Лампочка светила тускло. С целью запутать возможного противника, парень больше часа блуждал по кустам и болотам. Распугивал случайных бомжей, поднимал в небеса стаи ворон, кормящихся на местных свалках. А запасную батарейку, разумеется, купить позабыл. Наконец, добрался до примеченного еще днем пункта наблюдения. Выключил свет и принялся терпеливо ждать...

Полчища комаров роились над неприкрытой шеей несчастного. С небес моросил мелкий дождь. А ночной холод пронизывал до костей. Уже несколько раз Валек порывался позорно сбежать домой. И только образ небритого неудачника из будущего побуждал его оставаться на месте. Для бодрости он начал гнусавить под нос какую-то песенку, когда далекий шум мотора заставил его встрепенуться...

Во мраке ночи по мокрому, скользкому полотну заброшенного шоссе неслась здоровенная фура. То ли водитель не заметил знака поворота, то ли и знака этого давно уже не было вовсе, однако замедлять ход машина начала слишком поздно. Резкий визг тормозов... Глухой треск удара... И вот уже в густой поросли придорожного кустарника выделяется только черный силуэт покореженной машины.

Тревожно озираясь по сторонам, Валек выскочил из убежища. Стянул с плеч рюкзак и кинулся к месту аварии. Из помятой кабины не раздавалось ни звука. Водитель явно был без сознания. А потому, осветив фонариком крытый прицеп, Валентин тут же полез в обнаруженный пролом.

Меж разорванных коробок с вывороченными кусками пенопласта, на засыпанном осколками стекла и обломками пластика полу, в тусклом луче отчетливо выделялся округлый чемоданчик серебристого цвета. «Контейнер...» — догадался Валя. И поволок его к краю

пролома. «Да тут не десять. Тут все двадцать килограмм будет», — пыхтел он, отплеываясь от уже налетевших в прицеп голодных комаров. С трудом вытащил контейнер на сырую траву. Перекатил его в рюкзак, взвалил ношу на спину. И уже было двинулся к дому. Но тут новая мысль заставила его остановиться: «Интересно, а как там... Водила?». «Нездоровое любопытство — характерная черта нашего вида», — прошептал Валек с некоторой долей сарказма. Приподнялся на цыпочки и очень осторожно заглянул в разбитое окно кабины. Водитель неподвижно свешивался с руля. По губам его текло что-то темное. Неровное, клокочущее дыхание свидетельствовало, что он еще жив. А странным образом уцелевший мобильник, все еще зажатый в руке, выдавал истинную причину его невнимательности на дороге... Резкий звук из кабины заставил старшеклассника в ужасе отскочить в сторону и повалиться на землю.

Валентин сидел в изгвазданных джинсах на грязной болотистой почве. Потирал ушибленный о контейнер бок. Он уже осознал, что тревога была ложной. Водиле просто кто-то позвонил.

Паренек снова подкрался к дверце машины. Осторожно разжал пальцы пострадавшего. И набрал на телефоне короткий номер: «Алле... Скорая? На пригородном шоссе... У моста. Напротив Комсомольской улицы. Фура разбилась... Человек умирает! Приезжайте быстрее». Сразу после чего кинулся сквозь заросли кустарника к городу.

Уже в собственной квартире Валя предельно аккуратно, чтобы не разбудить родителей, затолкал контейнер под кровать. Припрятал мобилу под подушкой. Завтра надо будет от нее избавиться. После чего быстро разделся и с головой забрался под одеяло...

...Бабла было много. Микросхемы и впрямь оказались продвинутыми. У Сергея Васильевича, маленького, лысого мужичка, жившего на другом краю города, глаза на лоб полезли, едва лишь его взору открылось содержимое контейнера «от Тегерана». Уже дома, произведя несложные математические расчеты, Валентин осознал, что восьми процентов годовых от имеющейся суммы более чем достаточно на все его нужды. И на оборудование домашней лаборатории. И на девочек. Да и восемнадцать ему уже исполнилось. На прошлой неделе. Так что к вечеру текущего дня финансы были переведены на его личный счет.

В приподнятом настроении Валек возвращался домой из банка. Круто ж, в течение суток навариться по полной. Да еще жизнь человеку спасти. Пусть и гнусному контрабандисту. Дневной выпуск теленовостей донес до него некоторые подробности этого дела.

Валя захлопнул за собой дверь парадной. И уже начал прикидывать, насколько радужное будущее его ожидает, как вдруг...

— Стоять! — донеслось из мрака. — Привет от Тегерана...

Сейчас будут убивать, осознал паренек. И покорно втянул в плечи голову.

Рис. Алексея Федотова

нарию. Акции «Квадримпульс» то падали, чуть ли не до нуля, то снова росли в цене.

Валек слабо разбирался в бизнесе. Но свято верил сообщению из грядущего. И не зря. После того, как ситуация немного стабилизировалась, принадлежавший ему пакет акций стоил в твердой валюте раз в двадцать дороже, нежели до начала печальных событий. Мало того, цена его продолжала стремительно расти.

Валек никогда ранее не испытывал интереса к экономике. Однако теперь крайне заинтересовался этой наукой. И упорно, в теории и на живых примерах, постигал законы рынка. Вчерашние школьные враги почти пов-

семестно стали лучшими друзьями. И попеременно клянчили мелочь на пиво. А Ирочка Коновалова, наконец, порадовала своим вниманием раскрутившегося одноклассника. Успешно скрывавшего, впрочем, истинную сумму своих баснословных доходов. Валентин уже было начал подумывать о предложении руки и сердца. Как вдруг, в один из промозглых октябрьских вечеров, зеленоватый свет в подъезде снова привлек его внимание.

— Ну что там опять стряслось? — спросил Валя устал у седовласого господина в помятом смокинге, нервно переминавшегося с ноги на ногу рядом с пыльной батареей.

— Деньги... Где?! — почти прокричал небритый мужчина.

— В банк положил... — пробормотал Валек растерянно.

— Завтра! Утром! Снимай со счета! И закупай акции АО «Квадроимпульс»!

— З-зачем?!

— Единственная контора, не только не разорившаяся в результате послезавтрашнего кризиса, но и приподнявшаяся на нем колоссально... Вот еще что! Сбегай на улицу. Кирпич принеси.

— Кирпич?! — изумился Валентин.

— Знаешь... Я ведь едва разобрался, как этот агрегат устроен, — и гость из будущего протянул Валентину мерцающий во мраке аппарат. — Труба... Обмотка... Как же! От дворника по шее получил. Квартиру спалил. Ненароком. Маму до инфаркта довел... В общем, реакция масс-обмена: я тебе машинку, ты мне кирпич. В кустах лежит! Пушай аннигилирует. Времени по барабану!

— ПОШЛИ ЭТУ СТЕРВУ НА ФИГ! — проорал тот срывающимся на визг голосом. Схватил юношу за воротник. И безумно вытаращился на его переносицу выпученными глазами. — НА ФИГ!!!

— Кого?!!

— К... КОНОВАЛОВУ!!! — прогремел гость из будущего и болезненно скривил лицо, словно от зубной боли. — Она превратили мою жизнь в ад!!! Каждодневные скандалы. Упреки. Наставления! Да еще четыре дочки. Капризные монстры, таскающие деньги из кошелька. Вечно оскорбляющие меня. И путающиеся под ногами. Видишь, я уже седой! А мне ведь тридцать пять... Ну да, гульнул недавно на стороне. Чуть-чуть. А ты бы не гульнул?! И вот теперь эти две лахудры... Жена... Теща... Отсудили мое состояние!!! — Несчастный хронопутешественник зарыдал на собственном плече из далекого прошлого.

Хронодвойник взял принесенный пареньком кирпич. Улыбнулся. Запихал его за пазуху. Потом кивнул на дисплей прибора:

— Экран сенсорный. Меню управления, как у Виндов. Разберешься. Батареек не надо. Только иногда через эту дырочку спирт заливай. Можно одеколон. В общем, бывай. Успехов!

Потрясенный всей глубиной еще не свершившейся трагедии, Валентин погладил гостя по спине.

— Ну ладно. Успокойся. Не стану я с ней связываться. Не стану!

«...Кризис обрушился волной чудовищных финансовых потрясений», — пугали обывателя средства массовой информации. Банки лопались. Фирмы прогорали. Рубль обесценивался по давно уже отработанному сце-

— И хорошо! И правильно! — искренне обрадовался пришелец из будущего. — Я знал, знал, что смогу на себя положиться! Да... Еще вот... Анжелочку Теплоухову

из пятого «А» помнишь? Пухленькая такая. Волосики беленькие... Бантики голубенькие... Держи ее на примете! Хорошо?

— Но ведь она маленькая... Ребенок еще.

— Так это сейчас маленькая. А подрастет... Будет ого-го! Если ты меня понимаешь. И главное, характер! Кроткая. Добрая. Покладистая... — Голос у джентльмена задрожал, по щекам снова потекли слезы. — В общем, не торопись... Ладно?

Седой господин в помятом смокинге заискивающе глянул Валентину в глаза и растворился в воздухе.

...Десятилетие спустя молодой, но крайне преуспевающий бизнесмен Валентин Исаев справлял свадьбу в одном из лучших французских ресторанов. Его строгий, черный костюм удачно контрастировал с чуть розоватым платьем и роскошными светлыми волосами невесты. Отец и мать, одетые по последней парижской моде, с гордостью смотрели на сына. А впереди еще ждали контракты с заграничными партнерами, поездки по всему свету... В общем, о лучшем и мечтать было нельзя.

И все бы ничего. Когда б еще через пару лет зловещее зеленоватое сияние снова не вторглось в красивую сказку.

...В центре огромной спальни, инкрустированной красным деревом, рядом с кроватью размером с небольшую лесную поляну, стоял классический уголовник. И щерился кривоватой ухмылкой. Жуткие татуировки покрывали руки. Небритая красная харя была оформлена двумя неполными рядами черных, гнилых зубов. Грязная фуфайка с оборванными рукавами, выцветшие, драные шаровары да пара грязных валенок гармонично дополняли канонический образ...

— Слыш, чувак! — сказал урка, подкидывая на лопатообразной ладони маленький, мерцающий приборчик. — Не, все нормально. Ты клевый кент. Но побазарить нужно.

— Тише... — пролепетал Валентин, дрожа всем телом. — Жену разбудите...

— Ниче. Она в отключке. Эт я ей дозу из парализатора закатал. В воду потом кинь. К утру оклемается. И ты жить будешь. Если правильно просечешь, че по чем...

Валентин с неизменным ужасом взирал то на выгнувшееся в неестественной позе тело супруги, то на страшного зека, лыбящегося у брачного ложа.

— Хорошо... Что вам нужно? Деньги? Много денег?! — прохрипел он наконец.

— Во-первых, имя смени. Валя! На зоне таких любят... Во-вторых, урода этого... Как там его... Тоху Газарова! Во! Уволь. А лучше мочкани. «Старый школьный товарищ». Ща! Крыса он! Падла гнусная. За спиной у тя делишки темные крутит. А судить за них знаешь кого будут?

— К-к-ого? — заикаясь, спросил Валентин.

— Меня! Тебя то бишь. И фирму мою загребет. И жену уведет. Гнида...

— Так ты... Что... Это я?!!

— А че, не узнал, в натуре? Только как из зоны. Все просек? Действуй... Братан!

Зеленоватое свечение померкло. А Валентин еще несколько часов провел, отмачивая супругу в джакузи.

...Взятый в заложники Валентин тихо выл от страха, будучи крепко связанным и запертым бандюками в сортире собственной фирмы. Кто же мог знать, что у Тохи тут целая банда? И что этот подлец поведет себя столь радикально в ответ на разоблачительную критику?

Хорошо, что прежде он сдал в ментуру все бумаги, которые накопил на этого урода. Плохо, что омовцы пошли на штурм здания. Снизу уже доносились автоматные очереди. Слишком далеко. А значит, прибить его всяко успеют...

Стоп... А это что это блестит под унитазами? Бутылка! С-под водяры! Во-о-от, значит, где сотрудники нажираются в рабочую смену!!! Валентин аж задохнулся от возмущения, несмотря на собственное почти безнадежное положение. Но ведь и впрямь почти! Поэтому как именно в этой бутылке, возможно, и таился единственный путь к спасению.

Нет... Не надраться вусмерть и не сразить противника ядреным перегаром задумал бизнесмен. Валентин пнул по бутылке связанными ногами, и та разбилась в дребезги. Словно гусеница, изгибаясь всем телом, подобрался к горлышку с торчащими из него острыми осколками. Розочка — донесла память романтического название инструмента. Меньше, чем за минуту, перерезал веревки, стягивающие запястья. Взглянул на пол. Тот был основательно измазан кровью из множества свежих, болезненных ранок. Бачок надо было долбать, — запоздало догадался Валек. Быстро схватил розочку, освободил ноги. Но тут дверь с треском распахнулась. Из-за нее донеслось: «Ча-а-ахлый Бо-о-отан!»

Увы, не очередной двойник из будущего производил эти слова. За дверью присутствовало направленное на него дуло пистолета. Пистолет находился в руках у Тохи.

— Как же я тебя ненавижу... — процедил Тоха, покачивая черным дипломатом в левой руке. — Еще в школе мечтал порешить... Уж не знаю, каким образом такой слизняк, как ты, сумел приподняться, но... Именно тогда богатенький Валентино стал моим смертельным врагом. Про ОМОН размышляешь? Плевать я на него хотел. На крыше вертолет. Бабки в чемодане. — Тоха постучал дулом по дипломату. — Я уйду. А ты подождишь...

«Пусть говорит, — думал Валентин. — У меня в кармане Прибор... На всякий случай захватил. Если удастся задать время... Отправлюсь в прошлое и успею себя предупредить!»

— А ну, что ковыряешься? — с сомнением прикрикнул Тоха, зрелый безуспешные попытки Валентина установить таймер обратного времени. — Быстро! Вынул! Показал!

«Нет, любопытство все же характерная черта нашего вида», — подумал Валя.

— А ВОТ ЧТО!!! — заорал он, срывая голос. И буквально выдрал из кармана машинку для хронопереноса.

А Тоха уже давил на спусковой крючок... Валентин видел пламя, вырывающееся из дула. Видел пулю, медленно скользящую сквозь уже преобразующееся, густеющее пространство. И одновременно быстрыми движениями пальцев набивал последние цифры... Пуля... Пальцы... Цифры... Пуля. Удар. Не в сердце. По Прибору! Даже не удар. Мягкий толчок. Словно капля свинца вошла в толстый слой ваты. Однако вмятина на корпусе образовалась очень даже внушительная... Прибор задымился. Экран погас. И только поврежденный участок сиял все ярче и ярче. Раскалялся. Опляывал по краям. Пренеприятнейший свист донесся изнутри поврежденного аппарата. И Валентин швырнул его в бывшего одноклассника...

Взрыв... Тохина туша, выпадающая из разлетающегося искрами осколков оконного проема... Евро, с шелестом рассыпающиеся осенней, многоцветной листвой на фоне голубых небес и крыш городских домов. Топот ног по коридору. Вопли: «Все на пол, козлы! Где заложник?!» Снова выстрелы... Штукатурка, струящаяся с дрожащих под пулями стен...

Валентин вдруг почувствовал предельную усталость. И в смертельной тоске присел на краешек унитаза... Елки-палки! А он-то, дурак, голову себе ломал все эти годы. Почему, когда пути сквозь время открыты, к нам планомерно и повсеместно не стекаются гонцы из будущего? С информацией о всех грядущих неурядицах и катастрофах? Войны, землетрясения. Эпидемии, наконец. Скольких жертв можно было бы избежать. Осознанное противодействие, охрана истории? Патрули Времени? Сверхсекретность? Ха! Правы... Тысячу раз правы фантасты прошлых лет. Слепой случай! После очередного изменения прошлого либо сам аппарат не изобретается вовсе, либо... Вот как сейчас. Ведь у любого ботана-заучки теперь гораздо больше шансов на изобретение Машины Времени. Нежели у него самого. Несостоявшегося Гения. Чахлого Бизнесмена!

Валя совсем уж было упал духом. Но вдруг встретился, глаза заблестели. Как же! Ведь есть, вот способ! Пускай сам он и не способен на открытие. Но вокруг полно тех, кому это по силам! Студентов. Даже школьников с еще не промытыми тупиковыми догматами мозгами! Он сумеет найти. Собрать... Он ведь сам когда-то был ТАКИМ! Он передаст им, что знает. Предоставит лучшие лаборатории. Сделает то, что не удалось всем остальным! Удержит нить судьбы. Обманет Время!!!

Валек высунул голову из дверей кабинки.

— Мужики-и-и! — радостно просипел он в коридор. — Я ту-у-ут!!!

И чуть было не схлопотал себе пулю от Незыблемой Реальности прямо в лобешник.

ВЕЙДЕМЕЙЕР Татьяна (Темира) Семеновна (урожд. кн. Херхеулидзева; ок. 1792 — 1868), переводчица.

Воспитанница Смольного ин-та. Была знакома и приятельствовала с Жуковским, И.И.Козловым, родителями Пушкина и с ним самим и др. литераторами, у коих была известна под именем Темиры. В архиве ГД хранятся неизданные письма В. к Жуковскому, А.И.Тургеневу, А.А.Краевскому, Д.И.Хвостову, Н.В.Сушкову и др. Дельвиг посвятил В. стихотв. «К Темире» («Как птичка резвая, младая», 1815), а И.И.Козлов — вольный пер. стихотв. Т.Мура «Вечерний звон», кот. стало популярным романсом.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Сл.; Черейский.

ВЕЙНБАУМ Эрнестина Львовна (урожд. Биншток; псевд. Львова, Э; 1863 —), писательница и переводчица.

Сотр. в «Вестн. Европы» (1904) — W. О ней: Писатели современной эпохи. М., 1928.

Масанов.

ВЕЙНБЕРГ Елизавета, дет. писательница (1880).

Венгеров. Источ.

ВЕЙНШАЛ Зинаида Бенциановна (1900 — 1990), поэтесса.

Актриса. Жена адвоката А. Вейншала. Авт. кн. «Палестинский альбом». Берлин, 1929.

Алексеев А.Д.; Диаспора. 4.

ВЕЙС Ольга Платоновна (?), переводчица.

Нач. яросл. епарх. училище (1900)?

Венгеров. Источ.

ВЕЙСБЕРГ Юлия Лазаревна (Вейзберг; по мужу Римская-Корсакова; 1879 — 1942), авт. воспоминаний.

Композитор. «Консерватория в 1905 году: Воспоминания». — В кн. Гнесин М.Ф. Мысли и воспоминания о Н.А.Римском-Корсакове. М., 1956. С.304-310. «Памяти И.И.Крыжановского» \ \ Совр. Музыка. 1926. № 13 \ 14. С. 99-100 — о муз. деятеле, педагоге и композиторе И.И.Крыжановском.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 7062; Т.5. Ч.2. № 2149.

ВЕКШИНА Лина (Акулина) Григорьевна

(См. Ашалычи Оки)

ВЕЛИКАНОВА А.И., драматич. писательница.

«Проблески счастья», драма. Разрешена к пост. в авг. 1874.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВЕЛИЧКИНА Вера Михайловна

(См. Бонч-Бруевич, В.М.)

ВЕЛИЧКИНА Екатерина Михайловна (— 1935), авт. воспоминаний

Народная учительница, сестра публицистки и общ. деятельницы В.М.Бонч-Бруевич (Величкиной). «Воспоминания о школьных годах В.М.Величкиной» (кон. 1870-х — нач. 1880-х гг.) — РГБ ОР. Ф.369.

ВД. Указ рук. (ук. им.).

ВЕЛИЧКИНА Лидия Николаевна (1882 — после 1953), авт. «Автобиографии».

Секр.-маш. Н.А.Рубакина, затем П.И.Бирюкова; учит. нач. школы. «Автобиография» (кон. XIX в. — 1918). — РГБ ОР. Ф.369. 378.39.

ВД. Указ рук. (ук. им.)

ВЕЛИЧКИНА-МАЛЮТИНА В.Н.

Авт. ст. «О педагогич. семинаре в Иене». — «Вестн. Воспит.», 1907, № 8; пер. с нем. ром. В. фон-Поленца «Деревенский священник». — «Образование», 1903, № 6 (прилож.); пер. с франц. кн. Бодриллара «Приключения бутылки с вином». Изд. «Посредника» (1903). Сотр. в кач. рецензента в журн. «Образование» (нач. 1900-х гг.).

(Продолжение на стр. 63)

Елена ДУРЕКО,
фото Максима ФИРСОВА

Знакомство со Смолинской

Есть немало мест на Урале, добраться куда довольно несложно и отдыхать там приятно и интересно. «Уральский следопыт» решил рассказать об одном из таких уголков туриста и снарядил небольшую экспедицию в Смолинскую пещеру. Экспертом по пещерной жизни согласился выступить спелеолог со стажем Сергей Коптелов.

Смолинская, найдись

Добрались мы до Ревуна — любимого места сбора туристов. Сняв с себя чистую городскую одежду, облачились в походную униформу. Куртки и штаны из плотной ткани, резиновые сапоги (вместо которых у меня — замшевые кроссовки, о чем я потом очень пожалела).

Двинули вперед по лесу до ручья. А потом те, кто был в сапогах, пошлепали вперед прямо по воде, а мне пришлось — с камешка

Снаряжение экспедиции предоставлено маркой «Зверобой», руководитель центра экипировки — Сергей Коптелов, к.м.с. и судья 1 категории по спелеотуризму. непромокаемая, надёжная,

ЗВЕРОБОЙ

удобная и незаменимая одежда для настоящих мужчин: охотников и рыболовов, туристов и путешественников, профессионалов и любителей.

на камешек или по заячьим тропкам по скользкому берегу.

— А это что, не вход? — вскарабкались, посмотрели, осветили фонариком. Нет. Это только небольшой грот. Таких нам попало штук три. Отмахав вдоль каменной возвышенности с километр, мы дошли до накатанной широкой дорожки, взбегающей вверх. Она привела к узкому широкому отверстию, напоминающему улыбающийся рот. Из темного проема вышли друг за другом четверо человека. Значит мы следующие.

— Ну как там, грязно? — спросил у них только подошедший Коптелов.

— Да нет, не очень.

Уф, подумалось мне. Слава Богу. Может грязи, о которой мне говорили, косясь на мою хлипкую обувь, в Смолинской не так уж и много.

Первый тоннель

Пролазили в пещеру по очереди. Первым, как наиболее опытный, шел наш гид Сергей. Камни скользкие, влажные, воздух внутри сырой и тяжелый. Температура примерно + 4, 6, при дыхании изо рта идет густой белый пар — как зимой на морозе, а под ногами хлюпает грязь. Хотя дырка не очень большая, протиснулись быстро и включили налобные фонари.

Свод невысокий. Проход только для одного человека. Шли гуськом. Ноги скользят по острым мокрым и грязным камням. Ход привел к расщелине: с одной стороны гладкая плита, а над ней нависает другая — с острыми зубцами. Чтобы спуститься, пришлось частично съезжать на бок и локте, до небольших ступенек, куда можно поставить ногу.

Обшарили вокруг фонарями — просторная галерея. Несколько гротов — совсем неглубоких. Щель в стене оказалась лазом. Чтобы пробраться — нужно повиснуть на локтях и одной ногой найти упор для ступни, опираясь при этом коленкой на камень. Непростая комбинация для того, кто в пещере впервые. Пока еще не страшно, но скользко и сыро. Кроссовки намочили еще на пути к галерее.

«Дорога в ад»

Выбравшись из узкого, но довольно короткого лаза мы двинулись в обратном направлении. Возвращаться оказалось сложнее, чем идти вперед. В галерее уже фотографировалась следующая группа туристов. Дальше они не пошли. Чистенькие, но так и не узнавшие, что же там дальше, вернулись обратно. Мы уже были похожи на группу весьма приличных чертей, поскольку успели и проползти на брюхе, и скатиться кое-где на пятой точке. Кстати, это Коптелов посоветовал, если где-то не получается устоять на ногах, катиться на пятой точке опоры. Совет оказался очень ценным.

Под одним из выступов галереи было маленькое треугольное отверстие, с одной стороны прегражденное толстыми палками.

— Ну что слазим?! — с энтузиазмом спросил один из участников. А до выхода-то уже совсем чуть-чуть...

— Осторожней Максим, там может быть дорога в ад, — Сергей заглянул в дыру. — Туда улететь можно махом, а вытаскивать потом тебя придется долго.

«Дорога в ад» — это лаз, который представляет собой монолитную трубу, отполированную потоками воды, с уклоном 45 градусов и оканчивающуюся завалом из глины и камней.

Там уже и вовсе пришлось распластаться. По такому узкому проходу и по-пластунски сложно. Налобный фонарик периодически соскальзывает на глаза, инстинктивно задираешь голову, и, разумеется, стучаешься об острый каменный потолок.

— Здесь поперек бревно, а к нему веревка привязана! — раздался откуда-то спереди из тоннеля голос.

— Ничего не трогай, значит это она и есть. «Дорога в ад». — Ответил уже подползающий к нам Сергей Коптелов.

Чтобы заглянуть дальше пришлось лечь на широкий плоский камень. Фонарик осветил тоннель, напоминающий формой

глотку животного, стремительно уходящий в глубину. Веревка была довольно толстая. Спуститься вниз... Если крепко за нее держаться, волне можно вылезти обратно. Выступы для упора ногами вроде есть.

— Никогда не смейте трогать чужую веревку! — рявкнул единственный среди нас профессиональный спелеолог, — Где уверенность, что она не оборвется?

Наверху

В «Ад» не пошли. Обмундирование немножко не то — надо бы потеплее одеться. Да и снаряжение с собой не прихватили.

Первый вдох после двух часов в Смолинской. Воздух, живой, легкий, наполненный самыми разными запахами и прогретый заходящим солнцем, какой-то слишком вкусный, для того, чтобы быть обычным.

Спустились к ручью, умылись. А затем устроили небольшой привал: согрели чай на газовой горелке, переоделись в сухую одежду. Рядом, на Ревуне туристы развели настоящую дискотеку. Музыка доносилась и до нашего пригорка.

— Смолинская — это, в общем-то, нулевка, — пояснил наш эксперт по спелеологии. — К экспедиции в пещеры первой, второй, третьей категории, где есть вода, вертикали, колодцы, нужно готовиться основательнее. Брать с собой специальное оборудование.

Вообще, как выяснилось, существует две категории спелеологических экспедиций: спортивное прохождение и исследовательские.

Во время исследовательской экспедиции ведется топосъемка пещеры. Берется с собой рулетка и многие другие приборы, позволя-

ющие измерить длину ходов и нанести сеть тоннелей на карту. Иногда спелеологам приходится разбирать завалы, если есть речка или ручей — окрашивать воду, чтобы увидеть, где вода выходит из-под земли.

Первопроходцы пещер

— Любите пещеры? — продолжаю допрос Сергея Коптелова уже по дороге домой.

— Да, конечно.

— За что?

— ...Нельзя сказать. За дружбу, за людей. За красоту. Альпинисты ходят на те вершины, где люди были многократно. В пещере же ты — первый. Каждый шаг — это открытие нового подземного пространства.

Кроме того, у каждой пещеры свой особый дух, свой характер. Некоторые отдаются спокойно, а иногда экспедиция пытается пройти глубже в неисследованную пещеру, но она никак не открывается. Лет через десять эти же места начинают исследовать вновь и находят новые ходы. Вот, например, Воронья, — сейчас уже известно, что она — глубочайшая пещера мира.

— Мой максимум жизни в пещере — это неделя. Там вообще не-

реально ощутить время. Оно течет совсем по-другому. Кажется, что проработал восемь часов, а на самом деле прошли сутки, — вспоминает Сергей Коптелов.

В конце 80-х, после армии наш сегодняшний гид пришел в секцию спелеологии. Он побывал практически во всех пещерах Урала, таких как Дружба, Сказ, были также экспедиции в Азию, на Кавказ, в Абхазию. Сейчас в экспедиции уже не ходит — занимается подготовкой и судейством в соревнованиях по спелеологии.

Почти дома

Стемнело. Вся экспедиция заняла у нас около семи часов. Мы подъехали к дому, вдоль дороги клубится туман — вечером здесь был дождь. Ушибленные колени немного побаливают. Мокрые кроссовки — на заднем сидении, грязная одежда в пакете.

Позади первое знакомство с пещерой. Там было немного страшно и сложно, но все же интересно и действительно красиво. Блики от фонариков на мокрых камнях и капающая со сводов вода. Там, внутри, понимаешь, что камень — это огромная сила, частью которой ты становишься, погружаясь в пещеру.

Без чего нельзя в пещеру

Есть несколько вещей, без которых туристу в пещеру лучше не заходить.

1. Плотные непромокаемые брюки и куртка, которые не страшно испачкать в грязи. Когда мы выбрались из пещеры, на очереди была следующая группа. Двое из ее участников были в летних бежевых брюках и шлепанцах — не самый удачный наряд.

2. Резиновые сапоги, или смена обуви.

3. Налобный фонарик. Перед глазами всегда светло, и руки свободны.

4. Тканевые перчатки. Чтоб не поранить руки об острые камни.

5. Каска, платок или шапка на голову. И фонарь не будет соскальзывать, и волосы чистые.

6. Зажигалка. В пещерах, где часто бывают туристы кое-где на стенках и уступах прикрепляют свечки.

И еще. Это, наверно, самое главное — лучше чтобы был кто-то уже заходивший в пещеру, в которую направляется группа.

Адрес экипировочного центра
г. Екатеринбург, ул. Попова, 6, СТЦ «Аркада»
тел. +7 912-24-16-550

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":

Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78

Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39

Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46

Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98

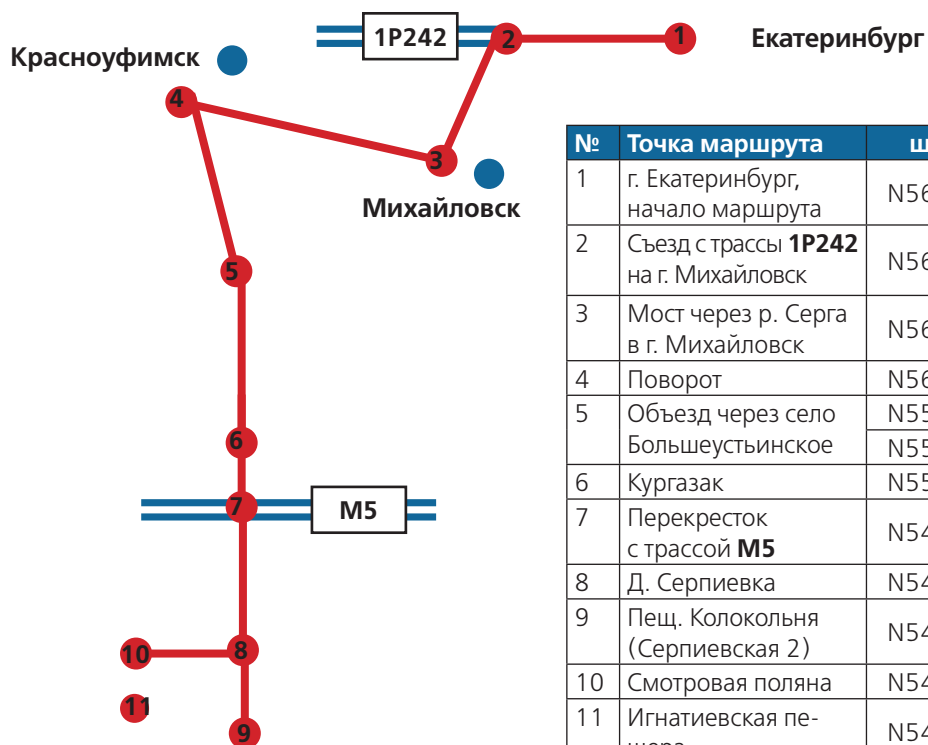
Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32

www.gpsplus.ru

представляет

Возьмите GPS-приемник, введите предложенные координаты, и, двигаясь по треку, вы откроете для себя

«СЕРПИЕВСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ ГРАД»

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, начало маршрута	N56 49.542	E60 36.316
2	Съезд с трассы 1P242 на г. Михайловск	N56 47.934	E59 27.809
3	Мост через р. Серга в г. Михайловск	N56 27.632	E59 06.257
4	Поворот	N56 32.396	E57 52.606
5	Объезд через село Большеустьинское	N55 57.226	E58 15.728
6		N55 56.544	E58 15.993
6	Кургазак	N55 16.500	E58 07.982
7	Перекресток с трассой M5	N54 58.268	E57 55.896
8	Д. Серпиевка	N54 51.755	E57 51.978
9	Пещ. Колокольня (Серпиевская 2)	N54 51.422	E57 51.205
10	Смотровая поляна	N54 54.502	E57 47.056
11	Игнatieвская пещера	N54 53.966	E57 46.878

**Виктор БАЙДУКОВ,
фото автора**

«Что может быть замечательнее и интереснее пещер?!» Это известное выражение академика А.Е.Ферсмана в полной мере можно отнести к «Серпиевскому пещерному граду», расположенному в долине Южноуральской реки Сим.

Здесь на 15-ти километровом участке верхнего течения Сим сконцентрированы практически все имеющиеся в природе карстовые формы и явления, включая лабиринтовые пещеры, гроты, арки и другие природные феномены. Подобного карстового ландшафта нет ни в одном уголке России.

Если добавить к этому, что две из пещер, Колокольная и Игнатьевская, являются помимо памятников природы еще и одними из девяти известнейших в мире пещер с сохранившимися палеолитическими рисунками, то поклонникам необычного отдыха, любителям новизны впечатлений, людям с жаждой познания следует обязательно побывать в этих краях.

Одна из перечисленных пещер — Игнатьевская — является еще и святилищем с возрастом около 15-ти тысяч лет. В этих карстовых стенах многие тысячи лет назад происходил обряд обращения мальчиков во взрослых мужчин.

Это святилище сохранилось до наших дней и, что не может не поразить наше воображение, сегодня эта пещера является местом паломничества православных верую-

щих. По преданиям, в этой пещере в XIX веке скрывался и жил отшельником старец Игнатий.

Пещерник молился в том гроте, в котором была обнаружена каменная Богородица, женская фигура в обрамлении двух сталагмитов с младенцем на руках.

И еще одно явление природы можно увидеть в этих краях. В районе горы Эссом река Сим исчезает под землю и через 600 метров вновь появляется на поверхности земли. Наибольший поток воды вытекает в начале пещеры Эссомская, и это замечательное явление природы вместе со всем описанным выше можно увидеть в окрестностях с. Серпиевка Катав-Ивановского района Челябинской области собственными глазами.

Вадим МИТРОФАНОВ

Тура — не простая река

Путешествие

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Задуманный год назад сплав по реке Туре мы решили совершить, в общем подзадоривал нас водный маршрут отряда Ермака.

Двумя тепловозами, первый, который вышел из строя, наш поезд, остановился по середине пути от Егоршино до Туринска. Прибывший второй тепловоз из Туринска к вечеру дотащил состав до вокзала. Крупное деревянное здание, пустой и холодный зал ожидания, кассир нас уведомила, что здесь нет ни камеры хранения, ни гостиницы. Мы – это братья Митрофановы – начали поиски возможностей доставить наш багаж, а это байдарка, палатка и все остальное туристическое снаряжение, к реке.

Задуманный год назад сплав по реке Туре мы решили совершить, в общем, подзадоривал нас водный маршрут отряда Ермака.

Вечером молодой таксист помогает погрузить наш груз и доставляет нас к реке. По пути расспрашиваю его о городе, о реке. Он сообщает, что до этого времени шли проливные дожди, река стала полноводной и даже затопила все наплавные мосты. Выгрузил он нас на крутом правом берегу, недалеко от железнодорожного моста, на широкой пойменной поляне. Река широкая, течет мощным светло-коричневым потоком, берег весь заилен, проваливаемся в грязь по колено, так что без болотных сапог к воде не подойдешь. Ставим палатку, начинаем собирать байдарку, вечер тихий, солнечный. Вокруг собирается кучка местных ребятишек, угощаем их пряниками и просим накопать червячков, что они делают очень добросовестно. Приносят в банке червячков, даем им еще по рублю, они просят подождать пока подбежит самый молоденький чумазый мальчуган,

видно, он очень старался накопать побольше червей. Эта солидарность меня очень порадовала. И так, под грохот поезда на железнодорожном мосту через Туру, укладываемся в палатке.

Что за город Туринск? С берега реки видны старые деревянные дома, но я помню, когда был в Туринске в 60-е годы, то центр города современный. Запомнился кинотеатр, где во всю торцевую стену большой портрет Ермака. У реки большое кирпичное здание спичечной фабрики, на реке длинные «затоны» для обработки бревен. Когда я спрашивал у таксиста о судьбе спичечной фабрики, он ответил, что с фабрикой все кончено (зажигалка вытеснила спички), со сплавом леса тоже много лет уже покончено. Но Туринск живет и славен своей историей. Когда Ермак с казаками, пройдя реку Тагил и болотистые низины реки Туры, выплыл к становищу Япандза-Юрт (ныне Туринск), здесь его уже ждал мурза Япандза. Триста воинов татар и еще столько же вогулов должны были засыпать казаков стрелами и закидать головнями с горячей смолой. В засаде стояли конные сотни на случай, если казаки пойдут в атаку. Япандза был опытный воин.

Ермак и сам знал, по строгановской карте выходило, что Тура делает здесь дугу и узка, у левого берега мели, справа высокий берег. Приказал всем надеть кольчуги, латы, гребцов укрыть щитами, вязанками хвороста. Град стрел посыпался с берега, но струги не свернули на мель. Приставали к берегу под самым Епанчином. Казаки с пищальми бежали на приступ, грохотали пуш-

Вадим Александрович Митрофанов родился в Ленинграде в 1938 году. Окончил радиотехнический факультет УПИ. Много лет проработал конструктором на Уралвагонзаводе, сейчас работает в Нижнетагильском драмтеатре. Много путешествовал, снимал на фото и видеокамеру.

ки. К утру от городка остались дымные головни. Казаки сожгли и прибрежные деревни. Япандза был схвачен раненым. Войско побито. Казаки понесли большие потери.

Интересно, что первые портреты Ермака изображали его как рыцаря в доспехах, наподобие испанских конкистадоров завоевавших империю инков и атцегов. Но трудно поверить, что казацкая вольница широко пользовалась тяжелыми и неудобными в бою доспехами, даже на картине Сурикова «Покорение Сибири» все казаки в обычном своем одеянии. Видно, история испанских завоевателей была известна в России, это, наверно, и повлияло на первых летописцев о походе Ермака.

Но вернемся на речку.

Следующий день начался с яркого солнечного утра. Готовим завтрак, запасаемся дровами и осторожно спускаем байдарку. Мощный поток реки понес нас с приличной скоростью. По протяженности река Тура одна из самых крупных рек Урала, длина ее составляет 1025 км. В свое время это был единственный путь от Верхотурья до мест завоеванных Ермаком, т.е. в Сибирь. Некоторое время в Туринске жил академик И.И.Лепехин, который совершил путешествие по Туре от Тюмени до Верхотурья и составил первое описание реки. В то время река была рабочей, несла на своих плечах суда и барки, обеспечивала сплав леса. В настоящее время с постройкой железной дороги и автодороги вдоль реки до Тюмени значение ее как транспортной артерии резко упало.

Итак, плывем, прошли над наплавным мостом, даже не заметили, так высоко стоит вода. На берегу высятся большое кирпичное здание, видно, это бывшая спичечная фабрика, но ничего в ней не напоминает, что она работает.

За городом река широко разлилась вправо и влево, течение слабое, даже засомневались, в какую сторону

плыть. На брошенной барже сидят рыбаки, спрашиваем, в какую сторону плыть.

Проплывает сверху еще один мост у поселка Коркинское, время приближается к обеду. Постоянно ищем место для причаливания, справа крутой глинистый берег, слева затопленные ивовые кусты. Наконец, перед поселком Городище есть ровный берег, к которому с трудом можно пристать.

Костер на берегу, походный туристский обед: горячая чашка супа «Доширак» и кружка чая с пряниками. Изучая место нашего обеда, через 80 метров нахожу чистую протоку с хорошим спуском к воде. Перетаскиваем груз и байдарку в протоку и в 14-00 отплываем. На удивление, протока все сужается, оказывается, у Городища есть обходная протока, которая в большую воду соединяется с основным руслом, а сама река делает еще 15-ти километровую петлю. Плыдем среди затопленных кустов, деревьев, местами ширина не более 5–10 метров, течение довольно сильное. Слава спрашивает меня, куда делась эта большая река, неужели растворилась в лесах. Но вот выплываем в довольно большое расширение, на небе собирается гроза, пошел дождь. Пристали, переждали грозу, из любопытства осмотрели заброшенную сеть, рыбы в ней много.

Еще около часа непонятного сплава, даже возникло некоторое сомнение, туда ли мы плывем. Наконец, вышли на широкий простор, здесь старица сливается с рекой, и опять сомнение, в какую сторону плыть.

К семи часам вечера погода установилась солнечная, перед нами на высоком берегу показались домишки деревни «Митрофановка». Здесь по плану мы должны заночевать и ознакомиться с бытом местного населения. Наш интерес подогревался тем, что оба мы Митрофановы, и с названием таких поселков встречались редко.

Под вечер к палатке вышел местный житель и бодро отрапортовался: «Туголуков Петр Михайлович, с 40 года рождения». Угостили его стопкой, он разговорился: раньше здесь был колхоз, сейчас осталось 10 жителей и одна корова, всего с дачниками 20 дворов, а ведь сюда ближе всего подходит шоссе Тюмень-Туринск. Вообще писать о запустении уже скучно, в глубине России это повально. Подъехала на «десятке» семейка, интересуется, — есть ли дальше поселок Шевелевка, они родом оттуда. Петр Михайлович информирует их, что такой деревни уже нет. В Митрофановку продукты привозит машина в основном по заказу, медицинское обслуживание только в поселке Коркино. Петр Михайлович сетует, что у него почти все зубы выпали и надо ехать в Туринск. Живет он с бабушкой, которая тоже болеет, мы передали ей несколько пакетиков хорошего чая и попросили немного молодой картошки.

Следующее утро пасмурное, прохладный северный ветер гонит рябь по реке.

Петр Михайлович принес кулек молодой картошки, жалуется, что картошка вся в бородавках (парша), что они с бабушкой долго отбирали и отмывали.

Отплыли в 9-00, река по-прежнему полноводная, не видно никаких перекатов, хотя по карте здесь пере-

кат. Вода в реке мутная, на пологих берегах сплошное месиво из ила. К обеду температура воздуха поднялась на моем градуснике до +28, солнце стоит в зените и нещадно греет. У села Липовское наплавной мост, река на полметра идет выше моста.

Интересно смотреть, как трактор Беларусь идет по середине реки, рискуют ехать по мосту и грузовики, для легковых машин стоит под мотором паром, работает он по вызову. Завхоз Слава ушел в магазин, я устанавливаю на байдарке руль, а то она идет как-то боком, приходится часто подправлять.

Далее река спокойная, обед по графику, в 13:00, традиционно, горячая чашка супа, картофельное пюре в стаканчике с колбасой и чай с пряниками. Удобное питание — залил все горячей водой, и готов обед.

Плывем дальше, река начинает входить в основное русло, у села Куминское мощный наплавной мост уже выше уровня воды. На левом берегу, на холме красивый заброшенный храм, в поселке приветливая продавщица отдала последнюю булку хлеба бесплатно, видно, хлеб был нестандартный. Запасаемся питьевой водой, из Туры пробовали воду только кипяченую для чая, ничего, пить можно. Обносим байдарку, река широкая, погода стоит жаркая, один берег крутой, другой затопленный ивняк. Река какая-то пустынная, видели выводок утят, перед нами мама утка то ныряла, то отплывала, пытаясь спасти свой выводок. Рыба не плещется, но крачки постоянно «клюют воду». С высоких обрывов тучи ласточек гоняют мошкату, гнезда их на обрывах как соты. Остановились на ночлег напротив поселка Сладковское, вечер хорош, макароны по-флотски с тушенкой, походные 50 грамм из фляжки, спалось хорошо. В палатке с пологом от комаров и ароматной таблеткой от гнуса не тревожило комариное гудение за стенками палатки. Проснулись рано, сфотографировал лагерь в туманном мареве. В поселке отоварились хлебом, набрали бутылок с минералкой и запаслись питьевой водой. День снова готовился быть жарким, река спокойная. Около поселка на реке большое количество пластмассовых бутылок, это местное население рыбачит на закидушки. Напросив поселка Андроново красивый пляж и снова наплавной мост, приходится выгружаться и обносить. Да, река Тура уже не сплавная, не видно моторок, даже простые лодки очень редки. Измеряем течение реки — 2–3 км в час, но мы постоянно гребем, итого скорость 6–8 км в час. На солнце сильно обгорели, губы, особенно нижняя, обрастает коростой, постоянно потребляем минералку, сколько выпито бутылок — не считаем. Река вызывает уже некоторую монотонность, и психологический климат в нашем маленьком экипаже накаляется.

Вот как описывает Никонов в очерке «Ермак» это плавание: «Река текла по равнине. Вода была темна и спокойна, открывались вдоль берега бесконечные травяные займища. Гнус донимал даже в самые солнечные дни, а ночами невозможно было дышать без

волосных сеток, или не обернув голову рубахами. Медленно плыли струги. Часто свистели с берега стрелы. Больше пяти десятков казаков побили и столько же ранили эти внезапные стрелы. В лесу от стана уходить далеко — все равно что за смертью пойти. Немногим уступает пища по дальности выстрела боевой лук вогула, зато бьет без шума и заряжается быстрее, да и стрелы отравлены».

Наше путешествие продолжается. Впереди Туринская Слобода, это почти половина нашего маршрута. Напротив поселка прекрасный зеленый мыс, после схода воды трава поднялась свежая, яркое солнце освещает изумрудную поляну, плакучие ивы дают немного тени. Пристаем, купаемся, температура воды у берега + 22, на солнце + 30. В свободные вечерние часы читаю своему спутнику очерк о Ермаке, слушает внимательно, но с трудом верит, что по этой реке проплыла флотилия Ермака, ведь это около 600 человек и более 30 стругов. Питаться только рыбой и охотой в течение долгих месяцев плавания — трудно представить, а берега в основном пустынные.

— Слушай, наверно, это были крепкие ребята, отчаянные казаки, — говорит он.

— Да, это был отчаянный народ, но вот по крепости и росту были не очень велики. Ведь их кольчуга на нашего современного и крепкого десятиклассника никак не надевается — мала.

Утром посетил поселок Туринская Слобода. По описанию Туринская Слобода — большой современный поселок, от него отходят дороги на Тавду и Ирбит, есть шоссе на Тюмень. В Туринской Слободе имеется пристань, делают остановки пассажирские катера по линии Тюмень. Но никакой пристани уже нет, снова стоит наплавной мост. Ходил в центр поселка, достопримечательность — площадь и три магазина, на окраине дымит какая-то труба около низкого кирпичного здания.

Отплыли, по берегам встречаются отдельные сосновые боры, в основном березовые рощи и открытые поля. Самое красивое место — Красный Яр, здесь река делает крутую излучину, с левого берега отвесный обрыв 4-5 метров, с правого — песчаные пляжи, ширина реки 30-50 метров.

Остановка недалеко от Усть-Ницы, жара стоит несносная, на небе ни облачка. По реке впервые прошла моторка, это спасатели кого-то искали, помахали нам руками.

Довольно широкая река Ница сливается с Турой в низких берегах, течение почти не чувствуется. При слиянии на правом берегу Ницы большой голубой купол Храма, видно, что идут реставрационные работы, так как цоколь еще в лесах. На берегу выброшен большой паром, небольшой катер ходит на противоположный берег по вызову. Река также медленно течет, вода быстро спадает, начинают обнажаться пляжи. Мой спутник начинает утомляться от монотонности реки, его начинают раздражать мелочи. Да, длительное сидение в ограниченном пространстве байдарки, а он простой рыбак-любитель, давит на его психику. Зная его горя-

чий темперамент, отвлекая его разными способами, вплоть до песен: «Из-за острова на стрежень, на просто речной волны...» и так далее, он подхватывает.

Ночевали у поселка Бурмантово.

На следующий день рано утром, до наступления жары отчалили, впереди поселок Речкино. На берегу у «дачного замка» местный житель восстанавливает причал. Он проводил меня до колодца, по дороге сетуя, что сейчас они «батрачат» на новых русских. Большинство земли отдано под дачи, а сами дачные домики похожи на сказочные дворцы и замки, здесь чувствуется, что нефтедоллары текут обильно.

Проплываем мимо одного 3-х этажного замка, а из него высыпала группа веселых полуголых мужчин, которые, видя нас в тельняшках, прокричали:

– У вас что здесь, регата?

– Нет, мы сами по себе, плывем из Туринска.

– Ну, вы экстремалы!

Да, на речке сейчас редко встретишь «диких» туристов, но нам приятно, что обозвали нас экстремалами.

Впереди поселок Салаирка, на берегу местная рыбачка в одиночестве глядит на удочки.

Пристаем, расспрашиваем о жите-бытье:

– Работы нет, перебиваемся натуральным хозяйством. Вот, на уху наловила.

В ведерке у нее крупные окуни и подлещики.

– У вас тут о походе Ермака что-нибудь слышно?

– Да, слышали, в поселке стоит даже юрта-музей.

Возвращается мой напарник с продуктами, снова в путь, жаль, что не удалось осмотреть эту юрту. Река делает крутой поворот, виден бывший причал, берег здесь имеет удобный подход к реке. На берегу стадо коров и пастух на коне, обличем и осанкой очень похож на воина из стана Кучума. Достали червей, они живые, с благодарностью вспомнили пацанов из Ту-

ринска. Рыбалка на удочку сразу пошла: некрупный окунь, сорожка. Слава попробовал спиннинг, сразу сорвалась крупная щука – да, рыба в реке есть. Вечером приготовил себе уху, мой спутник из принципа отказался, но я с удовольствием разнообразил свое меню. Здесь состоялся горячий разговор. Слава заявил, что он устал и в такие походы больше не ходок.

На следующий день отплыли также рано. В поселке Каменке осмотрели красивую церковь, хорошо восстановленную, она красиво смотрится с высокого берега. Далее перед нами открылся большой и красивый пляж, решили сделать дневку. Пока мой спутник настраивал спиннинг, я решил опробовать парус.

Были на Туре длинные и прямые плесы, но то ветра не было, то он был встречный. Здесь парус показал свое преимущество, даже при слабом ветре байдарка резко шла против течения.

Заканчивали маршрут в Кулаково, рейсовым автобусом до автовокзала г. Тюмени.

В этот же день междугородним автобусом Тюмень-Нижний Тагил возвращались домой. Проезжая на автобусах по Тюмени, поразились, как изменился город: высотные здания, огромные стеклянные банки, прекрасная набережная – да, это столица нефтяного края.

Ну, а продолжение маршрута от Тюмени до Тобольска, где были самые трудные моменты для отряда Ермака, оставляем на будущее.

Да, трагическая смерть в 1585 году казацкого атамана осталась в песне народной: «На диком бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой...»

В отличие от Степана Разина и Емельяна Пугачева, он не пошел против российской государственности, а решил присоединить к России завоеванные земли, и в этом его заслуга.

Светлана КОРСАК

г. Екатеринбург.

Уголь Главного проспекта и Тарасовской набережной.

История историй

История историй, сказка сказок, или проще – миф, повествование, состоящее из многих сюжетов, фактов и вымыслов. Мифы по-прежнему существуют рядом с нами, давая ответы на вопросы о стародавних событиях и создавая новую историю, – хронику и сказку одновременно.

Самое сердце Урала

Екатеринбург – Свердловск, о котором мы будем говорить сегодня, мифами и легендами небогат. Один Татищев с его чудской царицей. Легенда, которую в своей книге «Камень. Пещера. Гора» приводит известный писатель и ученый Майя Никулина, гласит, что в новогоднюю ночь с 31 декабря 1720 года на 1 января 1721 года Василию Никитичу Татищеву, посланному на Урал Петром I, во сне явилась чудская царица. Она указала ему верное для постройки города и завода место в обмен на обещание свято хранить чудские святыни, укрытые именно здесь. Татищев обещание дал и выполнил: святыни лежат под заводской (ныне самый центр Екатеринбурга) плотинной. Это место – так сказала царица – и есть самое сердце Урала.

Потому, проходя Плотинку, пересекаешь середину Урала. Простое действие, которое выполняется каждый день да не по разу приобретет благодаря мифу таинственность и священность (сакрализуется). Проходящий не просто пересекает центр города, а проходит разделительную

линию между двумя мирами: ведь люди всегда считали, что река делит город на две стороны – Правую и Левую, светлую и темную, плотина, связывая их воедино, символизирует единства дня и ночи, разума и души, жизни и смерти.

Третья столица России

Старые мифы не забываются, а служат основой для новых. Один из таких «новостроек» – миф «Екатеринбург – третья столица».

Миф о третьей столице уже давненько прослеживается во многих СМИ. «Третья столица», «Третий город в России» – эти словосочетания видятся и слышатся все чаще. Миф становится актуальным, входит в моду.

В общем-то, во всем «виновато» слово столица. Оно включает в сознании такие стереотипы, как «в столице все есть», «в столице больше возможностей для...». Мы понимаем, что третьей столицей страны быть выгодно и сознательно или бессознательно продолжаем миф «Екатеринбург – третья столица».

А оснований для наименования Екатеринбурга третьей столицей на-

ходится множество. В Комсомолке, например, декабре 2006 выходил материал о гербе города. Журналист подчеркивал, что «первый герб у Екатеринбурга появился в далеком 1783 году. Эмблему утвердила сама Екатерина II». Чем ни знак высочайшей благодати, снизошедшей на город? Сама Императрица утверждала герб.

В газете «Уральский музей» подмечалось еще несколько интересных исторических фактов: «...наш город Екатеринбург, в прошлом и в настоящем, исторически связан с Романовыми. Первый российский Император построил город, в котором последний нашел свою гибель». Развиваясь, миф ищет исторические факты и параллели, порой шокирующие стороннего наблюдателя. О том, что каждое слово этой легенды – правда, мы знаем еще со школы, из учебников истории. Действительно, город основан по приказу Петра I, и здесь, в Екатеринбурге, погиб последний из царствующих Романовых. Но взаимосвязь судьбы города с судьбами царствующих особ вышла на страницы газет именно в период активного формирования в СМИ мифологического пространства. Подобные факты обнаруживаются в последнее время все чаще. Миф развивается и творит свою историю. А мы можем стать или уже станем ее частью.

Владимир БЛИНОВ

«Марья Петровна идет за селедочкой...»

Море поцелуйно касалось пальцев наших ног. То, вздохнув, откатывалось под черный полог ночного неба, то опять неожиданно ласково напоминало о своем присутствии, не давая нам остаться наедине.

Студенческий трудовой лагерь «Эврика» отходил ко сну. И над пустынным пляжем уже начал было витать могучий храп президента «Эврики» Владимира Бокарева. Казалось, полы армейской брезентовой палатки колышутся от этого пантагрюэлевского храпа. Но кто же решится сделать замечание командиру?

Нам же двоим спать не полагалось: мы были дежурными по лагерю. Стерегли желтое знамя на мачте, провиант, барахло, да и самих спящих от возможного набега абреков или бродячих кошек и собак. На случай тревоги рядом, на песке, лежал пионерский горн. С недавнего времени Владимир Бокарев постановил: чтобы дежурному юноше было не скучно, чтоб не закемарил случаем, назначать в помощники одну из прелестниц (а девушки наши и в самом деле были все как на подбор!). Тянули из ковбойской шляпы скрученные бумажки — кому с кем доведется дежурить. И как-то так получалось (может, президент подстроил?), каждому дежурному-юноше выпадало именно желанное имя.

Моей напарницей в эту ночь была девушка Катя со странной фамилией Бодня. Она и без южного загара всегда отличалась на нашем факультете турецкой смуглотой. А здесь, под Адлером, после сбора совхозных слив и работы на томатных плантациях, ее природная шоколадность превратила нашу Катю Бодню в истинную мулатку, ну прямо-таки знаменитая кубинская волейболистка Мерседес Перес! И сейчас, по прошествии стольких лет, стоит закрыть глаза, чувствую под рукой теплоту ее уральско-негритянского солено-

го плеча. И слышу те стихи и песни, которые мы пели с ней под аккорды моей гитары.

Мы уже спели «Сиреневый туман» и «Чайку», «Милый мой дедочек» и «В тазу лежат четыре зуба»... Большая голубая луна провела по морской палитре трепетную дорожку. Свиристели в кустах за спиной соловьи южных широт, никем никогда не видимые цикады.

*В будни нашего отряда,
в нашу окопную семью
девушка по имени Отрада
принесла улыбку свою...*

запела Катя тоненьким голоском. И я, подладив струны под ее тональность, присоединился:

*И откуда на переднем крае,
где даже земля сожжена,
тонких рук доверчивость такая
и улыбки такая тишина?..*

В песне пелось о девушке, которую все обожали, лелеяли и берегли. Но сплетни неизбежно тянулись за такими, как она, фронтовыми подругами. И вот Поэт сумел повернуть эту быль, эту судьбину так, как ей и подобало быть оцененной:

*И всяких разговоров отрава,
заливайся воронками вслед...
Мы идем на запад, Отрада,
а греха перед пулями нет.*

Помнишь ли ты теперь, Катя Бодня, ту песню, это наше бдение под счастливыми звездами юга? И о том, что было после «Отрады», помнишь? Прости нас, Господи, безгрешные слова песни тянули нас на грех. Мы бросились в объятия друг другу! Но ты почему-то медлила, лежа навзничь на прохладном ночном песке. Ты попросила:

— Спой еще... Не торопись, я тебя очень прошу, спой мою любимую.

Владимир Блинов — поэт, прозаик, член Союза писателей России, председатель совета Дома писателей.

Как тут было не потрафить, не ублажить мою «шоколадку»? И я запел, вернее, мы оба запели одновременно:

*Последний троллейбус, по улицам мчи,
Верши по бульварам круженье...*

И вдруг десяток голосов из большой командорской палатки рявкнул, пугая цикад и бродячих котов:

*Чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
Крушенье, крушенье...*

Когда же, когда я впервые услышал имя Булата Окуджавы? Да, это случилось на творческой встрече с Евгением Евтушенко в Уральском университете. Евтушенко выступал в студенческой аудитории, довольно большой, но все же не такой, которая вместила бы всех желающих. Афиш по городу не было. Актный зал, конечно, не предоставили, для этого потребовалась бы масса согласований: обком, управ-культуры, всемогущий КГБ. А тут — вроде как бы маленькая встреча московского модного и смелого поэта с филологами. Должны же словесники, в конце концов, знать современную живую литературу, не только учебниковых классиков.

Народу набилось! Трое студентов умудрились разместиться на шкафу. Евгений Евтушенко тогда (как и сейчас) великолепно-артистично читал стихи, размахивая над головой длинными ивовыми руками. Молодой, дерзкий, красивый, гениальный. По крайней мере, тогда так казалось. Потом отвечал на вопросы.

— В записке спрашивают, кто из поэтов сейчас наиболее популярен.

Он назвал несколько довольно известных имен. Потом спросил:

— А как у вас в городе насчет блатных песен? Никак? О, в Москве сейчас очень моден блат, стилизованный городской фольклор. А об Окуджаве что-нибудь слышали?.. Ну как же?.. А, значит, кое-кто слышал! Да, Булат Окуджава поет под гитару свои стихи. Мелодии незамысловаты, зато запоминаемы. Так что скоро и до Урала дойдут.

Окуджава, Окуджава... Непривычная для русского слуха фамилия. Запомнилась. О, как жало — Окуджава... О, как жалко, Окуджава... И какое имя — Булат!

Наверное, красавец-грузин, покоритель московских красавиц?

Потом уже узналось, что никакой это не сердцеед и не кавказец.

Его необычная фамилия приводила в замешательство старшину, на выучку к которому попал вче-рашний десятиклассник, прибавивший себе возрасту: выписал сам себе повестку в военкомате, где был их разносчиком. Выстроив взвод бритоголовых новобранцев, старшина командовал: «Окуджав, два шага вперед!» Если Окуджава, свербило в голове старшины, то это все же

для женщины, а для мужика — это и козе понятно — правильнее Окуджав.

И вскоре после той памятной встречи с Евг. Евтушенко наши студенческие аудитории заполнили песни Булата Окуджавы. Их и вправду простые, трогательные мотивы, напоминавшие то нэпмановские «Кирпичики», то «Ты с фиксою была, тебя я встретил» и другие песенки блатарей из наших трампарковских бараков, то щемящие мелодии послефронтных слепых Гомеров с загородной толкучки — все это быстро заучивалось, переписывалось, пелось. Пелось у костра туристского, на кухне вольнолюбивых интеллигентов, в заводской общаге, в солдатской казарме. В нашей градостроительной аудитории мы растирали палочки китайской туши для отмывки фасада, строили эпюры нагрузок на балку и потихоньку (не на весь стройфакковский корпус) пели и про комсомольскую богиню, и про Леньку Королева, павшего на большой войне. Думал ли я тогда, что через 30 с лишним лет снова встречу с Королем в стихотворении Булата Окуджавы, написанном им незадолго до смерти? Мало кто знает это стихотворение, приведу его полностью.

Что было, то было. Минувшее не оживает.
Ничто ничего никуда не зовет.

И немец, подстреленный Ленькой,
в раю проживает,
И Ленька, застреленный немцем,
в соседях живет.

Что было, то было. Не нужно ни славы, ни денег,
По кущам и рощам гуляют они налегке.
То перышки белые чистят, то яблочко делят,
То сладкие речи на райском ведут языке.

Что было, то было.

И я по окопам полазил

*И влась пострелял по живым —
все одно к одному.*

Убил ли кого?

Или вдруг поспешил и промазал?

...А справиться негде.

И надо решать самому.

...«То перышки белые чистят, то яблочко делят...» Такое откровение и самооткровение приходит в конце. Стихотворение написано за 180 дней до конца.

Малолеткой ушел на фронт, «по окопам полазил... и влась пострелял». Вернулся с победой. Рядовым. Каким и ушел.

Великая печаль посещает человека в предсмертный период. Когда он ясно осознает, что приближается конец его земного бытия. Когда он предвидит: не порадоваться ему более ни первой зеленой травке, ни лютикам и незабудкам, не вкушать желанной пищи и любимых с юности кисло-сладких вин из молодого винограда, не позвонить другу с приглаше-

нием отведать привезенное с родины джонжолы, не посадить по весне виноградную косточку. И никогда уже не перечесать «Казаков» Льва Толстого, не наслаждаться чарующей женственностью Марики Рокк из «Девушки моей мечты»... Не порадовать себя и некогда так желанных друзей, вдруг ставших назойливыми, новой песней, свежим стихотворением... Все в последний раз.

Но еще приходится улыбаться, не признаваясь родным в том, что знаешь. И делать вид, что не понимаешь их чересчур внимательного обращения и неожиданных, как бы случайных визитов, а на самом деле — прощаний.

Он знал и чувствовал это. ЭТО накатывало на него не раз. И на Большой войне: «А кто уж там последней точкою/ распорядился — что гадать?.. И впрямь, и сам вот грязной щечкою/ к земле... И больше мне не встать».

И потом, когда снова оказался у черты, и друзья собирали деньги по кругу для его операции, какую еще не научились делать московские доктора.

И вот, наконец... Может быть, Оле признаться?.. Но лучше, привычнее — бумаге, перу.

Почти каждое стихотворение из последнего цикла «Уроки пальбы» пронизано предчувствием.

*Уроки пальбы бесполезны —
они словно поздний недуг.
И вы свой характер железный
поглубже упрячьте, мой друг.*

*Он был и воспет, и остиган
по возрасту и по судьбе.
А нынче уже не до истин,
А только презренье к себе.*

И дальше. Беру из стихотворений по строчке, по две... «Будто мы не знаем, что нас ждет...», «Мы ж исчезнем так банально со слезами на глазах./ Будет вам над чем смеяться, недоумеая» («К потомкам»). А вот воспоминания о юности, почти о детстве, которые приходят в такие моменты к каждому: «И счастливы мы, что не знаем, что значит прощаться, тем более слова «навечно» не знает никто». И еще дальше, перелистывая страницы журнала «Знамя» (1997 г.): «Что жизнь прекрасней смерти — аксиома, осознанная с возрастом вдвойне...», «Я должен, должен жить затем, чтоб ты жила, да я и сам живу, куда ты живешь...». Вот и прорвалось в стихах обращение к близкому дорогому человеку. «Держава! Родина! Страна! Отечество и государство! Не это мы лелеем и в гроб с собою унесем, а нежный взгляд, а поцелуй — любви сладкое коварство, Кривоарбатский переулок и тихий треп о том, о сем».

Не самая ли заветная мечта человека сомневающегося: а что будет ТАМ? Если пустота, то хотя бы осталось одно (ОДНО!): воспоминания о нежном взгляде, о трепе на кухне за чашечкой кофе с друзьями, за песней, за сигаретой болгарской. Но это писалось еще пять лет назад, это четверостишие. Остальное, повто-

ряюсь, знаменательное — за полгода до Парижского военного госпиталя.

«Надеюсь, что не зря все, чем я жил и жив... И я живу надеждами — иначе невозможно». «И если грянет правды торжество, пусть это будет памятником нам...»

И в этом прощальном напевном (не зная этих песен, я слышу ЕГО пение, его неброские гитарные переборы), в этом грустном рифмованном расставании он неслучайно соединил два стиха, написанных — одно совсем недавно (1996), другое — три года назад. Но об одном!

*Да, старость. Да, финал. И что винить года?
Как это все сошлось, устроилось, совпало!
Мне повезло, что жизнь померкла лишь тогда,
Когда мое перо усердствовать устало!*

И то, трехлетней выдержки, поставленное в финал:

*Там, за спиной — чугунная ограда
Кругла, как мученический венец...
А благородство — это ль не награда.
В конце концов за поздний сей конец?*

Е.А. Евтушенко о последней встрече: «Он пил, как всегда, чуть-чуть, но, несмотря на то, что был слаб, долго не позволял нам подняться и уйти, расспрашивал о нашей жизни, шутил, хотя его глаза улыбались уже через силу. Когда мы вышли, я сказал Маше:

— По-моему, Булат прощался с нами.
Так оно и случилось».

Молодым современникам-девяностникам трудно объяснить, за что нас ненавидела и боялась власть, обрезала и коверкала тексты цензура, преследовали разного рода парткомычи и надзиратели из КГБ и обкомов, горкомов, райкомов, месткомов, домкомов...

Булат Окуджава был возрастом старше (фронтвик!), но по взглядам, по творчеству он был шестидесятником. Нестандартность мышления («О каком-то там Ваньке Морозове, понимаешь!»). «Мы входим в дом, а в нашем доме пахнет воровством» — разве может так думать боец, возвратившийся с Победой? Ведь даже правда чувств была не по нраву власть держащим в стране, в искусстве. Вспомним хотя бы великого лирика Николая Рубцова. Много ли его издавали, многие ли при жизни читали его?

Булат Окуджава не был столь резким в своих стихах-песнях, каким был в ту пору, скажем, Евг. Евтушенко. Но его тихий голос будоражил мысль и чувство, звал к доброте и сочувствию, не давал приспособляться к лживому режиму. Разве не к этому звала тихая грустная песня «Прощание с елью», человечная, андерсеновская, берущая за сердце, кажется, идеологически непорочная, и Главлиту, то бишь советской цензуре, бывшая не по зубам. А «Молитва Франсуа Вийона»! Просто «Молитву» не давали записать на диск. «Моцарт», «Последний троллейбус»... Ах, да что говорить! Если бы не было этого, мы бы все покрылись коростой невежества и равнодушия.

Не один Окуджава врачевал нас, не один. Но в поэтическом консилиуме его мудрый негромкий голос был едва ли не решающим в очищении русского общества от скверны озлобления, стукачества и жестокости.

Когда в 1968 году советские танки вползали в Прагу, кто-то из жителей чехословацкой столицы догадался поставить магнитофонную запись. И над площадью Короля Вацлава через громкоговорители раздавался голос русского поэта:

*А если что не так — не наше дело,
Как говорится, Родина велела.
Как славно быть ни в чем не виноватым,
Совсем простым солдатом, солдатом.*

Несколько раз его хотели исключить из КПСС, куда он вступил юнцом, отправляясь на «передок» («Считайте меня коммунистом», — как писал в стихах Александр Межиров, как тогда писали многие, уходя в бой). Один раз за то, что его книгу выпустило «вражеское» издательство «Посев». В другой — за то, что в интервью на вопрос журналиста: «В какое время хотел бы жить поэт?», Окуджава ответил, что, пожалуй, в XIX веке, спокойно помеществовать и заниматься литературой. «Как, — вскинулись ревностные охранители “Кодекса строителя коммунизма” (да-да, молодые люди, был и такой документ), — член нашей партии в своих тайных мыслях — помещик-эксплуататор? Гнать его из наших сплоченных рядов каленой метлой!»

На сей раз выручили писатели-фронтовики. Мнения Булата, может, и не разделяли, но окопное братство сработало: «В обиду не дадим, ну, заблуждается, подумает, взвесит, почитает первоисточники — исправится».

Быть исключенным из партии означало полностью перестать печататься, выступать, петь.

Вспоминаю, какой кордон устроили свердловские власти-гебешники, не пуская в Уральский политехнический институт барда Юлия Кима. В зале — битком, студенты и преподаватели заждались исполнителя, приглашенного на гастроли Клубом авторской песни. Дороги, подъезд к институту перекрыты. Никакие уговоры не помогают! Выдворили Кима из города. Еще один пример нравов и порядков нашего времени.

Окуджава, Ким, Высоцкий, Городницкий, Галич, Дольский, Визбор, Кукин, Матвеева, Долина... У некоторых из них книг в то время вообще не было. Зато мы приобретали в складчину в студенческие общаги или домой (мечта каждого!) заветные «маги», всякие там «Яузы», «Кометы», «Айдасы», стационарные катушечные «Дніпро» на худой конец, если было не по карману — приставки «Нота».

На закрытии трудового лагеря «Эврика» был дан концерт. Вначале всех приветствовали «пионеры», с горном, со знаменем, с желтым лагерным флагом, с литмонтажем и пирамидой — ну совсем как на съездах КПСС. Потом Боб Батов показывал фокусы по за-

глатыванию слив. До Кио ему было далеко, но сливы он в самом деле проглатывал целиком, натренировался за смену. Зато и аплодисментов отхватил!

Наконец на пляжную сцену выплыла Катя Бодня. В сарафане, в простыне-полушалке, с авоськой, в которой трепыхалась большая рыбина... Хор:

*Марья Петровна идет за селедочкой,
Около рынка живет...*

Катя сбрасывает с себя полушалок. А в это время из-за палатки четверо эвриканцев втаскивают на плечах президента Бокарева, вопя:

*А в облаках-то серебряной лодочкой
Новенький спутник плывет.*

Бокарев, большой и тяжелый — в маске для подводного плавания, в блестящем, обтягивающем тело черном резиновом костюме. И, растопырив руки, он изображает спутник или космонавта в невесомости.

Хор продолжает, укоряюще указуя на Марию Петровну, скидывающую босоножки:

*Тройки ей мало, пятерки ей жалко —
Хочешь — не хочешь, плати...*

Она уже предстает перед зрителями в бикини и, по-мещански хохоча, войдя в роль, брезгливо произносит:

*А над Москвою-то новый, как шелковый,
Новенький спутник летит.*

Бокарев-космонавт замедленно проплывает в другую сторону, издавая позывные: пи-пи-пи-пить-пить. Ему подают стакан с хересом.

Тут уж, как в греческой трагедии, по сценарию выступал большой хор — все мы, зрители:

*Марья Петровна с улыбкой трагической
Храп, мене скажет, ну храп.
А над Москвою-то новый космический,
Новенький мчится корабль.*

(Помните, Окуджава именно так и произносил, под простонародное, вместо твердой «Г» — «Г» фрикативное, меня — мене, корабль — корабль, грабь — храп).

Тут наши «атланты» расступались в стороны, роняя президента на песок. И пока он, неуклюже ба-рахтаясь в ластах, возмущенно вопя: «Не по сценарию, собаки!», поднимается, все бросаются в шелковые адлерские воды.

Окуджава был шестидесятником не только по духу, но и по манере держаться, одеваться. Я не представляю его в шляпе, в дохе, с тростью. Свитерок, кожаная куртка киношника, кепка-букле — демократ. Доступность и достоинство — одновременно. Некоторая сутуловатость

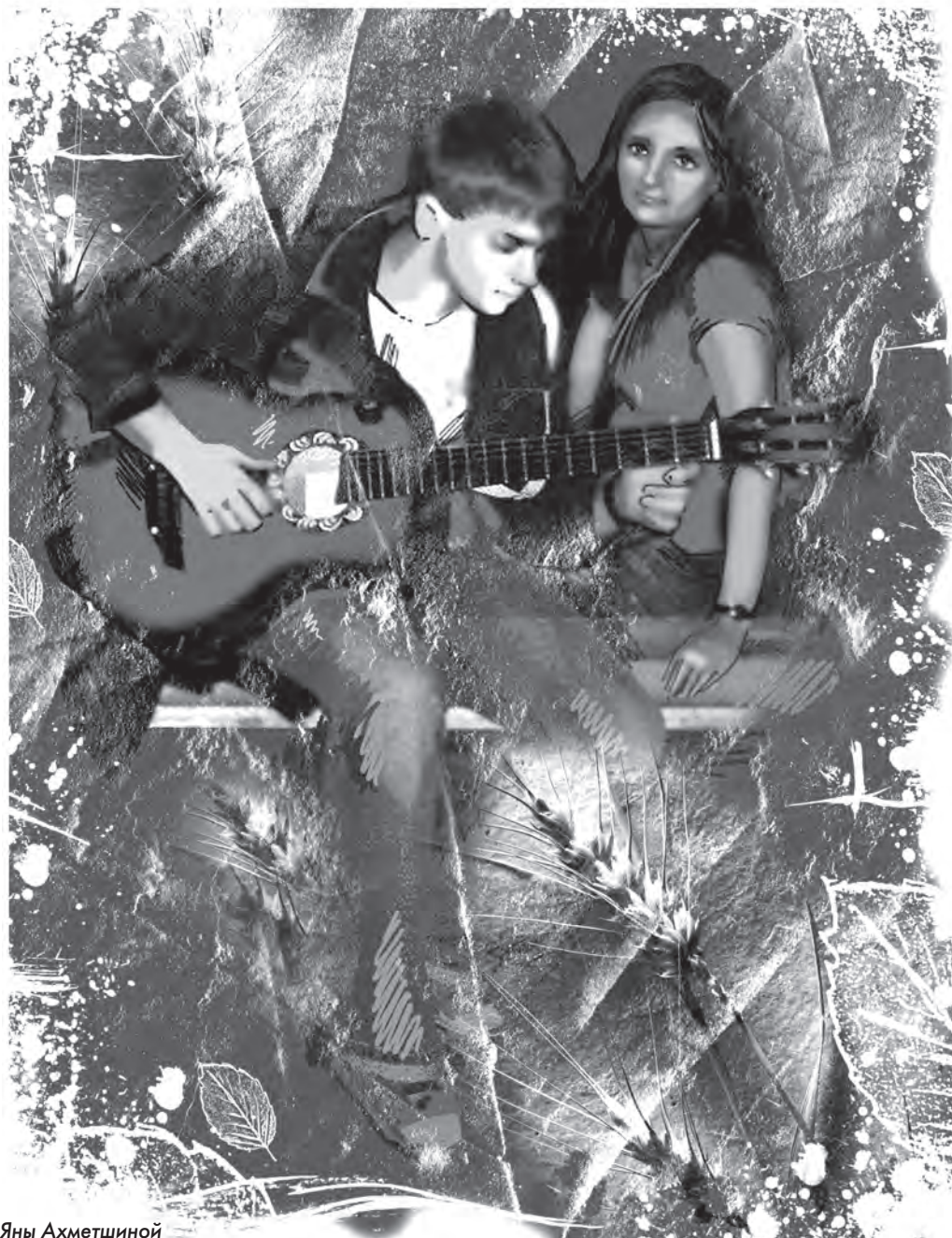

Рис. Яны Ахметшиной

и приподнятость плеч. Худоба и подтянутость. Очкастая черепаховость его усыхающей мудрой головы.

В свой первый приезд на Урал он сразу же спросил: «Где тут у вас «серый дом»? Ехали на служебной машине, его сопровождал Володя Дагуров, самый популярный в нашем городе поэт, успевший напечататься одновременно с Булатом в «Дне поэзии». Дворники, как два метронома, чиркали по лобовому стеклу.

— Здесь, — кивнул Володя на большое серое здание с часовым у входа.

Каждый горожанин знает это добротное по архитектуре, страшное «Ленина, 17», свердловскую Лубянку.

Булат просил всех остаться в машине. Сам же прошел к глухим железным воротам, крашенным темно-

красным суриком. Встал против них. Стянул с головы берет. Так и стоял под секущим дождем. Минуту, минуту, третью... То были последние ворота, захлопнувшись за его отцом.

Однажды я шел по главному проспекту. Выпуск фотохроники на главпочтамте был посвящен Нижне-Тагильскому вагоностроительному заводу. И вдруг среди снимков я увидел молодое грузинское лицо: секретарь парткома завода в 1935–37 годах Шалва Окуджав!

Было глухое время запрета всяких упоминаний о сталинских репрессиях. Даже в новой энциклопедии не сообщалась причина кончины персоналии, а только даты: 1934, 1937, 1938, 1939. И все. Какой-то автор экспозиции, воспользовавшись юбилеем завода,

напомнил людям о честном коммунисте Шалве Окуджаве.

Я тут же позвонил своему приятелю, поэту Яше Андрееву (он был в переписке с Окуджавой). Яша поручил редакционному фотографу отснять и весь стенд, и увеличение — Ш. Окуджаву. Потом мы послали фотографии Булату Шалвовичу.

Теперь имя Шалвы Окуджавы высечено на гранитной Стене Памяти на Московском тракте при выезде из Екатеринбурга. Оно среди сотен других имен тех, кто расстрелян в застенках серого дома, под главной площадью города, где высится Ильич. А может, и здесь, в лесу. Кто сейчас вспомнит и поклонится Шалве? Я не знаю, были ли у Булата Шалвовича дети. Вот и Яши Андреева не стало. Только мы, несколько уральцев, поэтов-шестидесятников придем сюда и будем помнить об отце и сыне. И наши дети, и наши внуки...

У одного из наших поэтов, Германа Дробиза, есть стихотворение, написанное в день смерти Владимира Высоцкого. Заканчивается оно такой строфой:

*Извольте, одногодки, на колени!
Не стыдно ли, один за всех, а вы-то?
Что надлежало крикнуть поколенью,
Всего одним пропето и провыто.*

Да, вольнодумцы-шестидесятники не были огромным хором. Каждый из протестующих чаще был одиночкой, солистом без хора. Хотя они и знали друг друга, поддерживали в меру сил, отваги, возможностей. Но, увы, широким народным массам мало были известны и понятны вольнодумцы и правозащитники. Владимир Максимов, Александр Зиновьев, Лидия Чуковская, Анатолий Марченко... Наши студенты-политехники А. Немелков, Отто Новожилов. Даже Солженицын — да, был на слуху, на виду. Но тоже как бы ОДИН на баррикаде ПРАВДЫ. Единственный замахнувшийся на партийные устои и даже (!) на Ленина, что в те годы казалось немислимым, утопией, «безумством храброго».

А вот песни бардов доходили до многих. Расшатывали тоталитарную систему. Даже не говоря прямо о кагебешно-капээсэсовской политике, они учили и звали мыслить нестандартно, творчески, критически.

С приведенными выше строками уральского поэта перекликается стихотворение Булата Окуджавы «Перед телевизором», написанное в годы Афганской войны:

*Слишком много всяких танков,
всяких пушек и солдат
И военные оркестры слишком яростно гремят,
И седые генералы, хоть не сами пули льют —
Но за скорые победы с наслаждением водку пьют.
Я один. А их так много, и они горды собой,
И военные оркестры заглушают голос мой.*

Довелось слышать, что незадолго до смерти у него появилась подруга — мышка-норушка (об этом он рассказал в одном из своих коротких рассказов, ка-

жется, в «Новом мире»). Ежедневно она вылезала из норки, усаживалась у его ног, обнюхивала тапку. И они вместе смотрели телевизор, вернее, телевизионные передачи, в которых гремели оркестры, докладывали об успехах бесшейи генералы, лихо отплясывал на палубе артист Миронов. Иногда показывали и его с гитарой. Тогда мышка как-то возбуждалась, делала круг по комнате, поворачивала к нему улыбающуюся мордочку, сверкала бусинкой черного глаза. Он наклонялся и давал ей сырную корочку. В переделкинской лавке продавщица уже знала, что поэту нужно взвесить грамм триста французского сыра и совсем немного, грамм пятьдесят, отечественного, пошехонского: пошехонский мышка любила больше всего.

Однажды он включил телевизор, сел в кресло, ее не было минуту, другую... Вдруг что-то щелкнуло, как выстрел, в тихой комнате его. О, ужас, он совсем позабыл, что в углу была установлена, еще до их знакомства и дружбы, мышеловка для борьбы с полками грызунов, набросившихся осенью на писательские дачи. Он похоронил ее под кустом жасмина. Почти тогда же он написал стихотворение «Что было, то было. Минувшее не оживает».

В очередной раз он приехал в наш город (тогда еще называвшийся Свердловском) в 1986 году по приглашению перестраивавшегося Обкома ВЛКСМ. Яков Андреев тут же созвонился с ним и договорился на утро встретиться, взять интервью для «Вечерки». Яша позвал на эту встречу и меня, чтобы разговор получился живее, не просто вопрос-ответ, а в форме непринужденной беседы. Кроме того, Яша сообразил, что я знал не только песни Окуджавы (кто же их не знал?), но и читал его прозу (а ее, к сожалению, постигла только читающая интеллигенция, не более).

При знакомстве Булат Шалвович улыбнулся несколько усталой нездоровой улыбкой. Небольшого размера кожаный пиджачок и джинсы сидели на нем мешковато. У меня, как и у него, не так давно прошла сложная операция. Одинаковые болезни сблизают людей — общие страдания и надежды на целебные снадобья.

Можно было бы, конечно, взять газету тех дней и перепечатать материал более чем десятилетней давности. Но лучше приведу здесь то, что больше всего запомнилось.

Не скажу, что Окуджава произвел на меня впечатление открытости и такой доступности для собеседников. Больше было сдержанности и достоинства и, повторюсь, усталости. Изредка потирал лоб, напоминая свое «маэстро, не убирайте ладони со лба».

Он как-то особенно внимательно задерживал взгляд на мне. Потом спросил: «Мы с вами где-то раньше встречались?» «Нет», — ответил я...

Яша спросил его о начале творчества, о начале пения своих стихов. Это будет интересно для читателей газеты. Потом уточнил вопрос: новатор ли Окуджава в этом жанре или существует какая-то традиция в России. «Конечно, существует, — ответил он, — возьмите, например, гусарскую песню, романсы городские». «И,

наверное, студенческое творчество? — вставил я (он согласно кивнул). — Песня казанских студентов, помните, «Через тумбу-тумбу-раз», или «Пусть дни нашей жизни, как волны, бегут», потом уже переделанную на советский лад. Да ведь и ваша «Возьмемся за руки, друзья», кажется, тоже оттуда, от дореволюционных студентов?» «Совершенно верно, — оживился Булат Шалвович, — у всего есть традиции, свои истоки... Нет, признайтесь, я вас непременно где-то видел раньше?» «Может, Блинов напоминает вам кагебешника?» — это у Яши были такие шуточки. «Наверное, я вам напоминаю Мамина-Сибиряка? — спросил я. — Татарская борода и прочее. Меня в ЦДЛ дежурные пропускают, принимая за Александра Ивановича Куприна». «Да, что-то есть...»

Мы все засмеялись, и беседа пошла более непринужденно, по-свойски, вроде бы и язвенные боли успокоились.

Красивое лицо мудрой черепахи. С годами он становился красивее и интереснее, значительнее. Интеллект лежал на его челе, как сказали бы раньше.

Заговорили о его прозе. О соотношении вымысла и факта в «Путешествии дилетантов». В одной из центральных газет была опубликована хлесткая критическая статья какого-то злобствующего щелкопера. Не умея, да и не имея оснований придраться к Б. Окуджаве как к художнику, критикан выискивал исторические неточности, неукладываемость героев в русло соцреализма, в амбивалентность и вялость персонажей романа.

«В одном месте, — усмехнулся Булат, — он подцепил меня на том, что мои герои выбирают для дуэли пистолеты системы Кольта. Оказывается, подметил критик, эти пистолеты как изобретение были зарегистрированы в Европе на два года позднее, чем описываемые в романе события. Я решил потешиться над моим оппонентом и, когда после раскритикованного журнального варианта готовил книгу, вставил фразу: дуэлянты выбрали пистолеты системы Кольта, никому еще не известные в Европе и подаренные моему герою лично изобретателем. Говорят, критик рвал на себе волосы».

Было еще много вопросов. Договорились вечером побывать в мастерской нашего друга художника Николая Засыпкина, а назавтра встретиться в редакции журнала «Уральский следопыт», а затем на его концерте-выступлении в зале обкома комсомола. Но «на десерт» у меня был приготовлен еще один вопрос к московскому поэту. Может быть, для этого и пригласил меня Яков на эту встречу.

Дело в том, что незадолго до приезда Окуджавы я написал письмо М.С.Горбачеву, новому генсеку партии. Я предлагал установить в столице памятник жертвам сталинских репрессий, ведь через год должно было исполниться 50 лет со времени страшного 1937-го. Письмо вместе со мной решили подписать еще трое уральских литераторов. Но для солидности требовались автографы более авторитетных и известных в России деятелей. С такой просьбой я обратился письменно к Е.А. Евтушенко, а тут приехал и Б.Ш.

Окуджаву, который, наверное, решил я, поддержит нашу идею.

Добавлю, что такое письмо в то время было во многом рискованным — еще неизвестно было, как поведет себя новая власть. Поэтому письмо содержалось в тайне, знали о нем только три ближайших друга и моя будущая жена.

И вот я достал листок с письмом-обращением и протянул его Булату. Молча читает. Думает. Потом говорит: «Это правильно. Посылайте. Капля воды камень точит. Будем каждый своим делом, словом долбить этот камень и пробьем!.. Завтра вы услышите мои новые стихи, поймете».

Он не подписал нашего послания. И мы его более об этом не просили. Он сказал, что каждый должен внести свою лепту, в чем мы и убедились на другой день. (Кстати, это обращение к М. Горбачеву не подписал и Е.А. Евтушенко. Правда, вскоре он написал в «Огоньке» о новом мощном движении против сталинизма и других извращений эпохи, начатое уральскими писателями).

В редакции журнала «Уральский следопыт» собралось человек тридцать. Многие вопросы и ответы были теми же, что и в нашем интервью. Новым был разговор вокруг романа Василия Белова «Все впереди». Юрий Липатников, председатель патриотического общества «Память», спросил Окуджаву, как он относится к этому произведению. Некоторые тут же зашумели, высказывая свое отрицательное мнение о романе. Я что-то вставил о художественных просчетах автора прекрасных «Плотницких рассказов». Б. Окуджаву сразу же понял подоплеку вопроса (напомню, в романе В. Белова сильна линия, связанная с влиянием евреев на жизнь в России). Он сказал: «Не надо выискивать причину наших отечественных бед в воле маленького народа. Сами во многом виноваты... И меня не раз пытались представить то как еврея, то как француза... Думать надо и не допускать того, что было».

И здесь он впервые прочитал два своих стихотворения. В одном клеймил усатого кровавого вождя. В другом оплакивал брата, погибшего на Колыме.

И вот — творческий вечер Булата Окуджавы. Последняя встреча в нашем городе. В конце — песни, стихи, ответы на записки, фотографирование на память, автографы. Я протянул конверт с долгоиграющей пластинкой, с любимыми песнями моей студенческой, да и другой — зрелой поры. Я попрощался с ним. И он, сдержанно улыбнувшись, расписался на своей гитаре, вернее на цветной фотографии, помещенной на конверте. Потом, уже дома, я вырезал это фото и поместил его в рамочку, под стекло. Как-то спросил своего маленького сынишку, знает ли он, кто такой Окуджаву. «Это, — ответил он, — дядя-писатель, который у тебя в кабинете под Пушкиным висит».

Да, ведь была еще одна мимолетная встреча. Вскоре после его приезда на Урал, не больше чем через полгода. В Москве, в Центральном доме литераторов прочитал объявление: «Вечер памяти Григола Абашидзе». Среди выступающих значился Булат Окуд-

жава. Вечер в малом зале уже начался. Я потихоньку зашел, увидел впереди красивую белокурую женскую головку. Место рядом было свободно. Пробираюсь на него. И перешагиваю, извиняясь, через острые колени соседа блондинки... Булата Окуджавы. (Через одиннадцать лет, в дни, когда начал писать этот рассказ, увидел в газете фотографию — Булат с женой Ольгой, это была она). Поздоровались тихонько, был как раз перерыв в выступлениях. Он протянул руку: «Как там у вас? Все здоровы? Передавайте привет». Тут объявили его выступление.

Он рассказал о встречах с грузинским классиком. Припомнил такой забавный случай. Шумной писательской компанией заехали как-то в горы. Остановились в живописном месте. Тенистый виноградник, духанщик, мангал, молодое вино. Разместились. Григол спрашивает: «Почем у тебя вино?» «Три рубля за кувшин.» (Цену называю условно — оговорился Окуджавы). «С ума сойти! Побойся Бога! В Тбилиси — рубль! Собирайтесь, друзья, едем дальше». «Что вы, что вы! — воскликнул духанщик. — Такие большие гости! Сразу видно — люди авторитетные! Для таких гостей ничего не жалко. Пожалуйста, кушайте бесплатно, примите от чистого сердца!» Ставит на стол кувшин и сам разливает в стаканы. Ну, тут подоспел шашлык из молодого барашка, зелень на столе, сулугуни, джонджоли, в общем пир, как у Пиросмани.

Когда стали рассчитываться, получилась кругленькая цифра. «Так ты по сколько взял с нас за вино?» — полюбопытствовал Григол. «Как и договаривались, — растянул в улыбке усы духанщик, — первый кувшин для дорогих гостей — бесплатно, а три остальные — по четыре рубля». Что ты с ним поделаешь?!

Вскоре появится множество воспоминаний о поэте. Наверное, будет выпущена книга воспоминаний, неопубликованных ранее стихотворений. И мои размышления — лишь негромкий тост за общим поминальным столом по недавно умершему Булату Окуджаве. В эти дни многие называли его великим. Так ли это? Вспоминаются прижизненная слава и посмертная судьба Надсона, Северянина, даже Маяковского, их оглушительная популярность при жизни и... Еще недавно лучезарный блеск известности Владимира Высоцкого, кажется, уже подернулся патиной. Может, я ошибаюсь.

Время все расставит на полочках русской культуры, по порядку и ранжиру. Одно безусловно, для нашего времени и двух поколений шестидесятников-семидесятников он был совестью и знаком эпохи.

О, сколько жаждающих поэзии и правды собирали Лужники! Помню 1961-й: Дементьев, Римма Казакова, Евтушенко... Критика Владимира Огнева, вышедшего на сцену со вступительным словом, никто и слушать не хотел: даешь стихи! И только увещательная речь Евтушенко заставляет нас прислушаться к Огневу, к одному из немногих, поддерживающих новую волну в печати. Вот Андрей Вознесенский, вытягивая шею, читает «Сибирские бани», с неповторимым напором налегая на ритмическую гамму стиха. Он закан-

чивает выступление и передает микрофон хрупкой, обтянутой в черный бархат «надежде русской поэзии» Бэлле Ахмадулиной. И вот с гитарой на невидимой веревочке выходит на край сцены Окуджавы...

В июле 1997 года (это было за неделю до смерти Булата Окуджавы), выступая в Уральском политехническом институте, Евгений Евтушенко размышлял: «В трудное время живет Россия. Но я оптимист и верю, что она поднимется, воскреснет. И придет новый Большой Поэт, а может, он будет не один. Шестидесятые годы дали целую плеяду значительных Поэтов (с возрастом Евг. Евтушенко стал как-то мудрее и потише, ведь первым среди той плеяды долго считался он. — В.Б.). Вот Иосиф Бродский — разве не большой поэт? Но это лишь одна линия русской поэзии, тянущаяся от Баратынского, но в основе ее — все же англо-саксонская традиция... Можно назвать Высоцкого. Но это тоже лишь один канал, одно направление в общем русле многоводной поэзии, начатое Окуджавой... Я предсказываю (а у него есть основания вычертить мысленную экспоненту, учитывая опыт составления самой обширной антологии русской поэзии. — В.Б.): лет так через 10—15 придет великий Поэт, который обобщит опыт прошлых веков и продвинет нашу литературу к новой высоте. Я заключил с Политехническим музеем договор — выступать там ежегодно в течение предстоящих двадцати пяти лет. Так что надеюсь увидеть это время».

Популярность и известность Окуджавы настолько разрослись, что он, как и всякая, пожалуй, знаменитость, стал опасаться расширения многочисленных знакомств.

Неладна будь, Суббота дорогая,
Покой мой уносящая в котгах,
Меня без сожаленья обрекая
На болтовню о ценах и вождах!
Будь проклято, Святое Воскресенье!
Святой огонь в душе моей затих.
Бесчинствует мой ЖЭК, и нет спасенья
От потных современников моих.

Черепеховый панцирь мудрости закрылся от суеты и навязчивых почитателей и почитательниц, оставался круг надежных старых друзей, переделкинский уют семейного очага да мышка-норушка, любительница тихих телепрограмм на двоих.

Когда песня становится народной? Когда она становится массовой, часто хоровой, а главное, когда (порой) поющие не знают или не помнят автора.

Кто сейчас сможет назвать поэта, сложившего «Среди долины ровныя», или «Три гитары под окном жалобно заныли», или «Ревела буря, дождь шумел»? А ведь у каждой песни есть документально установленный автор. Многие ли из подгулявшей крестьянской или городской компании помнят, когда горланят «Ох, полным-полна моя коробушка», что эти слова придумал Н.А. Некрасов в поэме «Коробейники»?..

В трудовом лагере под Адлером я решил недельку не пить ни «сухаря», ни портвейна-хирсы, а по утрам за-

няться зарядкой. Катюша поддержала меня, и пока эвриканцы спали, мы убежали на территорию пионерлагеря, где были турники, шведские стенки и яма для прыжков. И где делала разминку красавица-физрук Жанна. Мы подбегали, здоровались и разминались втроем. Мое самолюбие тешил вид двух по-разному очаровательных девушек, которые старались мне понравиться и «охомутать» меня, обучить, приучить. Помню, завершив упражнения по комплексу Жанны, мы бежали по песчаной дорожке, и откуда-то долетал тонюсенький детский голосок: «Ах, Надя-Наденька, мне б за двугривенный в любую сторону твоей души». Оказывается, это пела пионерка из младшего отряда. Мы увидели ее на бегу в открытой двери дощатого беленого известкой туалета, крепко пахнувшего хлоркой. Мы посмеялись на ходу над этой девочкой, объевшейся, видимо, неспелыми сливами, и бежали дальше. И за нашими спинами затихал милый детский голосок: «Здесь остановки нет, а мне – пожалуйста: шофер автобуса – мой лучший друг».

Помнит ли сейчас эта девочка, давно уже ставшая сорокалетней женщиной, эту песенку из репертуара раннего Окуджавы? Или другие девушки с инструментального завода, уезжавшие на уборку картошки («А он медузами питался, циркачке чтобы угодить, и соблазнить ее пытался, чтоб ей, конечно, угодить...») – помнят ли они эти песни сегодня? Это – на всю жизнь. Почти слилось с фольклором.

Катя не могла простить мне недельного увлечения физруком Жанной. И потом, уже после черноморского лагеря «Эврика», я не раз пытался навести мосты, звонил, передавал приветы. Бесполезно, тщетно.

А потом я узнал, что она в составе воинов-уральцев, исполняя, как тогда говорили, интернациональный долг, оказалась в Афгане. Медсестрой, в военном госпитале. Писала друзьям. Одно письмо наконец-то получил и я. Ответил жарко, запоздало, откровенно, мол, надеюсь и жду, возвращайся с победой...

Уже на подходе к нашей границе, когда советские войска покидали Афганистан, колонну наших бронетранспортеров душманы расстреляли из гранатометов. Всех наповал. И только одного ротного и Катю Бодню так и не обнаружили... Так рассказывала сухая газетная информация.

Оставалась какая-то надежда. Но прошло много времени. И рухнула последняя надежда, почти рухнула. Катини родители показали мне связочку ее писем. Она рассказывала, как ухаживала за ранеными, а чтобы им было полегче, пела под гитару окуджавские песни, немного приспособливая их к обстановке. Например, вместо Ваньки Морозова появился в тексте однополчанин-уралец Мишка Воронин. Но многое и не требовалось переделывать: «Вы слышите – грохочут сапоги...» – или это, к которому она подобрала свой неприхотливый мотивчик:

*Пока еще жизнь не погасла,
Сверкнув, не исчезла во мгле...
Как было бы все распрекрасно
на этой зеленой земле!*

*Когда бы не грязные лапы,
неправый вершащие суд,
не бранные крики, не залпы,
не слезы, что речкой текут!*

Катя сочинила и несколько своих песен. Ее мама вручила мне бережно кассету, и я переписал ее. Стихи были просты, искренни. Слушать их было больно. Невозможно... Лунный зов цикад и теплое касание волной наших ног, лежащих рядом... «Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...»

Был ли он религиозен? В посмертно опубликованном интервью уверял, что он атеист. Однако Муза его была Божественна. Да и в своих песнях он не раз обращался к Господу. Молитва Франсуа Вийона, в молитве за страждущих и озьябших – «и не забудь про меня...» Или в другом стихе: «Вот комната эта, храни ее Бог, мой дом, мою крепость и волю...» Или в другом: «С горячей любовью к Всевышнему тянусь из сердца своего...»

Может быть, он просто не принимал церковной обрядовости, о чем тоже говорил журналистам?

Прощаясь с Булатом, Андрей Вознесенский сказал: «Он как поэт всегда был хранителем христианских традиций». (Как тут не вспомнить юношеских блужданий и исхода А.С. Пушкина!). И Вознесенский произнес: «Он жил, как жить должны артисты/, по-христиански опочил./ Стихами, в бытность атеистом,/ Тебе он, Господи, служил».

Ошибался ли он? А как же! Как всякий живой человек. Не желая в прежние времена лезть тут и там в «подписанты», он подмахнул письмо 13-ти в 1993 году, как бы оправдывая кровавую расправу над заложниками Белого дома. Некоторые друзья не поняли, отвернулись, осудили. Переживал. А слово – не воробей.

Самый любимый праздник в нашей, екатеринбургской писательской организации – День Победы. Сидели, шутили, вспоминали, а после «законных, наркомовских» читали по кругу стихи, распелись. Кто-то вспомнил песню из «Белорусского вокзала». «Тут он не то сказал, ошибся, – покачал курчавой головой писатель-фронтвик Анатолий Трофимов, – мы за ценой не постоим... Как мог такое сказать фронтвик? Не понимаю!» «Да что вы, – закипятился я, вступаясь за любимого поэта, – никакой ошибки, все верно и точно сказано!» «Ты успокойся и вдумайся, – упрямо повторил Трофимов. – Мы за ценой не постоим!» «Так ведь это поэтический образ, и, наверное, многие так думали, – не унимался я. – Скажите, Семен Борисович», – обратился я за поддержкой к бравшему Берлин Шмерлингу. Семен Борисович подвигал губами, закусывая, потом сказал: «Прав Толя. Что-то здесь не то. И здорово не то».

Простим же ему, если он в чем-то оступился. Пусть и он простит нас, современников, за недопонимание, за наши грехи.

Согласитесь, интересно проанализировать: чем «брали» исполнители авторской песни (барды и

мене-стрели, как их называли сначала). В двухтомнике русских поэтов-исполнителей, выпущенном во Франции, больше всего страниц отведено Окуджаве, Дольскому, Высоцкому, Галичу.

У Александра Галича главное — в правде, в повествовательности, в иронии. Его изобретение — песня-ролик, маленькая горькая новелла о бывшем зеке («Облака плывут, облака») или ернический, сатирический рассказ о советском итееровце («А жена моя, товарищ Парамонова, в это время находилась за границей»).

У Александра Дольского — виртуозность гитарного сопровождения и тонкость мелодии в сочетании с истинным артистизмом исполнения при некоторой рациональности стиха, обогащенного голосом, струной, самим обликом автора.

У Владимира Высоцкого — неповторимость страстного хриплого голоса, сильной самовольной природы, напор, дерзость сюжета, разработки тем, прежде избегаемых поэтами (в прозе этого было больше) или запрещаемых цензурой.

Но первым по времени и по «весу» все же был Булат Окуджава.

В посмертной передаче о нем Александр Городницкий назвал его единственным поющим поэтом. Как? — не поняли многие зрители, слушатели, барды. А вот так. Конечно же, есть другие талантливые поэты-исполнители. Городницкий хотел, наверное, сказать, что это был первый поющий Поэт. Да, этим сказано все.

Все они, и Городницкий тоже, прокладывали дорогу к правде, осваивали новое направление в русской поэзии. Оно уйдет в грядущий век как чуть ли не самая яркая картина нашей отечественной культуры. Потом авторская песня будет забываться, превращаться в памятник. И вновь воскреснет! И тогда потомки вспомнят Булата Окуджаву и других шестидесятников.

...И не то, чтобы случайно: мол, ошиблись в тесноте, а намеренно, надменно, как приговорили: мол, не стоит оправданий, мол, другие вы, не те... Мы не те? Да вы-то те ли? Те ли? Да и вы ли?

На днях один из комментаторов, занявший высокий пост на российском телевидении, напоминающий большой сперматозоид в очках, приставал к шестидесятнику Юрию Любимову, не была ли Таганка (читай — и поэзия, и живопись 60-х) красивой фигой в кармане...

Еще неизвестно, как оценит история движение шестидесятников. К каким новым идеалам придет? Да уж не к социализму ли с человеческим лицом!

Хотелось многое сделать и продвинуть эту самую Историю хоть немножечко вперед. Художники часто наивны. И все же, разве продвинулась бы, если бы не существовало Вивальди и Боттичелли, Пушкина и Исакави Токубоку, Михаила Нестерова и Николая Рубцова?..

Легче построить дом и домну, поднять целину и запустить космический «новый, как шелковый», чем переделать человека и человечество:

*Судьба и перо, по бумаге шурша,
стараются, лезут из кожи.
Затрачены силы, сгорает душа,
а там, за окошком, все то же.*

Мой герой, шестидесятник-эвриконец, уже изрядно постаревший, возвращался поздно ночью от своей подружки из далекого района Уралмаша. Транспорт работал как попало, впрочем, как и все в стране. Он все же успел на последний (будем правдивыми, без сюжетных натяжек, не на троллейбус) трамвай. В вагоне была одна кондукторша (снова появились кондукторши). Она смутно напоминала ему девушку давних лет, которую он любил, кажется, полюбил, когда учил ее выдувать звуки на золотистом горне.

...Она старательно надувала щеки, обмусолила весь мундштук, но из горна выдувались только смешные непотребные звуки. И они оба смеялись. И он целовал ее уставшие губы...

Да, эта кондукторша была чем-то похожа, может быть, нижней, несколько по-верблужьи оттопыренной губкой. Он достал из кармана куртки бутылку с испанским вином, отхлебнул. И предложил ей. Она усмехнулась, не отказалась.

Так они ехали, и трамвайный звонок вдруг возник в ночи, как большая цикада. И он запел негромко песню своей юности: «Последний троллейбус по улицам мчи...», не надеясь, что она знает ее, ведь она была лет на двадцать, а может, и тридцать младше его. Но она вдруг уверенно и для пустого трамвая довольно громко подхватила «Верша по бульварам круженье...» Потом утишила голос и, показывая на него пальцем, завершила: «Чтоб всех подобрать потерпевших в ночи, крушенье, крушенье...»

«Откуда ты знаешь эту песню?» — спросил. «О, — ответила она, — о, мне ее напевал отец как колыбельную».

Он открыл дверь своим ключом. Из дальней комнаты послышалось обычное: «Явился?» Потом жена добавила: «Там тебе записка у телефона».

Подсел к столу. Включил настольную лампу. Прочел: «Завтра сбор «эврикнцев»: умер Булат Окуджава, вечер памяти. Позвонила Екатерина Бодня».

Значит, завтра у президента «Эврики» Владимира Бокарева соберутся все наши... И — она! Она спаслась и вернулась! Как же так, думал он, Окуджава умер в Париже, а Катя Бодня вырвалась из афганского плена... Что же было делать — плакать или радоваться? Он пошарил в глубине письменного стола и достал «Перцовку», оставшуюся от черствых жениных именин. Там же нашлась рюмка и полкоржика.

— Марья Петровна с улыбкой трагической храбь мене скажет, ну храбь...

— Чего ты там бормочешь? — послышалось из соседней комнаты.

— Новенький мчится корापь, — ответил я.

Евгения ИЗВАРИНА

Гадаю по солнечным пятнам

***

В городскую листву залистана,
не последняя из пропаж,
не вина она и не истина,
не обязанность и не блажь.

Просто — опыт самовнушения,
сочетание двух слогов:
не искуснее искушения
и не громче твоих шагов.

...Только вытянуть эту песенку
и другие, что послабей, —
словно выстроить в небо лесенку
из ладоней и голубей.

***

Гадаю по солнечным пятнам,
по чьей-то привычке живу..
Но ты убеждаешь в обратном,
во сне, а потом наяву
легко обернувшись на оклик,
судьбы замыкая кольцо —
так жизнь потайная посмотрит
объявленной смерти в лицо,
и переметнется удача,
которую знать не хочю,
к стене одинокого плача,
к опущенному плечу...

***

Три ночи — цикады звенят оголтело,
играет под ветром трава.
Уснёшь без молитвы — взирая на тело,
душа позабудет слова,

освоит иные пути сообщенья,
откуда вернётся ничьей,
и тризну едва отличит от крещенья
по тёмному блеску свечей.

Пройдёшь до обрыва ближайшего неба —
и вспомнишь на самом краю:
короткая жизнь у огня и у хлеба,
преломленных в память твою.

***

бабочка у огня
чёлочка у плеча
жертвенность безогля-
дна у того ручья
нет
но любой рад
переходя вброд
ад обратить в лад
или наоборот

***

1.
Посидим — и в путь.
Дверь полуоткрыта.
Улица по грудь
в снегопад зарыта.

Через полчаса
будет — по макушку,
если в небеса
приоткроем вьюшку

под отвесный свет
и согласный шорох
хлопьев и планет
в полотняных шторах.

Рис. Яны Ахметшиной

2.
Самый ветхий завет —
посидеть на дорожку.

...Апельсиновый свет
прилипает к окошку,
показав на вершок
золотую обмотку.
Стук да стук посошок
по всему околотку.
Так на то и зима
на развод караула,
чтоб кого-то сама
с полдороги вернула,
а кого-то вперёд
подтолкнула молящее...

Апельсиновый мёд
возле донышка — слаще.

Нить Ариадны: жертвенность и жалость,
стальная струнка, госпитальный бинт —
когда от слов мелодия осталась
и тихо-тихо кружит лабиринт,
где снег ложится на вихры и плечи,
а жизнь проходит, на двоих деля
пяток минут в раю случайной встречи,
моток неровной пряжи бытия.

* * *

...и пологом в синих звёздах —
не столь отдалённый воздух,
где, трепетны и нелепы,
живём, разжимая скрепы,
а время непоказное
где надвое — там и вдвое:
небесное и земное,
нездешнее и родное...

* * *

Мне не велено, мне нельзя —
в ароматные вороха...
Но судьба не всегда — стезя,
уводящая от греха.

И темна в облаках роса,
а рифмуются без труда —
только юные голоса
и старинные города:

прогуляюсь по мостовой,
унаследую тишину —
и ещё полжизни с тобой
невидимкою проживу.

* * *

Беглая тень, половинка души,
тёплый от крыльев твоих разреши
воздух потрогать.
Из-за того ли, что ночь на дворе,
лёгкие руки твои — в серебре
ровно по локоть?

Долгая память — в немногих словах:
поговорим о ночных островах,
или о птицах...
Из-за того ли без света стоим,
что при огне — был бы нераздоумим
отблеск на лицах?

Та бы и замерли на рубеже
и не смогли бы расстаться уже —
в тёмно-зелёной
впадине эха. ...А что до бесед —
жизнь оправдает не слово, а свет
неразделённый...

Прощание на Итаке

Молоденькое зеркальце лежит
в ногах у ивы — водяной осколок.

Насколько путь обратный будет долог,
настолько обещанье согрешит.

Бери назад опасные слова,
шагни вперёд из ивовых объятий —

добудешь рай из-под семи печатей,
пришлешь дожди на эти острова...

Евгения Викторовна Изварина родилась в г. Озерске Челябинской обл.

*Закончила Библиотечный факультет Челябинского государственного
института культуры. Живет в Екатеринбурге. Редактор отдела газеты
«Наука Урала». Автор четырех книг стихов, публикаций в уральских и
московских коллективных сборниках, журналах и газетах.*

Член Союза писателей России

* * *

нет на тебе вины
просьбы и сны
по берегам войны
разнесены

с почтою получиай
не гадай от кого
мало ли чья печаль
у плеча твоего

мало ли чепуха
снится пока
нет за тобой греха
а жизнь велика

* * *

В. А. Изварину

Слаб человек — а выстроит дом и храм,
сад и вертеп, казарму и монастырь
там, где блуждает в сумерках по дворам,
там, где выходит всё-таки на пустырь.
Путаясь в ковылях, обшлага в репьях,
видит последней — ресниц золотую клеть
там, где хватается за сердце второпях,
там, где пытается замертво уцелеть...

Падая — не опомнится, не замрёт
на болевом пороге — перешагнёт..
— Зря, что ли, две недели тому вперёд
сам себе выстругал небо и самолёт?

* * *

Альков,
тенивая впадина —
судьбу задевать судьбой.
Твой воздух тайком погладив,
не сладила я с собой.

Смирением да возвысится
история ни о чём,
пленительная бессмыслица —
плечо задевать плечом.

* * *

Поэтам

1.
Когда букварь
на кривду падок,
ответчик — царь,
таков порядок:

из-под венцов
во рвы и ямы
в конце концов
ложатся прямо —

кому по ночам
сгибает плечи
начало начал,
увечье речи.

2.
Яблоко — янтарь.
Облако — опал.

Из пещеры Царь
вышел и попал

под отвесный свет
на живую нить.

— Никого здесь нет.
Можешь говорить.

России

Там, под таволгой и левкоем
твоя палуба глубока.
На постое над вечным покоем
замечались твои облака.

Небылица,
мечта,
самоволка,
дома нет — загуляла в веках:
развороченной глиной просёлка —
на высоких, как сон, каблуках.

* * *

Спящих наедине
оберегай вдвойне:

это огней на дне,
это ветвей в окне

голая городьба,
прозелень по весне —

лёгкая, как судьба,
прожитая во сне.

* * *

...ещё рыдает бесприданница,
ещё надежда велика
на то, что сердце не обманется,
не образумится, пока
над бездной правоты без радости
на шатком мостике стоим,
нечеловеческие слабости
прощаем ангелам своим...

* * *

За цветной пеленой, за гардиною,
золотой, как степная трава, —
заводите погромче родимую,
подберите попроще слова
на мелодию эту дворовую:

«Степь да степь, по бокам огоньки,
обнимает ямщик чернобровую,
не стряхнув рукавицу с руки.
Волки — рядом, и ей это нравится:
разорвут — как вино разольют...»

Свет мигает и звук прерывается
в том окне, где про это поют.

* * *

Недосол — на столе, за столом — пересол посиделок.
Соловьиные стёкла до цинковой голубизны
отмывает рассвет после стольких сезонных побелок,
что накладней зимы —

только сахар за чаем и соль, обметавшая веко,
только время беседы — беспамятства начистоту.
...А любовь — соловей, заглянувший в глаза человека
наяву, на лету...

* * *

Сети перебрать по узелку,
с ужасом свободу повязать...
Век тебя учили языку,
на котором нечего сказать.

Золотые бакены, огни,
сердце бьётся в облачную клеть —
век спустя, припоминает дни,
о которых нечего жалеть.

Ты идёшь на пристань за вином,
забывая лампу погасить:
всё равно погода за окном —
о которой некого спросить...

* * *

Обжигают скрипку щекой...
(А. Пурин)

Рассекает шрам твою улыбку —
хорошо, молчи.
Смастери мне глиняную скрипку,
обожги в печи,

чтобы пальцы струн не покидали
и холмов — река...
Отступи на шаг — в такие дали!..
А издалека

дотянись уже не по расчёту
до тщеты-тщетою,
до ресниц — ресницами, и щёку
обожги щекой.

* * *

Следами пройди моими
Потёмками потайными.
Шагами пройди моими
Окраинами былыми

Провинции сокровенной,
Отчаянной и надменной —
Теперь это центр вселенной,
Тобою благословенной.

А мы над ней — господами,
И можно не знать годами —
Какими ещё садами
Моими пройдёшь следами.

Лауреаты— 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Лучшей публикацией 2006 года по разделу «Река времени» признана серия очерков Ольги Ожгибесовой (г. Тюмень), посвященных 85-летию крестьянского восстания в Сибири («Генерал мужицкой рати», №10; «Роковая любовь командарма», №11; «Пропавшая экспедиция, или Сафари на Вагайских болотах», №12).

СВЕЧА ГОРЕЛА

Лучшей публикацией 2006 года по разделу «Свеча горела» признан рассказ Алексея Алтайского «За клюквой», №6.

АЭЛИТА

Лучшей публикацией 2006 года по разделу «Аэлита» признан рассказ Владимира Голубева «Клуб кукловодов», №10.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Лучшей публикацией 2006 года по разделу «Встречный ветер» признана статья Николая Ерохина «За мамонтом!», №2.

Благородное начинание

ООО «Наша городская газета» (г. Новоуральск Свердловской области) выступила с инициативой спонсировать лучшую публикацию по разделу «Река времени»: автор-победитель получит премию в размере 10 000 рублей.

Полымтолентур — богатырь народа манси

Из истории

Освоение Сибири началось с походов Ермака, русские осваивали громадные территории, используя водные пути по рекам Оби с Иртышом, Енисею, Лене, Амуру.

Западная Сибирь осваивалась со времен Ивана Грозного. Андрей Курбский был послан с отрядом стрельцов на Пелым и в Саранпауль (он шел туда три года).

Манси — потомки Савиров и одной из ветвей Хунну — угров (венгров) — пришедших из Центральной Азии, изгнанных китайцами во 2–1 в.в. до н.э. Геродот в 5в. до н.э. упоминал Исседонов и Гиперборею — предков северных народов. Савир — Сыбир со среднегреческого — отсюда название Сибири.

По имени богатыря народа манси Полымтолентура — река названа Пелым.

Верхний Пелым и собственно Пелым протекает близ восточной границы Свердловской области. Протяженность реки с севера на юг около 720 километров.

Верхний Пелым

Тут ясность есть,
Да то не в честь
Хозяин вор
В поселке Бор
Там капитан или майор,
Из служб возмездия «Бугор».
Так скажет Вам любой,
И зоновый и расконвой,
И поселенец и другой,
Еще какой-нибудь чужой.
Хозяин транспорта, людей,
Природы, помыслов, зверей и ягод,
Хватцов, наушников и ябед творец,
Хапугам, выжигам, купцам отец;
Он Бог здесь и .....(аминь)— копец.

ВЕРХНИЙ ПЕЛЫМ

Это было задумано не как спортивное путешествие, а с целью ушкуйнической. Надо было набрать клюквы или брусники. Сборы были недолги: Палатка, топоры, пила, болотники и ватники. Два понтона для плота и тесьма для их привязки, две уключины для весел, да картонные ящики в сложенном виде, еще пайвы и котелки.

Подъезды

Выехали из столицы Урала в Бурмантово, через сутки прибыли, стали искать попутный узкоколейный поезд до Верхнего Пелыма. Расположились на станции и наблюдали, как прибывают вагоны с длинномером по узкоколейке.

Не обошлось и без приключений. Лежим на бревнах; подходит мужичек лет 30 в болотниках.

— Вы откуда?

— Свердловск, Уралмаш.

— Я расконвоированный... Какой цех на Уралмаше?

Мы назвали сорок седьмой.

— Скажите Люське из 22, если вышла замуж, приеду — голову сверну!

Поручение пришлось принять.

Вскоре договорились с бригадиром поездной бригады за несколько поллитр, сели в бригадный вагон — магазин по совместительству, и отбыли в Верхний Пелым. Почти сутки в пути, зазоры между рельсами почти по полметра. Вагон несколько раз сходил с рельс. При помощи ваги и какой-то матери ставили вагон на место и продолжали путь. Добрались до моста через Пелым — Верхний Пелым, поселок «Бор».

Сплав

Мост на ремонте. Ковыряются расконвоированные. Бригадир разрешил взять обрезки досок («Хоть весь мост разберите!»). Построили плот и в 14.30 отплыли.

Через сутки — второй узкоколейный мост через Пелым, тоже ремонт. Взяли обрезки досок, сделали настил на плоту и сиденья для гребцов. Вахта по 1 часу.

Снова приключение. Ваш покорный слуга остутился с плота и булькнул в воду против крупного левого притока. Удачно вылез, мокрый с ног до головы. По берегам торф, вода коричневая, везде ленточные вырубки. Брусничкой и не пахнет. Для разнообразия попытались вести глазомерную съемку реки. Во второй половине дня переехали реку поперек русла (по съемке), такая дуга попала — бросили это занятие.

По берегам пошли болота, Володька пошел разведкой по берегу, часа через два стоит на высоком берегу, держит штаны и кричит во весь голос: «Клюк-ва!!!»

Клюква

Спустились ниже речки «Теща». Полдня собирали клюкву — крупная и много. Ночевали в устье речки. Нажарили белых грибов с маслом, объелись. Плот загнали в устье, расчалили, снова ушли собирать. Из любопытства я посчитал количество ягод с одной кочки — получилось более пятисот. На болоте встать было невозможно, вернулись ночевать к плоту; опять грибы на масле, теперь — красноголовки. Снова до отвала. На болоте встретили людей со станции Пелым. До станции по реке километров 60. В 30 километрах от станции реку пересекает газопровод. Приплыли к трубе, разведка показала, что над трубой перетекает водопад с толщиной слива едва более 200 мм, за трубой падение воды около 1 метра. Решили проходить плотом, без обноса, только потрянуло серьезно. Около поселка Пелым сели на корягу и минут 20 крутились на одном месте на виду у населения. Потом снялись и причалили ниже поселка. Разобрали плот и соорудили вешала. Сушить понтоны и чехлы к ним. К вечеру высушились. Пошли на станцию, взяли билеты; «челноком» доставили добычу к поезду. Прошел слух, что на ягоды потребуют лицензию, но обошлось. Поздно вечером втиснулись в поезд, оказавшийся полупустым. В вагонах холодно, сиденья типа самолетных кресел, на ночь мы залезли в спальники. Ночью захотелось по малой нужде, вылезать из мешка неохота, давай прыгать

по вагону в мешках. Принесло проводницу с фонарем, она чуть в обморок не упала. Крик, визг, попрыгали обратно, тут с другого вагона ее напарница идет — опять визг, так до утра и не уснули.

Утром — обратно. Добрались на попутной по домам.

Так закончилось наше путешествие по Верхнему Пелыму.

Состав группы:

Лазарев О.И. — ц. 47 — токарь — руководитель

Тихонов Р.Н. ОГТ — технолог — зам. рук.

Диев В. Д. — ц 47 — мастер

Суевалов С. И. — ц47 — зам. нач.

Кутырев В. Е. — ц 47 — механик.

Ст. Пелым — Пелымский Туман — село Пелым

Отчего пошло?

Если правду говорить, в экспедиции я до тех пор не бывал. В клуб пришел запрос из городского клуба об участии туриста, владеющего навыками обращения с байдарками в экспедиции ЦС по туризму для изучения реки Пелым в туристском отношении.

Маршрут от станции Пелым на железной дороге Ивдель — Обь до села Пелым, при впадении р. Пе-

лым в р. Тавду. Предстояло из разрозненных частей байдарок для взморья произвести комплектацию и сборку судов для прохождения маршрута. В состав экспедиции входили 4 участника с Урала и двое москвичей.

Подготовка

Сроки поджимали, москвичи так и не приехали. В задачу экспедиции входили: глазомерная съемка реки, описание ее характеристик (скорости течения, препятствий, расположения туристских приютов, баз). Руководителем экспедиции был назначен Белорусцев со Вторчермета, врач — Инга,

специалист по плавсредствам и, как выяснилось впоследствии, по глазомерной съемке — Тихонов и Толик — завхоз. Снаряжение (рюкзаки, спальные мешки) было получено на городской турбазе. Основной трудностью было оформить отпуск на заводе. На маршрут требовался месяц, а отпуск был использован зимой. Проблема была решена за счет отгулов и без содержания. С оформлением помог Главный Технолог Ю.Н. Кондратов.

Из четырех разрозненных байдарок были скомплектованы и собраны две. На сборы группы оставалась одна неделя. Я, как упомянул ранее, отвечал за суда, их комплектацию и ремонтную часть. Особенно волновал ремонт оболочек. Отечественные клеи не годились. Вопрос решился сваркой, при помощи разогретых в костре пластин. В процессе подготовки познакомились и распределили обязанности. Обязанность по глазомерной съемке

выяснилась только на маршруте. Были взяты компаса и старая карта с разбивкой по кварталам (лесоустроительная). На маршруте этого оказалось недостаточно. Сборы подошли к концу. Снаряжение и суда были сосредоточены на квартире одного из участников на улице Комсомольской. Билеты куплены, вся экипировка доставлена на вокзал по частям с организацией дежурства на месте отправки и отгрузки. Наконец погрузились в вагон Ивдель — Обь (прицепной).

При подъезде к станции Пелым договорились с машинистом поезда притормозить у моста через реку, сгрузили байдарки и снаряжение и отправились на станцию Пелым за продовольствием (станция в одном километре от реки). Выяснилось, магазин не работает — хлеба и продуктов нет! На станции расположены два лагеря заключенных (мужской и женский); сегодня хлеб пекут для лагерей. Пришлось отправиться на пекарню, сменой руководил молодой расконвоированный парень с Уралмаша. С ним договорились о хлебе, нашлось кое-что из продуктов, в общем — запаслись. Еще и провели вечер — встречу земляков в поленищах за пекарней. Ночевали в палатках под мостом. Утром прошли две долбленки со сборщиками ягод, партии человек по 6. Мы собрали и опробовали байдарки.

Начало маршрута

Окончательно распределили обязанности, подготовили часть снаряжения ежедневного пользова-

ния: палатки, мешки, компаса, шнур для замеров при подготовке глазомерной съемки, тросики с грузами для замера скорости течения реки и конфигурации дна. Сделали замеры конфигурации сечения реки у моста, занесли данные в журнал наблюдений. Маршрут начался, скорость реки не превышает 2,0 – 2,5 километра в час. Вода кофейного цвета. Искупались, оттолкнулись от берега, походные будни начались. Погода хорошая. Пытались загорать, попытки были пресечены полчищами комаров. Надежды на «Репудин» чешского производства не оправдались, комары ели нас и «Репудин» за милую душу.

Атымья — Нерпья — Большой Оус

Пришлось применить народное средство — сетку с диметилфталатом на голову — полегчало. За день прошли до устья р. Большой Оус, миновали устья рек Атымья и Нерпья. Непрерывно веду глазомерную съемку, заносю в журнал азимуты и расстояния, веду «легенду» т.е. описание берегов, мест предпочтительных стоянок, замеры конфигурации дна реки, затонувших «карчей» (упавших в реку крупных деревьев и занесенных илом и плавником). Пытаемся рыбачить на спиннинг, но пока безрезультатно. Начали встречаться кедровники, но шишки еще зеленые и очень смолистые. Нас догнали попутчики на долбленке с мотором, на буксире ведут ЛАС — это свердловские ребята с мясокомбината — члены ДОСААФ. Скоро Гаренки и Вотьпа. На Гаренках ничего не осталось, ни людей, ни построек. Теперь наш путь до поселков Сальты и Шантальская. Около Сальт встретили интересного человека — Касьянова Георгия Алексеевича, рыбака «Гослова» — живет один и имеет кучу проектов цивилизации реки Пелым.

В отечественную войну река Пелым и ее долина готовились под заселение, река судоходная для мелких речных судов; были установлены навигационные знаки, проведены крупные ирригационные работы в районе поселка Шантальское и Большелесенского озера готовилось крупное поселение. На Пелыме громадные запасы торфа, мощность пластов достигает десятков метров. После войны все заглохло. Сейчас по Пелыму цепь поселений для заключенных, лесоучастки с лесоповалами, ленточные вырубki. Так этот житель из Сальт предлагает завезти несколько экскаваторов, за зиму соединить каналами ряд озер и организовать крупное рыбохозяйство. А так же по гривам между болотами и по осушенным участкам провести дороги.

О своем проекте он подробно рассказал нам, приводил расчеты и выкладки по цивилизации этого дикого, болотистого края.

До Шантальского мы остановились в бывшем поселке Портах. Там всего одна изба возле навигационного знака, зато громадные поляны белых грибов. Там наша стоянка подверглась нападению бурундуков — стая штук полсотни. Им понравились наши пирожки с грибами. Пирожки были выложены на днищах перевернутых байдарок для «расставания». Бурундуки уничтожили всю стряпню; что погрызли, а остальное смешали с хвоей — стряпать пришлось заново. В частности мы заметили, что через реку с востока на запад переплывают белки и бурундуки, видимо на восточном берегу неурожай на корма или горели леса и болота.

Портах — Пелымский Туман — Малый Пелым — Еремино

Скоро Заречье, близко Шантальская, ширина реки превышает 100 метров, встречный ветер,

байдарки парусят. Заречье небольшая деревня перед озером Пельмский Туман. На четырнадцатый день плавания – Шантальская (по-местному), по карте – Шантальское. Сходили в магазин, наполнили продукты, снова плывем, перед Пельмским Туманом река широкая. Вышли на озеро ранним утром, великолепен восход солнца. Видели громадные стаи диких уток – самое время перелета. Любоваться некогда. Судовой ход через озеро 18 километров, при встречном ветре это очень тяжело. Видели стаю диких гусей. Озеро мелкое; при сильном ветре судам не рекомендуется ходить по озеру. Волны очень большие и даже при малой осадке судна возможны удары о дно озера. Мы торопились. Отснял несколько видов и к концу дня вышли к истокам Малого Пельма у деревни Урай. Решили идти Малым Пельмом. Ночевали, после за сутки дошли до Еремино; до села Пельм на Тавде, конечного пункта нашего маршрута, остается 70 километров. В Еремино еще немного наполнились продуктами и за 1,5 суток добрались до села Пельм, обогнав по пути громадную связку плотов, которую вел катер. Хвост связки развел на

узкой реке волну. На берегу сшибал лодки; рыбаки убегали от ударов хвостового плота. Ночевали на берегу у села. Утром сели на катер и отправились в Гари. Там ночевали в порту, наутро сели в катер до Новой Сосьвы. Поднялись по Тавде и р. Сосьве до Новой Сосьвы. Автобусом (12) км до Сосьвы. От Сосьвы поездом до столицы Урала. Пока ехали катером от Гарей до Новой Сосьвы нестерпимо хотелось спать. Получил выговор от пожилой пассажирки с гитарой за свою склонность к засыпанию. В поезде немного отоспались. Маршрут протяженностью около 420 километров закончен, снята карта реки, с указанием мест возможных стоянок, естественных препятствий и их описанием. Через две недели привел свои записи и съемки в порядок и сдал Белорусцеву для отчета.

Состав группы:

1. Белорусцев – руководитель,
2. Тихонов – съемка и снаряжение,
3. Инга – врач,
4. Толик – завхоз.

Фамилии, за давностью лет, забылись; отчет в городском клубе в подвале – не найден.

Михаил БОЧКАРЕВ,
г. Зеленоград, Москва

Деньги-денежки

Летним вечером по аллее парка, обдуваемый лёгким, прохладным ветерком, прогуливался Иван Алексеевич Живожук. Возле одиноко стоящей под молодой осиной лавочки Иван Алексеевич остановился и решил было присесть отдохнуть, как вдруг заметил валяющийся на асфальте, кем-то утерянный кошелёк. Подняв находку, он обнаружил, что кожаный красавец прямо-таки набит деньгами. Иван Алексеевич присел и поспешно принялся деньги считать, и насчитал, к великой своей радости, 365 долларов США и 12 340 рублей.

Однако, — подумал он, — совсем недурно!

До зарплаты оставалась ещё неделя, да и к тому же зарплата, откровенно говоря, была у Ивана Алексеевича маленькая и даже можно сказать — жалкая, всего каких-то три тысячи рублей. Мысли вернуть кошелёк владельцу даже не возникло в его голове, да и, кстати сказать, никаких документов, указывающих на законного обладателя, в кошельке не нашлось, разве что записанный на использованном троллейбусном талончике телефонный номер.

Тут вдруг сзади Живожук услышал отдаленный истерический хохот и обернувшись увидел как из под зеленых лип вырвался совершенно безумный гражданин. Он помчался сломя голову напрямик через кусты и скрылся в аллее, где уже зажглись матовыми шарами фонари, вокруг которых, трепыхаясь, кружила насекомая гурьба.

— Идиот, — определил счастливец, и спрятав находку в карман, поднялся с лавочки.

Радостный и счастливый, Иван Алексеевич пошёл домой, а по дороге купил себе на радостях две бутылочки дорогого коньяка, который он просто обожал, но позволял себе крайне редко. Дома Иван Алексеевич нарезал в тарелочку колбаски, сырку и лимончика.

— Непременно лимончика... — напевал Иван Алексеевич себе под нос, аккуратно раскладывая сырок-копчёную колбаску вдоль краёв начисто вымытой тарелки.

Присев в кресло, Иван Алексеевич налил рюмку коньяка и блаженно выпил, не торопясь, так, как именно и следует пить настоящий коньяк.

— А все-таки я везунчик, — сказал он вслух и даже тихонько захихикал, тут же, впрочем, взяв себя в руки.

Он вытащил на свет находку и с наслаждением принялся рассматривать подаренные судьбой купюры. На коньяк ушло ровно 1 240 рублей, каждая бутылка стоила шестьсот двадцать, это Иван Алексеевич отчетливо помнил, но теперь, пересчитав деньги, он был крайне изумлён и растерян — сумма оставалась прежней, триста шестьдесят пять долларами и двенадцать тысяч триста сорок рублями.

— Как же я так посчитал, — удивился он.

Но, как не крути, ошибка такого рода была на удивление приятной, и с ещё большим энтузиазмом Иван Алексеевич выпил за это коньячку. Деньги он сложил обратно в кошелёк и, уютно поворочавшись в кресле, задумался о том, что бы такое необходимо ему купить.

«Куплю, пожалуй, новый костюм, — он налил себе ещё рюмочку, аккуратно выпил и закусил тоненькой долькой лимона, — да, да костюм и туфли, и ещё... ах ну конечно».

Михаил Александрович Бочкарев родился в 1977 году в городе Москве. Окончил среднюю школу, поступил ВПУ (высшее профессиональное училище) обучаться профессии радиомонтажника. Окончив, год работал продавцом музыкальных инструментов. В 2001 поступил в МГПУ (Московский Городской Педагогический Университет). Работал: охранником, копирайтером, продавал компьютеры, рекламу. С 1998 г. является бессменным лидером рок-группы «ЯДЫ». Впервые опубликовался в журнале «Веси» (Екатеринбург) — рассказ «Карьера».

Тут Иван Алексеевич вспомнил, что совсем недавно одалживал у соседа пятьсот рублей. Вернуть деньги раньше чем через неделю (а то и две) он никак не рассчитывал, но теперь эта проблема отпала сама собой. Он вытащил из кошелька розоватую купюру и отправился к соседу. Время было ещё не позднее и, к тому же, Иван Алексеевич прекрасно знал, что сосед его ложится глубокой ночью и сейчас, естественно, не спит, да и вообще любому приятно получить долг раньше обещанного времени.

— Добрый вечер Семен Федорович, — поздоровался он, когда ему открыли дверь, — вот, принёс должок.

Иван Алексеевич протянул соседу деньги.

— А-а, — как будто бы удивился Семен Федорович, — я уж и забыл, — соврал он.

«Ты-то забудешь», — подумал про себя Живожук, а сам сказал, — у меня дома есть отличный коньячок, — он сделал паузу, — так что прошу.

Сосед Ивана Алексеевича выпить любил, а уж тем более в гостях, за чужой, что называется, счет, но согласиться прямо сразу как-то не решился.

— Да я... понимаешь, Иван Алексеевич тут... это... собирался...

— Пойдём, пойдём, — перебил он его.

Семен Федорович нервно покусал нижнюю губу и, изобразив на лице нечто среднее между испугом и удивлением, ответил.

— Иду. Только накину что-нибудь.

Придя, домой к соседу, Семен сел за столик в комнате, а хозяин пошёл за второй рюмкой на кухню. Гость огляделся с присущей ему от рождения подозрительностью и, моментально сообразив, что что-то произошло, загорелся нетерпеливым любопытством. Иван Алексеевич в этот момент вернулся с только что вымытой рюмкой и налил себе и соседу коньяка.

— Ну, рассказывай, — прищурился Семен Федорович, — что за праздник у тебя?

Иван, конечно, не собирался рассказывать историю своей вечерней прогулки, но объяснить появление дорогого напитка как-то было нужно, только он не знал как.

— Да ничего, собственно, такого не случилось.

— Ну не ври, — улыбнулся сосед.

— Да говорю же ничего, так... получил неожиданно премию.

Иван Алексеевич присел напротив Семена.

— Лучше давай выпьем.

— Ну давай...

Соседи выпили. Коньяк был действительно отличный, и Семену сразу же захотелось еще.

— Давно такого не пил, — сказал он, покосившись на бутылку.

Иван Алексеевич, поймав жадный взгляд соседа, потянулся к коньяку и, наполнив рюмки, сделал пригласительный жест. Семен, облизнувшись, поднес напиток к губам и выпил, округлив глаза на полиро-

ванный сервант соседа, где ярко отражалась трехрожковая люстра.

— Дорогой коньяк?

— Стоит прилично.

Оба замолчали. Иван Алексеевич потребивший в два раза больше Семена почувствовал расслабляющую члену негу и растекшись в кресле блаженно смотрел на столик. Его сознание наполнилось какой-то необыкновенной умиротворенностью и уверенностью в завтрашнем дне.

— Много дали? — поинтересовался Семен Федорович и глаза его заблестели как два елочных новогодних шарика.

— Чего? — не понял Живожук.

— Премия-то большая?

— А... — опомнился Иван Алексеевич и ответил втиевато: — Не маленькая.

— Ишь ты! А по какому случаю? — не отставал Семен.

— «Это не прилично просто! — возмущенно подумал Живожук, — Клещ какой-то, а не сосед».

— Юбилей предприятия. Тридцать пять лет. Годовщина так сказать... — соврал первое попавшееся Живожук.

— Сколько дали-то? — обнаглел настырный Семен.

Иван Алексеевич прикинул в уме сколько по нынешнему курсу будет триста шестьдесят пять долларов. У него получилось что-то около десяти тысяч. Вообще-то ему очень хотелось похвастаться перед соседом, и улыбнувшись, он сделал паузу, наклонился к столику, разлил по новой порции коньяка, и выдал:

— Двадцать две тысячи!

От услышанной цифры у Семена тут же засосало слева под сердцем, а уши предательски покраснелись. Ему сразу сделалось завидно, но чтобы не показать этого, он постарался улыбнуться. Надо признаться, вышло у него это несколько нелепо, так как остальные мышцы лица, напротив, окаменели, если не сказать даже, что они трагически обвисли, и улыбка смотрелась на этом лице подобно ленточке с пожеланием долгой и счастливой жизни на гранитной кладбищенской плите.

— Поздравляю, — произнес Семен пересохшим горлом.

Иван Алексеевич, прибывая в эйфорическом состоянии душевного и материального подъема, даже не заметил, какой удар он только что неосторожно нанес своему соседу.

— Спасибо Семен, — добродушно поблагодарил он. Подчиняясь неведомому порыву, Иван Алексеевич полез в карман и достал найденный бумажник. Семен, сглотив вставший в горле комок ненависти к счастливчику, ухватился за рюмку и во все глаза уставился на появляющиеся перед ним, из недр соседского кошелька, купюры.

Иван Алексеевич гордо разложил на столе денежные знаки и, улыбаясь, смотрел то на них, то на Семена, у которого на лбу уже выступили напряженные капельки пота. Надо сказать что Семен Федорович, так же как и Иван Алексеевич, большой зарплатой не отличался, но деньги любил — предано и страстно. Особенно соседа заинтересовали американские доллары, которые он периодически видел в кино и газетах, но сам лично никогда не имел чести наблюдать «в натуре».

Семен выпил и с тоскливой завистью посмотрел на соседа.

— Вам что в долларах теперь платят? — спросил он.

— Да нет, — рассмеялся неслышанно разбогатевший сосед, — это я что бы отложить разменял, — на ходу соврал он.

— Копить будешь?

— Да! — уверенно кивнул Иван Алексеевич.

Живожук с нескрываемым восторгом несколько секунд созерцал разложенное на столе богатство. Налюбовавшись он нашарил опустевший кошелек и собрав аккуратно купюры, открыл его намереваясь все сложить обратно.

Но, когда Иван Алексеевич заглянул в несколько минут назад опустошенный кожаный подарок судьбы, он открыл от неожиданности рот и три раза быстро моргнул.

— Что такое? — встрепнулся наблюдательный Семен Федорович.

Иван Алексеевич не знал что ответить. В кошельке уже лежали деньги, и на беглый взгляд их было не мало, не одна две, может быть случайно забытые бумажки, а больше. Много больше.

— Ничего, — испуганно ответил Живожук, — и быстро закрыв кошелек, сунул его в карман брюк. Деньги со стола он положил в другой карман, и нервно потрогав свой лоб, схватил рюмку коньяка и выпил.

— Что с тобой? — удивленно впился взглядом в соседа Семен Федорович.

— Что-то мне нехорошо...

У соседа на миг возникло в голове такое видение: Живожук замертво падает, а он выхватывает у него деньги и скрывается никем не замеченный.

— Может, скорую? — спросил он участливо, но по всему его облику можно было понять, что никакую скорую он вызывать не станет.

— Нет-нет, — все еще тревожно потея, ответил Иван Алексеевич, — ты погоди, я сейчас...

Он встал, и выйдя из комнаты нырнул в уборную. Там он достал свою находку и вскрыв, аккуратно, словно сохраняющий деньги предмет мог взорваться, открыл. Да, наличность лежала в нем чудесными лепестками, словно никто её от туда и не вынимал. В тот же самое время в кармане брюк Живожук тревожно ощущал извлеченные ранее купюры.

— Чертовщина, — выдохнул он. Достав деньги из кошелька, Иван Алексеевич убедился, что внутри не осталось больше ничего, кроме троллейбусного талончика с телефонным номером. Он спрятал загадочный бумажник в карман и пересчитал деньги. Сумма была в точности той же — 365 долларов и 12 340 рублями.

— Феноменально! — он не знал, что делать, то ли радоваться то ли горевать. Хотя горевать-то от чего? Деньги ведь!

— Иван! — донеслось из комнаты, — Ты там живой?

Живожук опомнившись, что дома у него посетитель, пустил фальшиво воду из бачка и спрятав деньги вышел.

— Все нормально, — ответил он, появившись в комнате.

Но пронизательный Семен Федорович, ясно видел, что ничего не нормально. Живожук сиял непонятным возбуждением, глаза его бегали и руки, спрятанные в карманы брюк, механически перебирали что-то, в неподвластных зрению соседа, недрах.

— Будем пить-то или все? — спросил он хмуро.

— Да ты наливай, я что-то себя чувствую не очень... А хочешь, — вдруг оживился хозяин, — Бери бутылку себе!

Такой неслышанной щедрости Семен в соседе не наблюдал никогда. И сразу в нем вспыхнула крайняя подозрительность.

— Всю бутылку?

— Да! А я спать лягу...

— Спать? Ну как знаешь, — тут Семен так хитро посмотрел на карманы Ивана Алексеевича, что тот даже дернулся.

— Чего? — спросил он, распахнув испуганно глаза.

— Да нет... ничего... — задумчиво прищурился тот, поднимаясь.

Сосед и впрямь не преминул воспользоваться широким жестом хозяина и коньяк, уходя, забрал, но Живожук об этом уже не думал. Он думал о другом.

Захлопнув за гостем дверь, Иван Алексеевич кинулся в комнату и выдернул из кармана кошелек. Открыв его, он побледнел. Тот снова был полон деньгами.

— Я так и знал! — воскликнул Живожук и выпотрошил купюры на пол.

Те плавно разлеглись на ковре, ослепительно сияя в лучах люстры, словно сказочные осенние листья, отражающие бриллиант восходящего солнца.

Всю ночь Иван Алексеевич не спал. Он извлекал из найденного бумажника деньги. Живожук обнаружил, что валюта и рубли появляются во чреве кожного чуда, сразу после того как его плотно закрывают. Конечно же, механизм, отвечающий за такую небывалую способность синтеза богатства из ничего, Живожуку постичь было не по силам. Но он этим и не утруждался.

Не смыкая глаз, он снова и снова вытряхивал из кошелька ценные бумажки, сумма которых всегда была одна и та же — 365 в долларах и 12 340 в рублях. Затем закрывал его, встряхивал и снова открывал, выплескивая новую порцию. К утру перед неустанным Иваном Алексеевичем высилась гора банкнот такая, что думая о перспективах открываемых ею, счастливец заходилась умом, как сумасшедший, постигший суть бесконечности вселенной.

Теперь ему подвластно было все. Любое желание было осуществимо. Все ценности мира — бриллианты, женщины, автомобили! Да что там автомобили... Яхты и воздушные суда были теперь в полном его распоряжении! Он мог купить все! Ведь бумажник, и это было очевидно, являл собой неистощимый, вечный источник! Живожок даже не желал считать, сколько уже он извлек из волшебных кожаных глубин. Наверное, речь теперь шла о миллионах!

— Ну ничего, — бормотал себе под нос внезапный богач, — скоро пойдут миллиарды! Скоро я всем... Всем покажу! — и косился в сторону входной двери, опасаясь, как бы пронырливый сосед не прознал о его открытии.

И утром не лег спать Живожок, хоть и устал крайне, а кисти рук болели ужасно от однообразных манипуляций. Только к середине дня, когда пол комнаты напоминал взорванное воздушной бомбой деньги-хранилище, он соизволил сходить на кухню и съесть кусок колбасы с бородинским хлебом. Хлеб был черств и проглатывался с трудом. Это обстоятельство вдруг взбесило негаданного обладателя миллионов.

— Позвольте! — возмутился Иван Алексеевич, — Да что это я в самом деле? Теперь я могу питаться как принц! Как, черт меня подери, арабский шейх! — Он, возбужденный, с горящими глазами, пошел в комнату, зачерпнул увесистую горсть денежных знаков и нырнув в туфли, очутился у двери.

«Но как же это оставить, — оглянулся он. Из комнаты, словно застывшая океанская волна, выплеснулись разноцветьем бесценные богатства, — вдруг если кто... проникнет?»

Живожок резво принялся заматывать обратно в комнату купюры и когда, наконец, ему это удалось, хлопнул межкомнатную дверь на щеколду.

— Надолго отлучаться нельзя! — решил он и открыв как можно тише дверь проник в коридор. Миллионер не стал вызывать лифт, а на цыпочках, словно вор, совершивший грабеж, начал спускаться по лестнице. В коридоре было тихо и Иван, радуясь, что он так славно отлучился, никем не замеченный и не встреченный, хитро улыбался, как вдруг...

— Ну, как ты? — погудел голос позади Ивана Алексеевича, — Полегчало?..

Живожок встал приросший к кафельной плитке, как спринтер на старте, приподняв подошву для шага, да так и не успев ступить.

— А говорил, копить будешь! — ехидно проскрежетал голос. Тут Иван повернулся и увидел вчерашнего своего гостя, вышедшего курить вне квартиры. Не заметил он его раньше, от того что тот, вероятно, прятался возле лифтов, куда конечно же, Живожок не заглядывал.

— А? — пугливо отозвался скоропостижный богач.

— Я говорю, ты копить собирался, а сам вот... — и сосед уставился наглыми глазами на Живожокову пятачку, в которой была зажата громадная денежная горсть.

Иван Алексеевич сам, словно впервые увидев что несет, вопросительно уставился на банкнотный комок.

— Премия значит, — закивал Семен саркастически, и безумно разбогатевший Иван, увидел, как у того с виска скатилась по щеке крупная капля пота, сверкнув ледяной искрой.

— Ппп.. реммм..ммя, — ответил Живожок пытаясь спрятать предательские деньги в карман. Но те не лезли и некоторые, особо шатко держащиеся лепестки, даже исхитрились упасть на пол.

— Давай-ка я тебе помогу, — прохрипел сосед приближаясь.

Сердце Ивана Алексеевича сжалось и он вмиг похолодел, предчувствуя что-то ужасное. Но ничего такого не случилось. Сосед поднял упавшие купюры и протянул недавнему своему должнику, заглянув ему в глаза так, как должно быть сексуальный маньяк заглядывает в спальню молоденькой девушки, когда та еще спит, обнаженная случайно сползшим одеялом.

— В магазин идешь? — шепотом спросил Семен Федорович.

Живожок только закивал в ответ не в силах сказать ни слова. Он принял выпавшие бумажки из соседских рук, и механически сунул в карман.

— Давай, давай... Богатей... — и развернувшись Семен неслышно скрылся за дверью своей квартиры.

Минут пять, Живожок стоял в коридоре, не смея пошелохнуться, и самые разные мысли терзали его. Потом он, опомнившись, распахнул по карманам деньги, и ринулся магазин. В магазине ему стало жутко. Ивану казалось, что каждый покупатель, каждый продавец знает его тайну и это нервировало и пугало внезапного счастливого до коликов в животе. Накупив всего что только попало под руку и не получив от шопинга ровно ни какого удовольствия, он примчался домой и заперся на ключ.

Притаившись Живожок с полчаса всматривался в глазок и ожидал чего-то скверного. Но опять ничего скверного не случилось. Тогда он метнулся в кладовку, разрыл хозяйственный хлам, скопленный за долгие годы холостяцкого существования, и нашел то что искал...

Зеленая масляная краска, купленная несколько лет назад для ремонтных нужд, загустела, став консистенцией, почти как сметана. Ворвавшись в комнату, Иван Алексеевич принялся мазать краской оконное стекло.

Когда работа была закончена, он поверх стекающей слезами с гладкой поверхности маслянистой жижи, налепил рекламных газет. В комнате тут же сделалось зловеще темно. А от краски совершенно невозможно стало дышать.

— Ага! Вот так! Вот так то! — возликовал обладатель бездонного бумажника, — Теперь никто... хоть глаз выколи!

Дальнейшие двое суток, практически не прерываясь на сон, Живожек выуживал из кошелька деньги, складывал их в пачки, обматывал тесемками и штабелями складировал в замаскированной от чужеродных взглядов комнате. Когда свободное пространство закончилось совсем, Иван Алексеевич, прижал двери в комнату досками и заколотил их гвоздями. Дальше он действовал так: вытащив весь хлам с антресолей, он заполнил деньгами и их. После Живожек набил до отказа ванную комнату, шкаф в прихожей, кухонный гарнитур «Мастерица», кладовку и все те места в квартире, которые способны были вместить хоть что-либо объемное. Ненужные более вещи, Живожек выносил на улицу и скидывал в мусорный бак. Так он заполнил деньгами всю квартиру.

Ночью, на пятый день после находки волшебного бумажника, когда все жильцы спали, Иван совершил десант на улицу, имея при себе совковую лопату и тяжелейшую сумку набитую чудесными купюрами. Сумку Живожек зарыл на заднем дворе возле коллекторной будки.

Шел уже десятый день обогащения. За это время Живожек ни разу не удосужился побриться, нормально поспать и полноценно поесть. Все гигиенические процедуры он делал урывками, боясь потерять драгоценное время. Питался всухомятку, паче что и плита и холодильник также таили в своих недрах банкноты. Всю энергию и силы Иван Алексеевич тратил на выемку денег из кошелька и их сохранение. Пальцы его, от непрерывного взаимодействия с неисчерпаемым кожаным чудом стали крючковаты и распухли, глаза слезились и под ними образовались темные мешки. Но на это (теперь уже) миллиардер Живожек внимания не обращал.

К концу месяца у Ивана Алексеевича имелась на руках странная, но несомненно бесценная карта местности того района, где он проживал. Каждое, хоть чуточку укромное место было помечено на ней крестиком с указанием веса и глубины. Но и это Ивану не помогало. Его терзали страхи богатство потерять, а теперь еще начали мучить ночные кошмары во время непродолжительных его уходов в сон. То снилось ему, что кошелек украден ворами, то виделось, что все вытасканные из него деньги вдруг неведомым образом испаряются, оставляя вместо себя мерзких и жирных белых опарышей. А однажды приснилось, что сосед Семен, узнав тайну кошелька, написал об этом в газету «Труд», и на квартиру Живожука заявлялась провероч-

ная комиссия во главе с участковым милиционером и собакой породы такса, которая гавкала человеческим голосом:

— Где хранишь миллиарды, жучара?!!

А участковый ей подсказывал:

— Карта у него. А ну-ка фас! Ищи! — и такса кидалась на Ивана и кусала больно за пальцы, а другие члены комиссии, среди которых мелькал и завистливый сосед, украдкой таскали из шкафов и полок денежные пачки.

Просыпаясь Иван Алексеевич вскакивал и проверял целы ли деньги. И убедившись что целы, продолжал вынимать все новые и новые из нескончаемого кожаного жерла. При этом он, имея взгляд совершенно сумасшедший, напевал себе под нос:

— Деньги-денежки, деньги-денежки... ой да деньги-денежки, денежки мои!..

Бережно гладил купюры, словно те были ласковыми зверьками, а некоторые даже целовал, хищно озираясь по сторонам.

В один из дней, грязный, заросший сиреновой щетиной Живожек услышал звонок в дверь. Он подскочил как ошпаренный и тихо прокрался к глазку. На пороге стоял сосед Семен, переминаясь с ноги на ногу, словно дожидаясь очереди у биокабинки на оживленном проспекте.

— Чего? — спросил не открывая Живожек, и сам не узнал свой голос.

— Слышь сосед, — прижавшись к щели, взмолился Семен Федорович, — выручи а? Дай тыщу до полочки!..

Живожек от такой просьбы, словно в прорубь нырнул. Ему стало холодно и жутко.

— Что ты! Что ты! — испугался он так, будто его просили прыгнуть с крыши, — Нету у меня! Ни копейки нету!

— Да я верну, — не отставал сосед и шурился слепо в глазок.

— Откуда, ты что? Где же взять? Нету денег, богом клянусь! — задрожал Живожек, не зная куда деться.

— Не видать тебя давно, — вещал назойливый сосед, — и окна все в краске. Что ты там затеял-то?

— «Вот собака!» — думал Иван Алексеевич, а сам отвечал, — Ремонт у меня. Ремонт! А денег нету!

— Может выпьем по-соседски? — предлагал липучий Семен. — Коньячку?

— Не пью я. И денег нет!

Сосед, постояв еще с минуту у двери, ушел, а Живожука, словно током пробил озарение. Он понял, что поможет ему сохранить все!

— Звонок! Телефонный номер! Вот в чем дело! — выудив из брюк бумажник, он извлек трамвайный талончик с номером и посмотрел внимательно. Семизначный номер без кода города был на нем.

— Московский! — определил Иван Алексеевич и дрожа принял в руки трубку.

Рис. Алексея Федотова

Он, тщательно сверяясь с бумажкой, набрал и услышал вместо гудка звонок. На кухне надрывался второй спаренный телефон, который звонить сейчас никак не мог. Иван испуганно дал отбой, однако телефонная трель не прекратилась.

— Не подойду! — решил Живожук. Но телефон звонил не умолкая. Он разламывал голову и совсем некуда было деться от этого настырного сигнала. Спустя десять минут мучений, когда звонок точно сверло впился в мозг и уже начал дробить сознание, обезумевший Иван подлетел к трубке.

— Алле? — спросил он с замершим сердцем.

В трубке слышалась возня. Казалось, будто кто-то на том конце пытается выхватить у противника трубку.

— Алле, говорите! — просипел непомерно обогатившийся и тут услышал, тонкий издевательский голосок:

— Деньги-денежки, деньги-денежки... ой да деньги-денежки, денежки мои!.. — пропел гадкий фальцет, и связь оборвалась.

— Это Семен! Падла! — решил вдруг Иван Алексеевич и заметался по кухне спотыкаясь о коробки и пакеты, набитые деньгами.

Он понял, что с соседом надо что-то сделать, иначе тот уничтожит его!

Спустя три дня, вечером, когда над Москвой в синем небе уже обозначились звезды, но сумер-

ки еще не возымели над городом власть, Иван Алексеевич Живожук крался подворотнями, выслеживая одиноко прогуливающегося Семена Федоровича. Сосед шел безмятежный, в приподнятом состоянии духа и вероятно о чем-то мечтал. Грязный, заросший щетиной, с немывыми клоками волос Живожук, воспаленными глазами, как у попавшего в героиновую зависимость несчастного, проследил как Семен, уселся на пустующую скамейку в сквере и закрыв глаза разомлел. Вероятно, он намеревался дремать. Тихо подкравшись сзади, Иван встал над соседом, занес над головой его руку, и что-то темное зловеще мелькнуло в ней...

Семен Федорович очнулся, услышав тихий шлепок. Он распахнул глаза и увидел пухлый предмет, упавший возле ног. Нагнувшись, он поднял его. Это был кошелек. С замиранием сердца, открыв находку, Семен увидел, что тот прямо-таки набит деньгами. Тут позади себя он услышал шорох и обернувшись заметил удаляющийся скрюченный силуэт. Безумный, нечеловечески хохот разливал по скверу убегающий неизвестный.

— Идиот! — крикнул вдогонку Семен и, спрятав бумажник в карман, вскочил с лавочки, поспешив домой...

Таежные отшельники из деревни Лыково

История эта началась без малого четверть века назад, когда на страницах газеты «Комсомольская правда» впервые появился очерк Василия Пескова «Таежный тупик» — о семье староверов Лыковых, ушедших в глухую сибирскую тайгу в конце тридцатых годов XX века. Газету зачитывали до дыр, с нетерпением ожидая продолжений, которые не заставляли себя ждать. Каждое лето Василий Михайлович Песков обязательно навещает единственную оставшуюся в живых отшельницу — Агафью.

Галина Андреевна Колунина, жительница деревни Лыковой Упоровского района, ту, первую, статью в «Комсомолке» помнит хорошо. И не только потому, что читала сама, а потому, что родственники-москвичи прислали вырезку с вопросом: «А не из наших ли краев бегуны?».

Деревня Лыкова была основана в 70–80-х годах XVII века староверами Лыковыми — спасаясь от гонений на веру, они пришли в Сибирь с Вологодчины, поставили на берегу реки Ингала избы числом около де-

сяти, мельницу, занялись хлебопашеством.

Деревни вокруг — сплошь староверческие, поставленные такими же ходоками, как Лыковы, но, видно, принадлежавшими к разным религиозным течениям, раз селились порознь. Тут и православные: Сорокино — на другом берегу Ингалы, неподалеку — Суерка, бывшая Осипова, тут же Ингалинка. С братьями-славянами староверы жили дружно, по престольным праздникам другу к другу в гости ходили,

но, как говорится, дружба дружбой, а табачок поврозь — устои веры сохраняли свято. Так бы, может, и дальше жили, если бы не смутные времена — революция, Гражданская война, советская власть.

Лыковы, говорят, принадлежали к секте бегунов: когда мир начинал чересчур досаждать им, мешать спокойному течению жизни, бегуны снимались с насиженных мест и уходили как можно дальше от людей. Вот так Лыковы и оказались в Саянах, в верховьях реки Еринат.

Вещи староверов

Так это было или нет — теперь уж никто не скажет. Самой Агафье, родившейся уже в тайге в 1935 году, об этом ничего не известно. А вот Галина Андреевна после того письма из Москвы решила найти людей, которые могли помнить семью Лыковых, покинувшую родную деревню.

Василий Андреевич Харалгин в те времена был еще подростком, взрослые проблемы его не интересовали, но он помнит, как в году 1918–19 деревня, где все приходились друг другу родней, плача, провожали в дальний путь семью Карпа Лыкова. Слова его подтвердила Ненила Денисовна Кузнецова. Ненилушка — так звали ее в деревне — и рассказала Галине Андреевне о том, что Осип Лыков умер еще до ухода сына и похоронен на староверческом кладбище в 6 км от Лыковой. Здесь же лежит и брат Крапачье имя не сохранилось у Ненилушки в памяти. Зато в деревне долгое время жила бабушка Степанида, свояченица Карпа Осиповича. Когда родственники уходили, она отказалась идти с ними. В районном центре Упорово до сих пор живут внучатые племянники Лыковых, так что захоти Агафья вернуться в родные края, ее есть кому приветить.

Может, все эти воспоминания, собранные Галиной Андреевной,

так бы и остались ничем не подверженными воспоминаниями — живых свидетелей тех давних событий не осталось — если бы не случай...

В 1987 году в гостях у Карпа и Агафьи Лыковых побывал профессор Ишимского пединститута, доктор с/х наук Витольд Игнатьевич Шадурский. Поездка, разумеется, была не случайной. Во-первых, Шадурский долгое время следил за историей семьи Лыковых и даже собрал целую папку статей о них. А во-вторых, Витольд Игнатьевич защитил кандидатскую диссертацию под названием «Культура российских крестьян Зауралья» и надеялся познакомиться с народным опытом земледелия. В частности, Шадурского интересовала картошка, которую выращивали Лыковы, — ее не брали никакие болезни.

До встречи с людьми болезни не брали и Лыковых — Витольда Игнатьевича удивило молоджавое, почти без морщин лицо Карпа Осиповича, которому тогда исполнилось уже 85 лет.

Поскольку поездка была служебной, то командировочное удостоверение профессору подписала... Агафья Лыкова. Карп Осипович, отец Агафьи, поинтересовался у гостя, откуда он родом. Узнав, что из Ишима, из-под Тюмени, спросил:

— Далеко ли Ялуторовск?

— Рядом, — ответил Шадурский, — два часа езды.

— Так вот, мои-то все предки оттуда, из-под Ялуторовска. Узнав об этом факте биографии Лыковых, сотрудники Ишимского краеведческого музея решили найти их родную деревню. Надежда Леонидовна Проскурякова, бывшая тогда старшим научным сотрудником музея, рассказывала:

— Я открываю карту Тюменской области и думаю так: Лыковы из-под Ялуторовска родом? Значит, наверняка должна быть деревня с таким же названием. И сразу ее увидела. Она сохранилась совершенно случайно: две деревни слились, и именно Лыкова стала центральной усадьбой. Находится в нынешнем Упоровском районе, в пятидесяти километрах от Ялуторовска. Мы рванули туда. И познакомились с Галиной Андреевной, которая, оказывается, давно знала о своих земляках. Надежда Леонидовна сразу же позвонила в Москву Василию Пескову, чтобы пригласить его приехать на историческую родину Лыковых, о которых он так много писал. Но Песков в это время собирался в командировку в Африку...

В марте нынешнего года круг, наконец, замкнулся. В деревню Лыкову приехал человек, который открыл миру «таежный тупик» сибирских от-

Песков и Колунина

шельников — Василий Михайлович Песков. Он, наверное, и представить себе не мог, что побывает там, откуда ушла в свой крестный путь много-страдальная семья староверов.

Налет журналистов всех мастей на разморившуюся от первого весеннего солнышка деревеньку был шумным, хотя и не внезапным. О приезде знаменитого московского гостя знали. Местные жители уважительно здоровались, проходя мимо, а трактора уступали дорогу. Один из трактористов, с которым заговорил Василий Михайлович, на вопрос, знает ли, с кем говорит, степенно кивал головой: мол, знаем, читали. В староверческой деревне Лыковой, слившейся с православной Сорокиной, сегодня сохранилось около семидесяти дворов. Много домов старых, основательных, с зашитыми тесом крышами, с резными ставнями. Но вот на берегу реки, там, где когда-то жили первопоселенцы Лыковы, пусто. И нет ни одного жителя, который носил бы фамилию основателей деревню.

На высоком берегу Ингалы стоит старинный дом, построенный более века назад — в 1902 году. Он принадлежал богатому крестьянину Сорокину, потомку основателей деревни Сорокиной. В начале двадцатых годов хозяин сгинул неведомо куда — не то ушел с белыми, не то убили.

Дом, как водится, экспроприировали, и с 1921 по 2003 год в нем находилась лыковская начальная школа, в которой и преподавала Галина Андреевна Колунина. Когда до Лыковой долетели ветры оптимизации, школу закрыли. Пенсионерка Галина Андреевна осталась не у дел. Правда, не надолго. Чтобы как-то занять досуг лыковских ребятишек, в старом доме открыли кружок от районного Дома творчества. Ну, а уж при кружке Галина Андреевна с детьми создали своеобразный музей: в просторной комнате, разделенной надвое занавеской, — наверное, и при старых хозяевах так было — теперь православ-

ная горница и уголок староверов, где собраны предметы домашнего быта староверческих семей. Как в жизни: старообрядческая и православная деревни, разделенный рекой...

В этом импровизированном, никем не признанном, однако, часто посещаемом маленьком музее и состоялась торжественная встреча московского журналиста с бывшей учительнице-энтузиасткой.

В подарок Агафье от земляков Василий Михайлович увез лестовку — своеобразные четки, которыми пользовались староверы во время молитвы, веретено, тяжелый глиняный кувшин и великолепный старинный чайник, изготовленный, по всей видимости, лет 200 назад. Летом этого года он вновь навестит Агафью и непременно привезет от нее подарки маленькому деревенскому музею. Деревне Лыковой от Агафьи Лыковой.

Кстати, в витрине Ишимского краеведческого музея хранится один непримечательный с виду экспонат — большая калоша, сплетенная из бересты, называется она «обуток»: его набивали болотной травой и ходили в таких своеобразных тапочках даже в 50-градусные морозы. Принадлежал этот обуток Агафье Лыковой. Есть здесь и старый полушалок, который носила Акулина Карповна — мать Агафьи. Эти экспонаты привез из своей необычной командировки В.И.Шадурский.

Ну, а Василий Песков подарил музею посох, также принадлежавший Агафье Лыковой.

Ожгибесова и Колунина

Алексей ФЕДОТОВ,
г. Саратов

Охота на шишигу

— Митрофаныч! Ты куда пропал, шишига драная! — Кричавший сплюнул на землю, покрытую молодой травой. — Митрофа-а-аныч!

Кричавшему было семнадцать годков, хотя рост и плечи сделали бы честь исконному хозяину здешних мест — медведю.

— Мирофа-а-аныч! Да отзовись ты, чертяка!

Тихо хрупнула ветка и парень, охнув, обернулся на звук. Из-за добротного, аршин в обхвате, дуба неторопливо вышел высокий старик в драном зипуне.

— Чего орешь-та, кикимора болотная? — Старик переложил в левую руку выдавшую виды фузею*, а правой начал ожесточенно вытряхивать из седой окладистой бороды застрявшую там солому.

— Так это... Мужики к ужину кличут! — Кричавший потупил взгляд, разглядывая свои затасканные сапоги. — А тебя-то и нет.

— Ну и? — Митрофаныч закинул фузею на плечо — Чо стоишь-та, аки столбовина воротная? Пойдем ужо.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и засеменял мелкими шагами. Парень пристроился рядом.

— Митрофаныч, а ты где хоронился-то? Я ужо глотку содрал тебя звать.

— Поди ж ты, эко куда метнуло — глотку он себе сорвал, — усмехнулся в бороду старик. — Как зелье чертово своей глоткой пить*, так он первой, а как покликать кого, так и сорвал уж. Ты, Гришка, не виляй аки хвостень собачий. Коль ус отрастил да борода на челе мелкой порослью, так уж завираться можно? А коли и спал я, так нече глотку драть.

Григорий молча шагал позади, стараясь не обгонять старика.

— Гляди у меня, не балуй. А то и усов-то не посмотрю — отхожу розговинной-та.

Дальше шли молча, перешагивая через древние, покрытые мхом стволы поваленных старостью деревьев и обходя кучи влажного валежника. Весна вовсю вступила в свои права. На деревьях искрились мелкими изумрудами листья, молодая сочная трава местами полностью скрыла собой прошлогодние серые опадыши. Птицы, словно напившись хмельного зелья, старались перекричать друг друга.

Артель разбила лагерь на берегу мелкой, но по горному шустрой речушки. Ладно сложенные и покрытые лапником шалаши да вырытая землянка составляли все жилье семерых старателей.

Рядом с крайним шалашом, на самой границе с пологим, белого песка, берегом тлел костерок, выплескивающий жидкие струйки дыма на добротный бревенчатый стол.

Пятеро мужиков, усевшись на деревянные чурбаны, жадно уплетали уху, закусывая размоченными сухарями. На столе стоял штоф зеленого стекла, но чарки оставались пустыми. То один, то другой старатель бросал мрачные взгляды на кусты и вновь склонялся над едой.

На шуршание веток обернулись все и, отложив ложки, молча ждали, пока пришедшие не займут место за столом.

Митрофаныч сел, степенно огладил бороду, истово перекрестился и взялся за ложку. Ему тут же подвинули исходящую паром плошку

с густой, душистой ухой. Старшой неторопливо разлил из штофа. Выпили по одной чарке и вновь заработали ложками. Не прикоснулся к еде только старшой.

— И где тебя лешай носил?

Митрофаныч проглотил еще ложку и только после ответил.

— На шишигу охотился.

Стол гулко грохнул хохотом. Смеялись долго, до слез и колик в животе, не обращая внимания на мрачный взгляд Митрофаныча.

— Ну и чего гогочете, аки гусыни?

— Ну, Митрофаныч, ты даешь! Чай, вроде, не дите неразумное, чтоб в сказки-то бабкины верить. Ан туда же. — Старшой с всхлипом утер набежавшую слезу.

— Да вот тебе крест: на шишигу. — От резкого движения локтем Григорий, доселе сидевший рядом, слетел с чурбака и остался лежать на земле тихо всхлипывая, икая и хихикая.

— Но-но! Ты богом-та не клянись, коль завирательством занялся, старый.

— Да не вру я. Вот те крест. — На этот раз Митрофаныч посмотрел на Григория и еще раз перекрестился.

— Ну ладно, ладно. — Штоф снова опрокинулся над чарками. — Сказывай байку-то.

Митрофаныч выпил предложенного простяка, довольно крякнул и закусил ущицей.

Алексей Анатольевич Федотов родился 21 сентября 1973г. в городе Саратов. Закончил Саратовский Государственный Университет по специальности химическая физика. Имеет ряд публикаций в российских и зарубежных изданиях. Участник фестиваля фантастики «Аэлита» с 2004 г., а с 2006 г. — член оргкомитета фестиваля.

Поставил чарку на стол и вопросительно посмотрел на старшего. Тот вновь забулькал штофом.

— А что тут сказывать-та? Истину сказал — на шишигу охотился. Пошел я поутру, стало быть, к болоту, силков на зайчишек сладить. Да не дошел.

Третья чарка отправилась вслед за предыдущими. Митрофаныч подобрел лицом, утер пот со лба и продолжил.

— Дык вот. Не дошел я до болота-та. Иду я, стало быть, себе, дорогу высматриваю, а тут в небе как грохотнет...

— Да брешет он все. Дождя уж осьмой день как нет. — Григорий поставил чурбак и уселся, отряхивая сор с колен. И тут же вновь слетел на землю от звонкой затрещины.

— А ты старших не перебивай, коль сказывают. — Митрофаныч потер рукой о зипун. — Не было дождя, правду отрок grit. Да только грохнуло жутко, так что я аж присел.

— Ага. А с неба сам архангел Михаэль, поди ж ты, спустился. — Григорий увернулся от очередной оплеухи и под дружный хохот уселся подале от рассказчика.

Митрофаныч окинул его злым взглядом и выпил еще чарку.

— Дык вот. Присел я говорю... на землицу-та. А тут с неба яйцо-та и упало. Упало и лежит себе, только шкворчит больно сильно. Аки блин на сковородке, да и дымком чую, потянуло. Ну, я, стало быть, сидел еще чуток, да потом решил поближе посмотреть — что за чудо такое? А тут яйцо-то и расколосось, а из дыры шишига полезла.

— Во завирать-та, — зашептались промеж себя мужики. — Что

ж за яйцо такое, что шишига там поместилась?

— Дык яйцо с дуб высотой-та. Чуешь?

— А с чего ты взял старый, что то шишига была? — Старшой извлек из под стола второй штоф, не забыв перед этим убрать пустой.

— А то кто ж? Сама мелкая, что твое дите голопузое. Руки до колен. Голова лысая с рожками. Глаза в два алтына. И вся рыбьей чешуей, как новый рупь, сияет. Стоит и лупает на меня глазищами-та, страхолюда. Я, значить, с фузею в нее и стрельнул.

— Ну? А шишига? — Старшой подвинул полную чарку. Митрофаныч благодарственно кивнул и тут же выпил. Смахнул набежавшую слезу, проглотил пару ложек остывшей ухи и смачно хрумкнул сухарем.

— Да убегла. Заверещала не по-человечьи, отпрыгнула обратно. Потом снова грохнуло, яйцо подпрыгнуло и исчезло.

Артельщики дружно расхохотались. Смеялись долго и с удовольствием, пихая друг друга локтями.

— Ну Митрофаныч, потешил. Знатную байку рассказал. Чую, знатная охота у тебя сегодня случилась. — Старшой разлил остатки водки, и посмотрел на краешек почти исчезнувшего за горизонтом солнца.

Совсем затемно, Митрофаныч осторожно, стараясь не повредить лапник и не разбудить мужиков треском веток, вылез из шалаша. Постоял с минуту, прислушиваясь к дружному, переливчатому храпу,

поправил висящую на плече фузею и припустил к кустам.

Быстрыми шагами, а где и бегом, дошел до места где его повстречал Григорий. Снова постоял, прислушиваясь к ночному лесу, и пошел к невысокому, ничем не приметному холму. За пару шагов остановился — холм пошел волнами, засветился мягким, приглушенным светом. Еще раз прислушавшись к темноте и кинув вороватый взгляд за спину, Митрофаныч быстро преодолел остаток пути и, сделав еще шаг, оказался внутри холма.

Внутри было светло. Тусклый, розовых оттенков, свет, истекавший из стенок купола Корабля, скупо освещал круглое помещение и хорошо сочетался с освещением кокона, висящего в центре. В коконе с блаженной улыбкой на лице спал Митрофаныч. Лже-Митрофаныч ленивой походкой, цокая стертymi сапогами по металлически поблескивающему полу, шел к нему. С каждым шагом его внешность менялось. Шаг — и исчезла окладистая седая борода. Шаг — стерлись черты лица. Шаг — изменился рост и фигура. Еще один, последний шаг и перед коконом с Митрофанычем стояла шишига, поблескивая своим чешуйчатым костюмом. Огромные, мерцающие глаза, не моргая оглядели старика, длинная рука с неестественно вытянутыми пальцами осторожно коснулась кокона. Постояв немного, существо, не торопясь, обошло помещение, местами останавливаясь и трогая скребя длинными пальцами поверхность под ногами. Вернулось к Митрофанычу и с удовлетворением посмотрело, как прорастают еще шесть коконов. Довольно, совсем по-человечески, хмыкнуло. Подняло брошенную фузею и вышло наружу. Где-то вдаль, вместе с осторожными шагами, быстро затихая, прошелестел голос старшего:

— Чую, знатная сегодня охота случится...

* Фузея — ружье (стар.)

* Пить зелье (старо-рус.) — курить табак.

Эчик Барцев:

«Может, марийцы останутся только на моих полотнах?»

«Неофициальный путешественник по рекам и горам Урала, велосипедист-одиночка», а также неутомимый «художник-самозванец» — так называет себя сам Эчик Александрович. Всю жизнь он имел дело с техникой, но душа его тянулась к холсту и краскам. Выйдя на пенсию, Э.А.Барцев наконец-то смог осуществить свои творческие замыслы.

Родился художник в 1936 году в деревне Кучу-Кожлоял в республике Марий Эл. В пору его детства деревня жила натуральным хозяйством: «Зимними длинными вечерами при свете лучинок мужчины плели лапти, женщины пряли, вышивали, ткали ткань». А по праздникам ездили гостить в другие деревни.

Семья Барцевых была большая — семеро детей. Горе пришло вместе с войной: в самом ее начале умерла мать, погиб на фронте отец. Очень рано пришлось Эчику Александровичу начать трудовую жизнь. А затем, после службы в армии, пришлось освоить множество профессий: работал мотористом, электриком, шофером, трактористом, комбайнером, бульдозеристом, слесарем-ремонтником, инженером-конструктором. В 1964 году Э.Барцев приехал в Екатеринбург. В 1994 году вышел на пенсию.

Как говорит сам художник, творчество для него — своеобразный «второй круг жизни», где он проводит время с упоением, с большим желанием воспевать на полотнах марийский народ: «Я люблю его быт, — пишет Эчик Барцев, — его смекалистость, трудолюбие и умение приспосабливаться к любым условиям жизни». Он изучает историю марийцев, их происхождение, быт и традиции — обо всем этом он и рассказывает нам в своих работах. Герои его картин живут своей жизнью: работают, веселятся, философствуют. Порой они напоминают героев легенд и сказаний, но все же это реальные люди, истинные хранители традиций. Художника мучает вопрос — не исчезнет ли его родной народ, не растворится ли среди других, ведь может случиться так, что марийцы останутся только на его полотнах.

Помимо живописи, у Эчика Александровича есть еще одна любовь — путешествия. Несмотря на свой возраст, он с удовольствием, как только выпадает воз-

можность, собирает нехитрый скарб путешественника, берет велосипед или лыжи и смело отправляется в путь, иногда со знакомыми, а чаще всего один.

В работах Эчика Александровича — две вечные темы: любовь и уважение к марийскому народу, а также к уральской природе — гармоничной и неотъемлемой части круговорота жизни.

Старая ель

У ночного костра

Мы кедровые

Пробуждение

Безотцовщина

Берег реки Исеть

Там далеко за Уралом мой Марийский край